

Міністерство культури і туризму України

Одеська державна наукова бібліотека
імені М. Горького

***ВОЛОДИМИР ТИМОФІЙОВИЧ
МИНЕНКО***

Збірник матеріалів про митця

Одеса
2008

Автори-упорядники:
Л.М.Бур'ян, Т.В.Щурова

Редакційна колегія:
*О.Ф.Ботушанська (відп. ред.),
А.С.Глушак, Г.Я.Лазарева*

Редактор
І.С.Шелестович

© Л.М.Бур'ян, Т.В.Щурова. Упорядкування, 2008

© ОДНБ ім. М.Горького, 2008

МИНЕНКО
Володимир Тимофійович
(2 січня 1947 – 16 грудня 2006, Одеса)

«Людина-видавництво», як називали колеги Володимира Миненка за багатогранність таланту, встиг за життя оформити близько п'ятисот видань. Йому навдивовижку вдавалося, створюючи образ тієї чи іншої книги, кожного разу майстерно поєднувати в ній візуальний та текстовий матеріали. Бувши фактично самоуком, художник дуже швидко став однією із найзначніших постатей у поліграфічній справі Одеси останніх трьох десятиріч.

В.Т.Миненко народився у Харкові. Трудову діяльність розпочав маляром першого розряду на ХТЗ імені С.Орджонікідзе; працював випробувачем на годинниковому заводі. Через сімейні обставини не зміг закінчити Літературний інститут і здобути художню освіту, але все ж таки зумів зробити книгу справою свого життя.

Наприкінці 1960-х Миненко переїхав до Одеси. Впродовж десяти років працював у республіканському піонертаборі «Молода гвардія», виконуючи функції не тільки художника-оформлювача, але й піонервожатого, музичного керівника, методиста.

З кінця 1970-х до початку 1990-х доля художника була пов'язана з одеським державним видавництвом «Маяк», де він за короткий час завоював право стати старшим художнім редактором. Завдяки його дизайнерському таланту книги одеських авторів діставали високі оцінки.

У 1990-ті роки Миненко успішно співпрацював з видавництвом «Папірус», де був старшим художнім і технічним редактором.

В останні роки життя В.Миненко успішно працював у різних видавничих форматах. Це були художні альбоми, буклети, довідкові та науково-популярні книги, мініатюрні видання, періодика. У 2001 році він став лауреатом муніципальної літературної премії імені К.Паустовського. Його роботи неодноразово відзначалися на книжкових форумах України, одержували почесні грамоти.

У книзі, яку ми пропонуємо читачеві, представлено творчий доробок талановитого майстра, спогади людей, близько з ним знайомих.

РОБОТА З КНИГОЮ

1977

1. Глушак А.С. Сонячний вітер : поезії / А.С.Глушак ; [худож. В.Т.Миненко ; ред. Ж.І.Зінченко]. – О. : Маяк, 1977. – 95 с. : ілюстр. – 6000 пр.

2. Нечерда Б. Танець під дощем : лірика / Б.Нечерда ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1977. – 94 с. – 3000 пр.

3. Ткачук М.С. Радіограма : повість, оповідання / М.М.Ткачук ; [худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1977. – 205, [3] с. : ілюстр. – 15 000 пр.

4. Тогда лишь становится город героем : сб. стихов и песен о городах-героях / [сост.: В.Н.Нахапетов, Н.М.Суховецкий ; пер. М.Тарловского и др. ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1977. – 213, [2] с. : ил. – (К 60-летию Вооруж. Сил СССР). – 8000 экз.

1978

5. Балацкий В. Подвиг Одессы : путеводитель / В.Балацкий ; ред. А.Г.Довгонос ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1978. – 160 с. : ил., 16 л. ил.

6. Крымов Ю. Танкер «Дербент» : повесть : [для ст. шк. возраста / Юрий Крымов ; авт. вступ. ст. Л.Бурчак ; оформ. худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1978. – 197, [2] с. : портр. – (Школьная библиотека). – 100 000 экз.

7. 73 героических дня : (хроника обороны Одессы в 1941 году) / [С.А.Вольский (рук.), Н.А.Кривцов, П.А.Кундаров, Г.М.Лункин ; отв. ред. Р.В.Иванов ; худож. В.Т.Миненко]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – О. : Маяк, 1978. – 320 с. : ил., 16 л. ил. – 75 000 экз. – ИБ № 279.

8. Череватенко А. Небо Одессы, 1941-й / А.Череватенко ; лит. запись А.Г.Ключника ; худож. В.Т.Миненко. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – О. : Маяк, 1978. – 175 с. – 25 000 экз.

1979

9. Довгонос А.Г. Переконаність : поезії / [А.Г.Довгонос ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1979. – 70, [1] с. : ілюстр. – 3000 пр.

10. Королева Е.В. Соперники орлов / Е.В.Королева, В.А.Рудник ; худож. В.Т.Миненко. – 4-е изд., перераб. – О. : Маяк, 1979. – 235 с. : ил., 8 л. ил.

11. Одесский год Пушкина : лит.-краевед. сб. / [авт.-сост. К.С.Саркисян ; предисл. Н.И.Поповой-Голлер ; худож. Г.В.Гармидер ; переплет и макет В.Т.Миненко]. – 2-е изд., доп. и перераб. – О. : Маяк, 1979. – 247 с. : портр.

12. Тогда лишь становится город героем : сб. стихов и песен о городах-героях / [сост.: В.Н.Нахапетов, Н.М.Суховецкий ; пер. М.Тарловского и др. ; худож. В.Т.Миненко]. – 2-е изд., перераб. и доп. – О. : Маяк, 1979. – 260, [1] с. : ил. – 20 000 экз.

1980

13. Дятлов С.Е. Одесские лиманы : краевед. очерки / Е.Е.Дятлов, А.О.Лещинский ; рецензенты: Ю.А.Амброз, Н.Е.Гусляков ; худож. В.Т. Миненко. – О. : Маяк, 1980. – 72 с. – 20 000 экз.

14. Нечерда Б.А. Вежа : вірші та поема / Б.А.Нечерда ; [рецензент А.Я.Янченко ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1980. – 71 с. – 4000 пр.

15. Рабенчук В.С.Вітрило ранку : вірші / В.С.Рабенчук ; худож. В.М.Миненко. – О. : Маяк, 1980. – 51 с. : ілюстр. – 6000 пр.

1981

16. Бунякина Т.А. Шабо : очерк / Т.А.Бунякина ; пер. Л.Е.Соловьева, В.В.Чеботаря ; худож. ред. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1981. – 55 с. : ил., 8 л. ил. – Текст парал. рус., англ., фр. – 15 000 экз.

17. Веселка над берегами і поезії : [зб. віршів рад. і угор. поетів / ред.-упоряд.: В.Нарушевич та ін. ; пер. Ю.Шкробинця та

ін. ; худож. оформ. В.Т.Миненка]. – О. : Маяк ; Сегед : Чонград. обл. вид-во, 1981. – 181, [1] с. : ілюстр. – Частина тексту рос. та болг. мовами. – 5000 пр.

18. Від заводського причалу : поезії : [збірник / упоряд. і авт. передм. В.П.Бойченко ; рецензент С.С.Стриженюк ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1981. – 110, [1] с. : ілюстр. – Укр., рос. мовами. – 6000 пр.

19. Дяченко П.Ф. Путешествие по Одесскому заливу : путеводитель / П.Ф.Дяченко, В.Я.Сущинский ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1981. – 70 с., 4 л. ил., 8 л. цв. ил. – 35 000 экз.

20. Крила подвигу : поезії : [зб. віршів поетів Волгогр. та Одес. обл. / упоряд.: Л.С.Кривошеєнко, В.К.Березінський ; худож. оформ. В.Т.Миненка]. – О. : Маяк ; Волгоград : Нижньо-Волзьке кн. вид-во, 1981. – 189, [1] с. : ілюстр. – Укр., рос. мовами. – 5000 пр.

21. Крыжановский В.Я. Аллея Славы : фотоочерк / В.Я.Крыжановский ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1981. – 96 с. : ил., цв. ил. – 50 000 экз.

1982

22. Бандуренко Є.Ф. Південна сторона : вибране : лірика, гумор та сатира, твори для дітей / Є.Ф.Бандуренко ; передм. І.М.Дузя ; [худож. оформ. та редагування В.Т.Миненка]. – О. : Маяк, 1982. – 343 с. – 5000 пр.

23. Гармидер Г.В. Одесса первой половины XIX века : выставка офортов : каталог / Г.В.Гармидер ; вступ. ст. Е.М.Голубовский ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Облполиграфиздат, 1982. – 24 с.

24. Гордон И.Б. Берег Отрады : стихи / И.Б.Гордон ; рецензенты: Ф.Ф.Степанов, А.Г.Уваров ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1982. – 94 с. – 14 000 экз.

25. Дереч Д.Г. Дві зустрічі : оповідання / Д.Г.Дереч ; вступ. ст. Л.Пастушенко ; рецензенти: А.І.Колісниченко, М.Т.Розлюк ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1982. – 215 с. – 30 000 пр.

26. Крыжицкий С.Д. Ольвия – память тысячелетий : очерк / С.Д.Крыжицкий, Н.А.Лейпунская ; рецензенты: Г.А.Дзис-Райко, Е.И.Леви, Е.Ф.Сидоренко, П.О.Карышковский ; [худож. оформ. и ред. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1982. – 118 с. : ил. – 25 000 экз.

27. Луцкевич Н.Г. Одесский музей западного и восточного искусства : путеводитель / Н.Г.Луцкевич, О.А.Соколов, Е.Н.Шелестова ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1982. – 56 с. : ил., цв. ил. – 50 000 экз.

28. Маляров А.А. Стояло лето : повести / А.А.Маляров ; рецензенты: Г.А.Вязовский, П.А.Дегтярев ; худож. ред. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1982. – 175 с. – 15 000 экз.

29. Мой папа – рабочий : стихи для детей мл. шк. возраста / [сост.: А.М.Карпушкин, В.Т.Миненко] ; худож. М.Шевченко, Е.Матвеев. – О. : Маяк, 1982.

30. Рядченко И.И. Позывные верности : рассказы / И.И.Рядченко ; рецензенты: Б.С.Буряк, Н.М.Омельченко ; худож. ред. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1982. – 179 с. – 15 000 экз.

31. Сильченко В.И. Здесь мы отстояли жизнь : фотоочерк / В.И.Сильченко ; худож. оформ. и ред. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1982. – 71 с. : ил., цв. ил. – 50 000 экз.

32. Такая служба : очерки о работниках милиции Одес. обл. / сост.: В.М.Гаранин, В.Ф.Орленко ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1982. – 183 с. – 20 000 экз.

33. Уваров А.Г. Крылья : стихи, поэма / А.Г.Уваров ; рецензенты: А.С.Дяченко, А.Н.Макаров ; [худож. оформ. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1982. – 70, [1] с. : ил. – 6000 экз.

34. Шевцов П.В. Ильичевск : путеводитель / П.В.Шевцов ; худож. ред. В.Т.Миненко ; пер. на англ. В.Е.Кудринского. – О. : Маяк, 1982. – 43 с., 8 л. цв. ил. – 15 000 экз.

1983

35. Кузьмин А.С. Пляжи Одессы : фотоочерк / А.С.Кузьмин ; худож. ред. В.Т.Миненко. – 2-е изд., доп., перераб. – О. : Маяк, 1983. – 68 с. : цв. ил.

36. Лондон Дж. Морской волк : роман / Дж. Лондон ; послесл. М.Г.Соколянский ; пер. с англ.: Д.М.Гонфинкель, Л.В.Хвостенко ; редкол.: Г.А.Вязовский [и др.] ; худож. Г.В.Гармидер ; худож. ред. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1983. – 248 с., 4 л. цв. ил. – (Морская библиотека ; кн. 30).

37. Люди, море, корабли : рек. указ. лит. / сост. К.Л.Блажевич ; рецензент А.Ф.Луговцов ; худож. ред. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1983. – 32 с. – 5000 экз.

38. Михайлевський А.Ф. Крила любові : поезії / А.Ф.Михайлевський ; рецензенти: А.М.Макаров, М.Ф.Слабошпицький ; худож. оформ. Л.Г.Медведєвої ; худож. ред. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1983. – 95 с. – 3000 пр.

39. Мой папа – рабочий : стихи : [сов. и зарубеж. поэты] : для детей мл. шк. возраста / [сост.: А.М.Карпушкин, В.Т.Миненко] ; худож.: М.Шевченко, Е.Матвеев. – 2-е изд. – О. : Маяк, 1983. – 31,[1] с. : цв. ил. – 200 000 экз.

40. Нечерда Б.А. Удвох із матір'ю : поеми / Б.А.Нечерда ; рецензенти: В.Ф.Корж, С.А.Крижанівський ; [худож.: Г.В.Гармидер, В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1983. – 140, [2] с. : ілюстр., [1] арк. портр. – 3000 пр.

41. Селютина Л. Быть человеком : роман / Л.Селютина ; рецензенты: Л.Н.Панасенко, Н.Т.Равлюк ; худож. ред. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1983. – 255 с. – 30 000 экз.

42. Стрельбицький М.П. Прощання з морем : поезії / М.П.Стрельбицький ; [рецензенти: В.Я.П'янов, П.Г.Щегельський ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1983. – 72 с. – 4000 пр.

1984

43. Глушак А.С. Простір : поезії / А.С.Глушак ; рецензенти: Ю.П.Петренко, М.Ю.Рябчук ; ред. Ж.І.Зінченко ; [худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1984. – 143 с. : портр., ілюстр. – В оформ. використано фотогр. фрагм. творів рос. та фр. скульпторів. – 16 000 пр.

44. Деревянко Б. Одесский театр оперы и балета : фотоочерк / Б.Деревянко ; [пер. на англ. Д.В.Малявина ; худож.

В.Т.Миненко ; рецензенты: Г.А.Поливанова, А.А.Владимирский].
– О. : Маяк, 1984. – 64 с. – Текст рус., англ. – 280 000 экз.

45. Деревянко Б. Одесский театр оперы и балета : фотоочерк / Б.Деревянко ; [пер. на англ. Д.В.Малявина ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1984. – 118 с. – 25 000 экз.

46. Калугин Г.А. Летопись в камне и бронзе : путеводитель / Г.А.Калугин, Л.А.Щербина ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1984. – 128 с., 16 л. ил. – 25 000 экз.

47. Клименко А.М. Измаил : путеводитель. – 2-е изд., перераб. и доп. / А.И.Клименко ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1984. – 87 с. : ил., цв. ил. – 50 000 экз.

48. Косин В.Б. Семь дней по Черному морю : путеводитель / В.Б.Косин [и др.] ; [сост. А.А.Спиридонова] ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1984. – 159 с. : ил., цв. ил. – 25 000 экз.

49. Лясковский В.Г. Платок Макара : докум. повесть / В.Г.Лясковский ; рецензенты: А.И.Колисниченко, А.В.Кучеренко; [худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1984. – 255 с. – 15 000 экз.

50. Малая механизация в порту : рек. указ. лит. / сост.: Н.П.Белявская, Л.Н.Бурьян ; рецензент О.П.Давыдов ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1984. – 46 с. – 1000 экз.

51. Петлицын С.Л. Корабли революции : краевед. очерк / С.Л.Петлицын ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1984. – 70 с. – 20 000 экз.

52. У братньому колі : вірші : [поети Кабардино-Балкарії та Вінниччини / упоряд. А.А.Бортняк та ін. ; пер. А.А.Бортняка та ін. ; худож.: В.Т.Миненко, Г.А.Палатников]. – О. : Маяк, 1984. – 158, [1] с. : ілюстр. – 4500 пр.

53. Циба М.Є. На зламі : роман / М.Є.Циба ; рецензенти: Л.С.Бойко, П.І.Воробей ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1984. – 255 с. – 15 000 пр.

54. Шеренговий О.Г. Хліб на долоні : худож.-докум. повість : [про Є.П.Дунського, Героя Соц. Праці, голову колгоспу ім. Кірова на Одещині] / О.Г.Шеренговий ; [рецензенти: О.М.Дмитренко,

П.В.Рудий ; худож.: Г.В.Гармидер, В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1984. – 191, [1] с. : ілюстр. – 10 000 пр.

1985

55. Дружба, сотрудничество и братская взаимопомощь: трудящиеся Одес. обл. в соц.-экон. и культ. сотрудничестве народов СССР : док. и материалы (1917-1982) / [сост.: А.Д.Бачинский и др. ; редкол.: Б.Н.Стречень (рук.) и др. ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1985. – 231 с. – 2000 экз.

56. Нарушевич В.В. Серпневе гроно : поезії / В.В.Нарушевич ; рецензенти: А.П.М'ястківський, П.Г.Щегельський ; [худож.: В.Т.Миненко, Е.Ю.Орлов]. – О. : Маяк, 1985. – 150, [1] с. : ілюстр. – 2000 пр.

57. Пастушенко Л.Т. Лист до запитання : оповідання / Л.Т.Пастушенко ; [рецензенти: Б.І.Сушинський, О.Г.Шеренговий ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1985. – 142, [2] с. : ілюстр. – 15 000 пр.

58. Суховецький М.М. 3 коханих рук : оповідання / М.М.Суховецький ; [рецензент М.С.Логвиненко ; худож.: В.Т.Миненко, Е.Ю.Орлов]. – О. : Маяк, 1985. – 238, [2] с. : ілюстр. – 30 000 пр.

59. Янчук Б.В. Голубий стапель : оповід. та повісті / Б.В.Янчук ; [рецензенти: Л.Т.Пастушенко, В.П.Сидоренко ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1985. – 200 с. – 10 000 пр.

1986

60. Батров А.М. Повести и рассказы : избранное / А.М.Батров ; [предисл. И.М.Неверова ; худож.: Г.В.Гармидер, В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1986. – 438, [2] с., [1] л. портр. : ил. – 65 000 экз.

61. Старостенко А.Л. Звезда времени : стихи / А.Л.Старостенко ; [рецензенты: В.Л.Мороз, А.Я.Янченко ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1986. – 45, [1] с. – 2000 экз.

62. «...А главное – верность»: очерк, ст., воспоминания о чекистах Одесщины / сост.: А.Г.Довженко, Б.С.Прахе; рецензенты: В.Д.Листов, Н.А.Правдюк; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 240 с. : ил. – 15 000 экз.

63. Белгород-Днестровский краеведческий музей: путеводитель / авт. кол.: А.Ф.Шаров (рук.) [и др.]; рецензенты: В.Д.Украдыга, А.Д.Бачинский; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 72 с., [8] л. ил. : цв. ил. – 15 000 экз.

64. Близнюк А. Обыкновенная жизнь: повести и рассказы / А.Близнюк; рецензенты: И.Е.Кравченко, М.П.Стрельбицкий; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 328 с. – 15 000 экз.

65. Жовтнем осяяна: поезії: [вірші варнен. та одес. поетів] / упоряд.: А.Мочуров, А.Глуцук; [пер. з болг. за ред. В.Моруги]; худож. оформ. В.Миненка; ілюстр. С.Стоїлова, Г.Гармидера. – О. : Маяк; Варна: Георги Бакалов, 1987. – 197 с.: кольор. ілюстр.

66. Краткий справочник судового механика: (техническое использование судовых дизелей) / М.А.Малиновский, А.А.Фока, В.И.Ролинский, Ю.З.Вахрамеев; рецензенты: В.С.Семенов, В.А.Соломко; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 168 с. – 10 000 экз.

67. Мой папа – рабочий: стихи: для детей мл. шк. возраста: [сборник / сост.: А.М.Карпушкин, В.Т.Миненко]; худож.: М.Шевченко, Е.Матвеев. – 3-е изд. – О. : Маяк, 1987. – 31, [1] с. : цв. ил. – 100 000 экз.

68. Одесский медицинский институт им. Н.И.Пирогова / отв. за вып. И.И.Ильин; худож. В.Т.Миненко. – О. : Облполиграфиздат, 1987. – 13 с. : ил. – 10 000 экз.

69. Одесский медицинский институт им. Н.И.Пирогова. Кафедра травматологии и ортопедии / В.Д.Чабаненко [и др.]; отв. за вып. И.И.Ильин; худож. В.Т.Миненко. – О. : Облполиграфиздат, 1987. – 18 с.

70. Островская Н.К. Я жил тогда в Одессе... : путеводитель по Музею-квартире А.С.Пушкина / Н.К.Островская ; [пер. на англ. Г.В.Волянской ; пер. на фр. Е.А.Таубеншлак ; пер. на нем. Н.А.Сергеевой, Р.Л.Насековского ; рецензенты: Я.Л.Левкович, М.А.Левченко ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1987. – 64 с. : ил. – Текст парал. рус., англ., фр., нем. – 50 000 экз.

71. Петраш А.П. Музей ольшанцев : путеводитель / А.П.Петраш, П.М.Ярковой ; рецензенты: В.Ф.Малеева, В.К.Морозов ; худож. В.Т.Миненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – О. : Маяк, 1987. – 48 с. – 10 000 экз.

72. Підласко Т.В. Меморіальний музей В.В.Порика : путівник / Т.В.Підласко ; пер. на фр. О.А.Таубеншлак ; рецензент Т.П.Заклунна ; худож. В.Т.Миненко. – 2-е вид., допов. – О. : Маяк, 1987. – 64 с. : ілюстр. – Текст парал. укр., фр. – 4000 пр.

73. Полтавчук В. Котовск : краевед. очерк / А.Полтавчук ; рецензенты: И.К.Калмакан, В.М.Колесниченко ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 64 с. – 10 000 экз.

74. Работаем по-новому : мас. полит. изд. / ред.: С.И.Вайнблат [и др.] ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 216 с. – 3000 экз.

75. Тарнавский В.В. Завещаем Родину беречь / В.В.Тарнавский ; рецензенты: В.Ф.Плеханов, А.А.Голышев ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 160 с.

76. Федюк Т. І промовчати не посмів... : лірика / Т.Федюк ; [рецензенти: А.А.Бортняк, А.А.Макаров ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1987. – 80 с. – 2000 пр.

77. Циба М.Є. Марко Хорунжий : роман / М.Є.Циба ; рецензенти: М.С.Вінграновський, А.І.Колісниченко, О.О.Солдатський ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 264 с.

78. Чунихин В.А. Лицом к лицу с СД / В.А.Чунихин ; рецензент В.Н.Немятый ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 208 с. – 25 000 экз.

79. Юдин В.Я. Одесские катакомбы : краевед. очерк / В.Я.Юдин, К.К.Пронин ; рецензенты: И.П.Зелинский,

А.Д.Бачинский ; худож. В.Т.Миненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – О. : Маяк, 1987. – 128 с., [8] л. ил. – 25 000 экз.

80. Яковенко Т.В. Любов вам до лица : лірика / Т.В.Яковенко ; рецензенти: В.Є.Панченко, С.С.Стриженюк ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 72 с. – 3000 пр.

81. Январев Э.И. Эхо на площади : стихи / Э.И.Январев ; рецензенты: В.В.Домрин, Ю.Н.Михайлик ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 128 с. – 4000 экз.

82. Янчук Б.В. Лебеді з далекого берега : роман . Кн. 1 / Б.В.Янчук ; [рецензенти: А.Ф.Мацевич, Є.М.Прісовський ; худож.: В.Т.Миненко, В.О.Соловійов]. – О. : Маяк, 1987. – 269, [1] с. : ілюстр. – 30 000 пр.

1988

83. Андриевский В.Ф. Мы – корабелы : очерк / В.Ф.Андриевский ; рецензент В.Г.Матвеев ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1988. – 48 с. : ил., цв. ил. – 20 000 экз. – ISBN 5-7760-0082-3.

84. Базоев М.М. Верность : стихотворения и проза / М.М.Базоев ; [худож.: В.Т.Миненко, А.А.Литвинов ; рецензент И.И.Рядченко]. – О. : Маяк, 1988. – 182, [1] с. : ил., портр. – 2000 экз. – ISBN 5-7760-0218-4.

85. Василец В.М. Доверено руководить / В.М.Василец ; рецензенты: Л.С.Тупчиенко, М.М.Сорока ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1988. – 208 с. – 3000 экз. – ISBN 5-7760-0110-2.

86. Каушанский П.Л. С претензией на истину: о взглядах и деятельности экстремистов от баптизма / П.Л.Каушанский ; рецензенты: П.Г.Гопченко, П.Л.Яроцкий ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1988. – 248 с. – 15 000 экз. – ISBN 5-7760-0147-1.

87. Колісниченко А.І. Новели : вибране / А.І.Колісниченко ; [редкол.: І.М.Дузь (голова), Б.І.Сушинський, В.О.Яворівський ; авт. передм. В.О.Яворівський ; рецензент Л.С.Бойко ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1988. – 344 с. – 9000 пр. – ISBN 5-7760-0122-6.

88. Корченев В.К. О чем поведала медаль : краевед. очерки / В.К.Корченев ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1988. – 96 с., 8 л. ил. – 10 000 экз. – ISBN 5-7760-0093-9.

89. Луцкевич Н.Г. Одесский музей западного и восточного искусства : путеводитель. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н.Г.Луцкевич, О.А.Соколов, Е.Н.Шелестова ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1988. – 56 с. : ил., цв. ил.

90. Малых А.Н. Музей «Филики Этерия» : путеводитель / А.Н.Малых, Т.А.Король, А.М.Нирша ; [рецензенты: К.Д.Петряев, Н.Н.Пустовойтенко ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1988. – 56 с. : ил. – 10 000 экз. – ISBN 5-7760-0103-X.

91. Михайлик Ю.Н. Честно и храбро : роман / Ю.Н.Михайлик ; [худож. В.Т.Миненко ; рецензенты: С.А.Вольский, А.М.Соколов, В.В.Фашенко]. – О. : Маяк, 1988. – 420 с. – 30 000 экз. – ISBN 5-7760-0136-6.

92. Одесская альтернатива / сост. Н.Г.Юнгвальд-Хилькевич ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1988. – 64 с. : ил. – 30 000 экз. – ISBN 5-7760-0143-9.

93. Одесский научно-исследовательский институт вирусологии и эпидемиологии им. И.И.Мечникова / сост.: А.В.Целух, В.П.Сокольская ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Облполиграфиздат, 1988. – 13 с. – 1000 экз.

94. Плеханов В.Ф. Учиться Родине служить / В.Ф.Плеханов ; [худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1988. – 200 с. – 25 000 экз. – ISBN 5-7760-0145-5.

95. 73 героических дня: хроника обороны Одессы в 1941 году / [С.А.Вольский и др. ; худож. В.Т.Миненко]. – 3-е изд. перераб. и доп. – О. : Маяк, 1988. – 320 с. : ил. – 25 000 экз. – ISBN 5-7760-0130-7.

96. Система кормопроизводства в Одесской области / В.А.Калинчук [и др.] ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1988. – 272 с. – 3000 экз. – ISBN 5-7760-0131-5.

97. Юрков И.Ф. Впереди атакующих эскадронов / И.Ф.Юрков ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1988. – 240 с. – 25 000 экз. – ISBN 5-7760-0111-0.

1989

98. Аверьянович И.А. Рассекретить – опубликовать... : очерки, ст., воспоминания о чекистах Николаевщины / И.А.Аверьянович, В.А.Чунихин, А.Н.Умеренков ; сост. В.А.Левенец ; рецензенты: А.П.Федотов, И.Д.Черных ; ред. В.К.Воронюк ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1989. – 152 с. – 5000 экз.

99. Белоус А.Г. Одесса : путеводитель-справочник / А.Г.Белоус, И.М.Коляда ; рецензенты: А.В.Гонтар, В.Г.Коновалов ; худож.: Г.В.Гармидер, В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1989. – 240 с. : цв. ил. – 25 000 экз. – ISBN 5-7760-0056-4.

100. Бортняк А.А. Поки дыхаю, поки живу... : поезії / А.А.Бортняк ; [худож.: В.Т.Миненко, А.Г.Хівренко ; рецензенти: В.К.Березінський, Є.М.Прісовський]. – О. : Маяк, 1989. – 110 с. – 4000 пр. – ISBN 5-7760-0018-1.

101. Василец В. Арендаторы / В.Василец ; рецензент Б.В.Буркинський ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1989. – 120 с. – (Больше социализма). – 2000 экз. – ISBN 5-7760-0148-X.

102. Заслуженный деятель искусств УССР Святослав Божий. Путь к картине. Живопись. Графика : кат. выст. / сост. В.А.Абрамов ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Облполиграфиздат, 1989. – [24] с. – 300 экз.

103. Наш час – революційний: письменники про перебудову : зб. публіц. нарисів / упоряд. О.С.Гурвич-Перева ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1989. – 104 с. – 1500 пр. – ISBN 5-7760-0150-1.

104. Нечерда Б.А. Лірика / Б.А.Нечерда ; рецензент Г.А.В'язовський ; ред. Ф.С.Лебедева ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1989. – 112 с. – 1000 пр. – ISBN 5-7760-0241-9.

105. Одесса и породненные с ней города : краевед. очерк / А.Г.Белоус [и др.] ; Ю.М.Мазур (рук.) ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1989. – 192 с. – 5000 экз. – ISBN 5-7760-0066-1.

106. Парад карикатур : выст. юморист. рисунка / [сост. А.С.Митник ; худож. оформ. В.Т.Миненко] ; Одес. худож. музей ; клуб «Линия» одес. обл. газ. «Знамя коммунизма». – О. : Облполиграфиздат, 1989. – [136] с. – 11 000 экз.

107. Федюк Т. Політ осінньої бджоли : поезії / Т.Федюк ; рецензент Л.В.Голота ; ред. О.В.Лупій ; худож. В.Т.Миненко. – К. : Рад. письм., 1989. – 102 с. – 2000 пр.

108. Янчук Б.В. Таємниця Галена : роман / Б.В.Янчук ; [рецензент І.І.Лук'янчук ; худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1989. – 304 с. – 15 000 пр. – ISBN 5-7760-0039-4.

1990

109. Бачинский А.Д. Историки : очерки исторических связей Одессы и Варны / А.Д.Бачинский, М.Д.Дыхан, К.С.Стоянов ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1990. – 136 с. – 1000 экз. – ISBN 5-7760-0347-4.

110. Глушак А.С. Тиждень : поезії / А.С.Глушак ; [худож. В.Т.Миненко ; ред. В.В.Нарушевич]. – О. : Маяк, 1990. – 152 с. – 3000 пр. – ISBN 5-7760-0329-6.

111. Гольдвар Л.Г. А кони все еще в ночном... : стихотворения / Л.Г.Гольдвар ; [худож. В.Т.Миненко]. – О. : Маяк, 1990. – 95 с. : ил. – 3000 экз.

112. Есть город у моря : краевед. сб. / сост.: Ю.А.Гаврилов, Е.М.Голубовский ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1990. – 352 с. – 15 000 экз. – ISBN 5-7760-0263-Х.

113. Николай Степанов: выставка произведений: скульптура, графика : каталог / авт. вступ. ст. и сост. О.Н.Савицкая ; худож. В.Т.Миненко. – О. : ОКФА, 1990. – [32] с. – 300 экз.

114. Трудное обновление : говорят нар. депутаты СССР от Одес. обл. / ред.-сост.: И.В.Рыковцева, Ю.П.Коновалов ; худож.

В.Т.Миненко. – О.: Маяк, 1990. – 152 с. – 2000 экз. – ISBN 5-7760-0253-2.

115. Шашков Н.А. Что рассказал мне старый патефон : новеллы / Н.А.Шашков ; [авт. предисл. Ю.И.Шарабаров ; худож.: В.Т.Миненко, Л.В.Николаева ; рецензенты: И.М.Дузь, В.В.Фашченко]. – О.: Маяк, 1990. – 159 с., [1] л. портр. : ил. – 5000 экз. – ISBN 5-7760-0328-8.

1991

116. Бабель И. Одесские рассказы / И.Бабель ; сост., послесл. А.С.Глушак ; ил. Г.А.Палатников ; оформ. В.Т.Миненко. – О.: Летопись, 1991. – 224 с. – 20 000 экз. – ISBN 5-7707-0410-1.

117. Гармидер Г. Живопись. Графика / Г.Гармидер ; [худож. оформ. В.Т.Миненко]. – О., 1991. – 1 л., слож. в 3 : ил.

118. Дорога и люди / [В.М.Касьяненко (рук.) и др. ; лит. запись А.Ф.Заборовского ; худож. В.Т.Миненко]. – О.: Маяк, 1991. – 272 с., 8 л. ил. – 5000 экз. – ISBN 5-7760-0455-1.

119. Завтра – океан : повісті : для серед. та ст. шк. віку / упоряд. і авт. вступ. сл. Б.І.Сушинський ; худож.: В.Т.Миненко, Н.А.Попова ; ред. Т.В.Мельникова. – О.: Маяк, 1991. – 400 с.

120. Клуб одесских джентльменов. «Заседание продолжается!» : сатир. монологи, скетчи, миниатюры / сост. В.И.Хаит ; худож. В.Т.Миненко ; ред. Е.С.Гурвич-Перева. – О.: Маяк, 1991. – 56 с. – 10 000 экз. – ISBN 5-7760-0427-6.

121. Нечерда Б.А. Вибране : поезії / Б.А.Нечерда ; передм. М.Ф.Слабошпицького ; худож. оформ. В.Т.Миненка. – К.: Дніпро, 1991. – 429 с. – 1600 пр. – ISBN 5-308-00855-8.

122. Файтельберг Р.О. Пережитое / Р.О.Файтельберг ; ред. Ю.П.Коновалов ; худож. В.Т.Миненко. – О.: Маяк, 1991. – 176 с. – 3100 экз. – ISBN 5-7760-0456-X.

1992

123. Вся Одесса : справ. кн. / сост. И.М.Коляда ; ред. Ю.М.Мазур ; худож. оформ. В.Т.Миненко ; редкол.: А.Г.Белоус [и др.]. – О. : ТПО «Аспект», 1992. – 235 с. – 10 000 экз. – ISBN 5-8404-0005-X.

124. Галина Лекарева-Никитина : [буклет / худож. оформл. В.Миненко. – О., 1992. – 8 л.]

125. Золотарев А.Е. Биографический словарь профессоров Одесского медицинского института имени Н.И.Пирогова (1900-1990) / А.Е.Золотарев, И.И.Ильин, Л.Г.Луки ; рецензенты: Ю.Л.Курако, Р.Ф.Макулькин ; ред. Ю.П.Коновалов ; худож.-сост. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1992. – 328 с. : ил. – 3000 экз. – ISBN 5-7760-0430-6.

126. Наталья Мартынюк : [буклет / худож. оформл. В.Миненко. – О., 1992. – 8 л.]

1993

127. Александр Шкуропат. Живопись : каталог / авт. вступ. ст. М.М.Рашковецкий ; худож. В.Т.Миненко ; отв. за вып. В.А.Абрамов ; цв. фото О.В.Куцкий. – О. : Ред.-изд. отд. упр. по печати обл. гос. админ., 1993. – 56 с. : ил.

128. Амбарян О.А. Главные морские порты Украины. Одесса. Ильичевск. Южный / О.А.Амбарян, А.И.Брюм, В.Г.Иванов ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1993. – 336 с. : ил. – ISBN 5-7760-0485-3.

129. Куприн А. Гамбринус / А.Куприн ; сост., послесл. А.С.Глушак ; худож. О.А.Литвинов ; оформ. В.Т.Миненко. – О. : Летопись, 1993. – 270 с. : ил. – 20 000 экз. – ISBN 5-7707-1878-1.

130. Овтин Ю.П. Об Одессе и одесситах / Ю.П.Овтин, М.В.Коломей, Б.Г.Шинко ; предисл. Е.М.Голубовский ; худож. оформ.: Г.В.Гармидер, В.Т.Миненко. – О. : Папирус, 1993. – 151 с. – (200-летию любимого города посвящается). – 5000 экз. – ISBN 5-7707-4914-8.

1994

131. Бунчак Ю. Подсолнухи : стихи / Ю.Бунчак ; ред. А.С.Глушак ; оформ., макет, худож. и техн. редактирование В.Т.Миненко. – О. : Черноморье, 1994. – 48 с.

132. Вся Одесса : справ. кн. / сост. И.М.Коляда ; редкол.: А.Г.Белоус, Г.Д.Зленко, И.М.Коляда, А.Г.Станчев ; худож. В.Т.Миненко. – О. : МП «Журналист», 1994. – 482 с. – 15 000 экз. – ISBN 5-7707-4474-X.

133. Выставка «Неизвестные и забытые портретисты XVIII-XIX веков» из фондов Одесского художественного музея : каталог / сост. и авт. вступ. ст. Л.Н.Калмановская ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Ред.-изд. отд. обл. упр. по печати, 1994. – 80 с.

134. Губарь О.И. 100 вопросов за Одессу / О.И.Губарь ; фотоил. С.В.Калмыкова ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Полином, 1994. – 168 с., [16] л. ил. – ISBN 5-7240-0051-2.

135. Евгений Рахманов. Живопись : кат. выст. : Одесса, 3 мая – 3 июня 1993 г. / авт. вступ. ст. и сост. М.М.Рашковецкий ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Ред.-изд. отд. обл. упр. по печати, 1994. – [18] с.

136. Овтин Ю.П. Одесские историки / Ю.П.Овтин ; предисл. Б.И.Сушинский ; худож. оформ.: В.Т.Миненко, Г.В.Гармидер. – О. : Черноморье : Папирус, 1994. – 174 с. – 5000 экз. – ISBN 5-7707-6540-2.

137. Одесса: город – агломерация – портово-промышленный комплекс / под. общ. ред. А.Г.Топчиева ; худож. В.Т.Миненко. – О. : АО БАХВА, 1994. – 360 с. : илюстр. – ISBN 5-7707-6363-9.

1995

138. Бачинський А.Д. Буджацька заграда : придунайські землі України в роки ВВВ / А.Д.Бачинський ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1995. – 64 с. – ISBN 5-7760-0526-4.

139. Бачинський А.Д. Козацтво на півдні України (1775-1869) / А.Д.Бачинський, О.А.Бачинська ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1995. – 56 с. – ISBN 5-7760-0537-Х.

140. Белоусова Л.Г. Одесской таможне 200 лет / Л.Г.Белоусова, Г.Л.Малинова ; под. общ. ред. М.Н.Ковальчука ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : ОКФА, 1995. – 98 с.

141. Григорий Григорьевич Маразли : меценат и коллекционер : сб. ст. / сост.: А.В.Арюпина, О.М.Барковская, С.З.Лущик, Т.В.Щурова ; отв. ред., авт. вступ. ст. О.Ф.Ботушанская ; пер. с англ. Е.А.Закревской ; оформ. худож. В.Т.Миненко ; фотоил.: Ю.В.Бойко [и др.]. – О. : ОКФА, 1995. – 288 с. : ил. – ISBN 5-7707-8308-7.

142. Казки українських письменників / упоряд. В.В.Нарушевич ; худож. оформ.: В.Т.Миненко, Н.А.Попова. – О. : Маяк : РІНО, 1995. – 80 с. : ілюстр. – (Шкільна програма ; кн. 3).

143. Міфи стародавніх Єгипту, Індії, Китаю, Вавілона / упоряд. О.Буханенко ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : Маяк : РІНО, 1995. – 56 с. : ілюстр. – (Шкільна програма ; кн. 2). – ISBN 5-7760-0536-1.

144. Новые поступления Одесского художественного музея (1988-1993): живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство : каталог / сост. и авт. вступ. ст. Л.А.Еремина ; отв. за вып. Л.Г.Бабий ; худож. В.Т.Миненко. – О. : ОКФА, 1995. – 72 с.

145. Овтин Ю.П. Про мужские дела / Ю.П.Овтин ; предисл. Б.И.Сушинский ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : Черноморье : Папирус, 1995. – 167 с. – 5000 экз. – ISBN 5-7707-8946-8.

146. Одесский календарь для леди и джентльменов, 1995 / Ян Гельман [и др.] ; худож. оформ., макетирование В.Т.Миненко. – О. : Полинам, 1995. – [62] с.

147. Снеткова С. «Каждому дано судьбой прозреть» : избране / С.Снеткова ; вступ. ст. І.Рядченка ; худож. В.Т.Миненко. – О. : ОКФА, 1995. – 160 с. – ISBN 5-7707-8922-0.

148. Сто фотографій Леоніда Утьосова: до 100-річного ювілею : [альбом] / Виконком Одес. міськради нар. депутатів , Одес. будинок вчених , фонд «Музей-квартира Л.И.Утьосова» ; упоряд.: Б.С., Е.Б.Амчиславські ; передм. Е.Б.Амчиславського ; худож. В.Т.Миненко. – О. : ОКФА, 1995. – 128 с. : ілюстр. – ISBN 5-7707-6630-1.

149. Сталетов П.И. «Вальтер», «Браунинг», «Макаров» и К : оружие самозащиты : Дамское. Карманное. Экзотическое. Служебное / П.И.Сталетов, Р.Е.Вольвер, худож. оформ. В.Т.Миненко ; фотоил. С.В.Камыков. – О. : ИНТЕРПРЕСС, 1995. – 48 с. – 20 000 экз. – ISBN 5-81-941-1060.

150. Шайкевич Б.О. Одеса – осередок болгарської культури : літ.-краєзн. нариси / Б.О.Шайкевич ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1995. – 96 с. – Болг. мовою. – ISBN 5-7760-0531-0.

1996

151. Молекулярно-генетические и биофизические методы исследования в медицине / под ред. Ю.И.Бажоры, Ю.И.Кресюна, В.И.Запорожана ; [худож.-оформ. В.Т.Миненко ; худож. ред. В.Т.Миненко]. – К. : Здоров'я, 1996. – 207 с. – 1000 пр. – ISBN 5-5-311-01045-2.

152. Овтин Ю.П. О, белый теплоход... / Ю.П.Овтин ; предисл. П.В.Шевцов ; послесл. Ю.И.Бажора ; худож. оформ.: В.Т.Миненко, Г.В.Гармидер. – О. : Черноморье : Папирус, 1996. – 206 с. – 5000 экз. – ISBN 5-966-555-095-0.

153. Симисинова Н.П. Постоять у Эль Греко : сб. рассказов / Н.П.Симисинова ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Моряк, 1996. – 96 с. – 2000 экз. – ISBN 5-7240-555-0134-7.

1997

154. Малыгин Ю.М. Соло на розе ветров : стихотворения / Ю.М.Малыгин ; рецензенты: М.М.Базоев, И.Б.Гордон ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 1997. – 112 с. – 1000 пр. – ISBN 5-966-549-036-2.

155. Пойзнер М.Б. Из подсмотренного и подслушанного в Одессе / М.Б.Пойзнер ; предисл. Е.М.Голубовский ; худож.

оформ. В.Т.Миненко; ил. Н.Н.Сусала. – О. : ЛИА «Одессей», 1997. – 160 с.

156. Спадкові захворювання і природжені вади розвитку в перинатологічній практиці / [авт.: В.М.Запорожан та ін.; худож. оформ. В.Т.Миненко]. – К. : Здоров'я, 1997. – 357 с. – 3000 пр. – ISBN 5-311-00927-6.

1998

157. Деревянюк Б. Судьбу вибираєш сам / Б.Деревянюк; сост. А.С.Деревянюк; отв. за вып. А.С.Глушак; худож. оформ. и макет В.Т.Миненко; редкол.: С.Н.Бойченко [и др.]; фото О.В.Владимирского и М.Б.Рыбака. – О. : ОКФА, 1998. – 446 с. : фот. – 3000 экз. – ISBN 966-571-085-0.

158. Одесский журнал «Крокодил» и его авторы : избранные страницы (1911-1912) / сост. Т.В.Щурова; авт. ст.: Э.М.Голубовский, С.З.Лушчик; отв. ред. О.Ф.Ботушанская; оформ. и макет худож. В.Т.Миненко; фото С.В.Калмыков. – О. : ОКФА, 1998. – 320 с. : ил. – 2000 пр. – ISBN 966-571-083-4.

159. Старопечатные издания кирилловского шрифта, XV-первая половина XVI ст. : кат. коллекции / сост. В.Н.Райко; науч. ред., авт. вступ. ст. Е.Л.Немировский; [ред. М.Л.Десенко; худож. оформ. и макет В.Т.Миненко]. – О. : ОКФА, 1998. – 128 с. : ил. – 200 экз. – ISBN 966-571-091-5.

1999

160. Галина Лазарева. Время. Кино. Книга : сборник / сост. Е.Марценюк; подгот. и оформ. В.Т.Миненко. – О. : БАХВА, 1999. – 487 с. : ил. – 500 экз. – ISBN 966-7079-41-4.

2000

161. Глушак А.С. Бродячий сюжет: AVE EVA : ліричні апокрифи, неромантичний альбом : поезії / А.С.Глушак; дизайн та оригінал-макет В.Т.Миненка. – О. : Астропринт, 2000. – 120 с. – 1000 пр. – ISBN 966-549-338-8.

162. Малиновский А. Кино в Одессе : путеводитель по кинотеатрам старым и новым / А.Малиновский; рецензенты:

И.А.Бодюл, В.В.Костроменко ; лит. запись Ю.А.Гаврилов ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2000. – 220 с. : ил. – 300 экз. – ISBN 966-549-440-6.

163. Овтин Ю.П. Избранная одесская проза : рассказы и повести / Ю.П.Овтин ; худож. оформ., лит. ред., оригинал-макет В.Т.Миненко. – О. : Папирус, 2000. – 360 с. : ил. – 1000 экз. – ISBN 5-8404-0086-6.

164. Одесский альбом Юрия Овтина : сб. стихов, рассказов, очерков. [Вып. 1] / авт.-сост. Ю.П.Овтин ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : Папирус : Астропринт, 2000. – 168 с. : ил. – 1000 экз. – ISBN 966-549-464-3.

165. Попандопуло Д.С. Христо-Борец : геленджикские рассказы / Д.С.Попандопуло ; подгот. изд. В.Т.Миненко. – О. : Папирус, 2000. – 139 с.

2001

166. Анатолий Степанович Глушак : біобібліогр. покажч. / упоряд. Т.І.Олейникова ; відп. ред. Г.Д.Зленко ; ред. І.С.Шелестович ; обкл. В.Т.Миненко ; Одес. держ. наук. б-ка ім. М.Горького. – О., 2001. – 156 с. – (Серія «Письменники Одеси» ; вип. 18). – 100 пр.

167. История Димы Лазарева, рассказанная им самим в письмах, рисунках, фотографиях и документах с привлечением сопутствующей переписки в качестве комментария / сост. Г.Я.Лазарева ; предисл. А.К.Дусавицкого ; подгот. изд. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2001. – 176 с. – 100 экз. – ISBN 966-549-075-1.

168. Овтин Ю.П. Рассказы об одесских мэрах / Ю.П.Овтин ; ред., худож. оформ., оригинал-макет В.Т.Миненко. – О. : Папирус, 2001. – 95 с. – 1000 экз. – ISBN 5-8404-0102-1.

169. Стальканат : 105. 1806-2001 : буклет / вступ. ст. А.П.Шемякин. – О., 2001. – [6] с.

2002

170. Деревянко Б. Хочу быть услышанным : кн. публицист. прозы / Б.Деревянко ; сост. А.С.Деревянко ; худож. оформ. В.Т.Миненко ; фото Люсьена Дульфана. – О. : Астропринт, 2002. – 616 с. : фот. – 1000 экз. – ISBN 966-549-768-5.

171. Фотинато-Сарло И. Стихи / И.Фотинато-Сарло ; ил. Н.Дмитриевой ; дизайн, оригинал-макет В.Т.Миненко. – Изд. второе, испр. и доп. – О. : Астропринт, 2002. – 128 с. – 1000 экз. – ISBN 966-549-808-8.

2003

172. Віктор Іларіонович Дзюба : біобібліогр. покажч. / упоряд. О.Г.Нуньєс ; відп. ред. Г.Д.Зленко ; ред. М.Л.Десенко ; обкл. В.Т.Миненко ; Одес. держ. наук. б-ка ім. М.Горького. – О. : Астропринт, 2003. – 128 с. – (Серія «Письменники Одеси» ; вип. 20). – 100 пр. – ISBN 966-549-967-X.

173. Зленко Г.Д. Пізня лірика : поезії / Г.Д.Зленко ; дизайн В.Т.Миненка. – О. : Астропринт, 2003. – 164 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-062-5.

174. Колісниченко А.І. Зозулька з апокаліпсису : роман / А.І.Колісниченко ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 280 с. – 1000 пр. – ISBN 966-549-887-8.

175. Одесский альбом Юрия Овтина. [Вып. 2] / авт.-сост. Ю.Овтин ; под ред. и в оформ. В.Т.Миненко. – О. : Папирус : Астропринт, 2003. – 240 с. : ил. – 1000 экз. – ISBN 966-549-974-2.

2004

176. Деревянко Б. Дневники / Б.Деревянко ; сост. А.С.Деревянко ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2004. – 456 с. : фот. – 500 экз. – ISBN 966-318-082-X.

177. Зленко Г.Д. Лицарі досвітніх вогнів : тридцять три портрети діячів одеської «Просвіти» 1905-1909 рр. / Г.Д.Зленко ; дизайн В.Т.Миненка. – О. : Астропринт, 2004. – 252 с. – 300 пр. – ISBN 966-318-380-2.

178. Зленко Г.Д. Пошук для прийдешнього : вибр. розповіді літ. слідопита / Г.Д.Зленко ; худож. оформ. і макет В.Т.Миненка. – О. : Астропринт, 2004. – 276 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-188-5.

179. Попова М.Ф. Секреты одесской кухни / М.Ф.Попова ; авт. проекта: Г.Данова, Г.Лазарева ; предисл., дизайн В.Т.Миненко ; ил. Г.Доре. – О. : Друк, 2004. – 224 с. – 5000 экз. – ISBN 966-8149-36-X.

180. Щипківський Г.П. Автографи степу : поезії / Г.П.Щипківський ; ред. Ж.Зінченко ; худож.-граф. оформ. В.Т.Миненка. – К. : Укр. письм., 2004. – 240 с. – 1000 пр. – ISBN 966-579-156-7.

181. Щипківський Г.П. Стежка в зозулине літо : повісті / Г.П.Щипківський ; ред. Ж.Зінченко ; худож. оформ. В.Т.Миненка. – К. : Укр. письм., 2004. – 152 с. – 1000 пр. – ISBN 966-579-157-5.

2005

182. Григорій Дем'янович Зленко : біобібліогр. покажч. / упоряд. О.Г.Кушнір, відп. ред. Г.Д.Зленко ; ред. І.С.Шелестович ; обкл. В.Т.Миненко ; Одес. держ. наук. б-ка ім. М.Горького. – О., 2005. – 148 с. – (Серія «Письменники Одеси» ; вип. 21). – 100 пр.

183. Каждый может испытать себя : сб. творческих работ победителей детского общегород. конкурса / сост.: Р.С.Линецкая, Л.Е.Волкова, Г.Я.Лазарева ; оформ., оригинал-макет В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2005. – 64 с. – 300 экз. – ISBN 966-318-271-7.

2006

184. Николай Прокопенко : заслуж. худож. Украины / сост.: О.Каленик, О.Котлярова-Прокопенко ; вступ. ст. И.Тимохова ; оформ.: Ж.Зеленцова, В.Миненко. – К. : Альма-пресс, 2006. – 208 с. : ил.

185. Олекса Сергійович Різниченко (Різників) : біобібліогр. покажч. / упоряд. О.Г.Нуньес ; відп. ред. Г.Д.Зленко ; ред. М.Л.Десенко ; обкл. В.Т.Миненко ; авт. екслібриса Гр.Гірчак ; Одес. держ. наук. б-ка ім. М.Горького. – О., 2006. – 84 с. – (Серія «Письменники Одеси» ; вип. 23). – 100 пр.

186. Щипківський Г. Береги часу : поезії / Г.Щипківський ; ред. Г.Зленко ; оформ. В.Миненко. – К. : Укр. письм., 2006. – 120 с. – 1000 пр. – ISBN 966-579-182-6.

2007

187. Станіслав Савович Стриженюк : біобібліогр. покажч. / упоряд. О.Г.Нуньєс ; відп. ред. Г.Д.Зленко ; ред. М.Л.Десенко ; обкл. В.Т.Миненко ; Одес. держ. наук. б-ка ім. М.Горького. – О., 2007. – 84 с. – (Серія «Письменники Одеси» ; вип. 25). – 100 пр.

2008

188. Володимир Михайлович Гаранін : біобібліогр. покажч. л-ри / упоряд. О.Г.Нуньєс ; відп. ред. Г.Д.Зленко, ред. М.Л.Десенко, Одес. держ. наук. б-ка ; обкл. В.Т.Миненко. – О., 2008. – 88 с. – (Письменники Одеси ; вип. 26). – 100 пр.

189. Дмитро Романович Шупта : біобібліогр. покажч. / упоряд. Л.М.Бур'ян ; відп. ред. Г.Д.Зленко ; ред. М.Л.Десенко ; Одес. держ. наук. б-ка ; обкл. В.Т.Миненко. – О., 2008. – 104 с. – (Письменники Одеси ; вип. 24). – 100 пр.

Серія «Імена Одеської кіностудії»

2003

190. Лазарева Г. Василий : повесть о жизни и фильмах человека и кинодраматурга Василия Решетникова / Г.Лазарева, В.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 96 с. – (Серія «Имена Одесской киностудии»). – 500 экз. – ISBN 966-549-860-6.

191. Лазарева Г. Повесть о Людмиле Поповой, женском счастье и секретах кинопроизводства / Г.Лазарева, В.Миненко ; худож. оформ., оригинал-макет В.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 64 с. – (Серія «Имена Одесской киностудии»). – 300 экз. – ISBN 966-549-869-X.

2004

192. Кира Муратова / авт. проекта: Г.Лазарева, В.Миненко ; дизайн В.Миненко. – О. : Астропринт, 2004. – 72 с. : ил. – (Серия «Имена Одесской киностудии»). – 500 экз. – ISBN 966-318-193-1.

2006

193. Владимир Высоцкий / авт. проекта Г.Лазарева ; сост.: Г.Лазарева, В.Миненко ; дизайн В.Миненко. – О. : Астропринт, 2006. – 216 с. : ил.

Серія «Дебют»

2003

194. Антонова Р.О. Перше причастя : поезії / Р.О.Антонова ; ред. В.Сагайдак ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 24 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-046-3.

195. Бардієр Є.О. Незабутні листи : поезії / Є.О.Бардієр ; ред. А.Глушак ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 36 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-044-7.

196. Білоус О.З. Очима до дощу : поезії / О.З.Білоус ; ред. В.Сагайдак ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 40 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-038-2.

197. Василюк М.Д. Придунай журавлиний : поезії / М.Д.Василюк ; вступ. ст. В.Лавренюк ; ред. В.Сагайдак ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 28 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-040-4.

198. Григор'єва О. І небо назустріч : поезії / О.Григор'єва ; ред. Г.Горст ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 52 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-045-5.

199. Гаврюк І.Д. Місяць полуниці : поезії / І.Д.Гаврюк ; ред. М.Палієнко ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 60 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-042-0.

200. Гульчак В.М. На світло зорі : поезії / В.М.Гульчак ; ред. О.Різників ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 48 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-041-2.

201. Дмитрієв С.В. Крик : новели / С.В.Дмитрієв ; вступ . ст. А.Колісниченко ; ред. А.Колісниченко ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 56 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-043-9.

202. Кур'ята Н. Вуличка гравію : поезії / Н.Кур'ята ; ред. О.Різників ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 32 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-047-1.

203. Мерцалова Ю. Стихия : стихи / Ю.Мерцалова ; ред. В.В.Выхристенко ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 36 с. – 500 экз. – ISBN 966-318-037-4.

204. Невмитий В.І. Tabula rasa : поезії / В.І.Невмитий ; ред. А.Михайлевський ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 36 с. – 500 экз. – ISBN 966-318-036-6.

205. Савицька Ж.Б. Танок на битім склі : поезії / Ж.Б.Савицька ; ред. В.Рутківський ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Астропринт, 2003. – 32 с. – 500 пр. – ISBN 966-318-048-X.

РОБОТА В ПЕРІОДИЧНИХ ВИДАННЯХ

1978

206. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. С.Стриженюк ; редкол.: Г.В'язовський [та ін.]. – О. : Маяк, 1978. – 95 с. : ілюстр. – Мал. В.Т.Миненка : с. 23.

1979

207. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. С.Стриженюк ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1979. – 107 с. : ілюстр. – Мал. В.Т.Миненка: с. 68, 69.

1980

208. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. С.Стриженюк ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1980. – 135 с. : ілюстр.

209. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. С.Стриженюк ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1980. – 151 с. : ілюстр. – Мал. В.Т.Миненка: с. 103, 115, 117.

1981

210. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. С.Стриженюк ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1981. – 151 с. : ілюстр.

1982

211. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. С.Стриженюк ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; худож. В.Т.Миненко ; рецензент М.Слабошпицький. – О. : Маяк, 1982. – 135 с. : ілюстр.

1983

212. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. А.Зорич ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; рецензент М.Ілляш ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1983. – 160 с. : ілюстр.

1984

213. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. А.Зорич ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; рецензент І.Кравченко ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1984. – 135 с. : ілюстр.

1985

214. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. А.Зорич ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; рецензент Є.Прісовський ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1985. – 143 с. : ілюстр.

1986

215. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. А.Зорич ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; рецензент Є.Прісовський ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1986. – 152 с. : ілюстр.

1987

216. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. А.Зорич ; редкол.: С.Божій [та ін.] ; рецензент М.Циба ; худож. В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1987. – 184 с. : ілюстр.

1988

217. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. А.Зорич ; редкол.: Б.Дерев'янка [та ін.] ; рецензент М.Ілляш ; худож. В.Т.Миненко [та ін.]. – О. : Маяк, 1988. – 168 с. : ілюстр.

1989

218. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. А.Зорич ; редкол.: Б.Дерев'яно [та ін.] ; худож. В.Т.Миненко [та ін.]. – О. : Маяк, 1989. – 160 с. : ілюстр.

1990

219. Горизонт : літ.-худож. і громад.-політ. ілюстр. зб. Одес. орг. Спілки письмен. України / голов. ред. А.Зорич ; редкол.: Б.Дерев'яно [та ін.] ; рецензент М.Ілляш ; худож.: О.В.Бокатов, В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1990. – 136 с. : ілюстр.

1999

220. [Портрет Т.Г.Шевченка / худож. В.Т.Миненко] // Веч. Одесса. – 1999. – 4 марта. – (192 сходинок ; № 3).

221. 192 сходинок ; № 5 : (прил. к газ. «Вечерняя Одесса») / логотип и рубрики В.Миненко // Веч. Одесса. – 1999. – 20 мая.

222. Тваринний світ з технічної точки зору / мал. В.Миненка // Комс. іскра. – 1971. – 4 груд.

2002, 2003

223. Территория : всеукр. журн. / гл. ред. С.Чайка ; дизайн В.Миненко. – О., 2002. – № 4 ; 2003. – № 1.

2003

224. Navigation (Судоходство) / гл. ред. В.Г.Денисов ; худож. оформ. В.Миненко. – О., 2003. – Июнь (№ 1).

**ПУБЛІКАЦІЇ В.Т.МИНЕНКА
В ЖУРНАЛАХ**

2005

225. Среди серых камней : по мотивам сценария Киры Муратовой «Дети подземелья» // Дерибасовская-Ришельевская : одес. альм. / Всемир. клуб одесситов ; сост.: Ф.Д.Кохрихт, Е.М.Голубовский, О.И.Губарь. – О., 2005. – Кн. 20. – С. 36-244.

226. Седнев : [Дом творчества художников] // Дерибасовская-Ришельевская : одес. альм. / Всемир. клуб одесситов ; сост.: Ф.Д.Кохрихт, Е.М.Голубовский, О.И.Губарь. – О., 2005. – Кн. 21. – С. 227-237 : ил.

2007

227. Начальные записи к повести о Кире // Дерибасовская-Ришельевская : одес. альм. / Всемир. клуб одесситов ; сост.: Ф.Д.Кохрихт, Е.М.Голубовский, О.И.Губарь. – О., 2007. – Кн. 31. – С. 211-214.

228. «Он начал бы без репетиций...» : [стихотворение] // Дерибасовская-Ришельевская : одес. альм. / Всемир. клуб одесситов ; сост.: Ф.Д.Кохрихт, Е.М.Голубовский, О.И.Губарь. – О., 2007. – Кн. 28. – С. 176-178.

**ПУБЛІКАЦІЇ В.Т.МИНЕНКА
В ГАЗЕТАХ**

Вірші

1970

229. Яхт-клуб ; Смерть дерева // Комс. іскра. – 1970. – 19 берез. – Ілюстр.

230. «Перед рассветом лишь наверно...» ; Пустой причал ; «Гамбринус» // Комс. іскра. – 1970. – 14 листоп. – (Літ. студія «КІ»).

1972

231. «В измятой мичманке...» ; Между весной и летом // Комс. іскра. – 1972. – 22 лип. – Ілюстр.

232. Ключ у тишины // Комс. іскра. – 1972. – 4 берез. – (Турнір поетів).

1973

233. «Как лист последний на рябине...» // Комс. іскра. – 1973. – 13 лют. – (Турнір поетів).

234. Между весной и летом // Комс. іскра. – 1973. – 26 трав. – С.10.

235. Песня о «Комсомольской искре» / муз. В.Перекрестова // Комс. іскра. – 1973. – 11 жовт. – Ноти.

236. Птицелов // Комс. іскра. – 1973. – 7 лип. – (Зошит поезій).

1975

237. Брехт и Вайль // Комс. іскра. – 1975. – 18 січ. – (Зошит поезій).

238. Часовые у Мавзолея // Комс. іскра. – 1975. – 20 верес.

2006

239. «Не ограничен рамой...»; «Он начал бы без репетиций...»; «Должно быть, следуя примеру...»; «Тот туман, что клубился за мысом...» // Всемир. одес. новости. – 2006. – № 5, нояб. – С. 13.

Статті

1970

240. В строю залишилася пісня : [про пісню «В Червонопрапорному округу», сл. Е.Йодковського, муз. В.Перекрестова] // Комс. іскра. – 1970. – 22 груд.

1971

241. Некрологи Ернеста Хемінгуея // Комс. іскра. – 1971. – 20 лип.

242. У якомусь царстві... : [про конкурс інсценівок казки у Палаці піонерів респ. піонер. табору «Молода гвардія»] / [співавт.] В.Перекрестов // Комс. іскра. – 1971. – 14 січ.

1974

243. Акварелі Олексія Попова // Комс. іскра. – 1974. – 12 груд. – Ілюстр.

244. Геометрія поверхів : [про персп. план розвитку Одеси] // Комс. іскра. – 1974. – 14 груд. – Ілюстр.

245. З щоденника // Комс. іскра. – 1974. – 16 лют.

246. Історія мистецтва в колекціях : [про відкриття у Картинній галереї виставки творів рос. та укр. художників з приватних колекцій] // Комс. іскра. – 1974. – 30 листоп.

247. Крани для БАМа // Комс. іскра. – 1974. – 2 листоп.

248. Одеса в листуванні Леніна й Луначарського // Комс. іскра. – 1974. – 16 листоп.

249. Перемога над Гаджібеєм : [про 185-у річницю взяття штурмом турецької фортеці] // Комс. іскра. – 1974. – 28 груд.

250. Фінська графіка / фото Л.Сидорського // Комс. іскра. – 1974. – 14 верес. – Ілюстр.

251. Хокусай, який прожив вічність : [про великого яп. художника та вечір, присвяч. його пам'яті в Одес. будинку вчених] // Комс. іскра. – 1974. – 19 груд.

252. Цілісність : [про слюсаря інструм. цеху з-ду «Будгідравлика» М.Калмикова] / мал. авт. // Комс. іскра. – 1974. – 3 груд.

1975

253. Барви початку століття : в Одес. худож. музеї відновлено експозицію залу живопису початку століття // Комс. іскра. – 1975. – 19 квіт.

254. Виставка екслібриса : [«Образ жінки в екслібрисі» – так називалася виставка в Одес. будинку актора] // Комс. іскра. – 1975. – 4 груд.

255. Виставка карикатур : [виставка творів одес. майстрів в Одес. будинку актора] // Комс. іскра. – 1975. – 17 квіт. – Фотогр.

256. Виставки року : [огляд] // Комс. іскра. – 1975. – 15 берез.

257. Грані таланту : (у порядку обговорення) // Комс. іскра. – 1975. – 17 трав. – Фотогр. – (Зірки самодіяльного мистецтва).

258. Дев'ятий Тіціан : [про історію картини Тіціана «Портрет дожа», яка знаходиться в Одес. музеї західного і східного мистецтва] // Комс. іскра. – 1975. – 14 жовт.

259. Дерево в царстві металу : [у клубі з-ду «Автогенмаш» відкрилася виставка худож. творчості] // Комс. іскра. – 1975. – 26 лип. – (Культурна хроніка).

260. 10 майстрів, 10 стилів : в Музеї західного і східного мистецтва експонується міжнар. виставка худож. фотографії // Комс. іскра. – 1975. – 22 трав. – Фотогр.

261. Дітям до 16-ти років : [про репертуар кінотеатру «Зміна»] // Комс. іскра. – 1975. – 1 січ. – (Прес-центр шкільних канікул).

262. Доля академіка живопису : [про худож. Є.І.Столицю (1870-1929)] // Комс. іскра. – 1975. – 3 квіт.

263. Дорога довжиною в життя : [про виставку творів заслуж. худож. України Ф.Ф.Манайла в Одес. худож. музеї] // Комс. іскра. – 1975. – 25 берез.

264. Живий, як життя : [про худож. виставку «Честь праці»] // Комс. іскра. – 1975. – 13 груд.

265. Зв'язок часів : [про виставку творів заслуж. діяча мистецтв УРСР В.В.Токарева] Комс. іскра. – 1975. – 4 листоп. – Фотогр.

266. Костянтин Линьє : [про відкриття в Одес. худож. музеї виставки скульптури, живопису, графіки видат. бельг. майстра К.Линьє] // Комс. іскра. – 1975. – 12 серп. – Ілюстр.

267. Молодість зобов'язує : [у виставков. салоні Одес. орг. Спілки художників УРСР відкрилася групова виставка молодих одес. художників] // Комс. іскра. – 1975. – 5 серп.

268. «На всіх широтах» : [про персональну фотовиставку Г.Єженкіної, члена екіпажу теплохода «Тарас Шевченко», у Палаці культури моряків ім.Горького] // Комс. іскра. – 1975. – 28 серп.

269. На молодіжній виставці : [огляд] // Комс. іскра. – 1975. – 24 квіт. – Фотогр.

270. «Наш друг – Індія» : [про відкриття у Палаці культури моряків фотовиставки до Дня нац. свята Республіки Індії] // Комс. іскра. – 1975. – 28 січ. – (Культурна хроніка).

271. Незвичайне звичайне : [про виставку в Одес. краєзн. музеї] // Комс. іскра. – 1975. – 22 трав. – (Культурна хроніка).

272. Нова експозиція : [про нову експозицію полотен, зокрема одес. художників Ю.Єгорова та А.Ацманчука] // Комс. іскра. – 1975. – 1 берез.

273. Огляд агітбригад : [в Одес. палаці студентів ім. Дзержинського] // Комс. іскра. – 1975. – 21 січ.

274. Олексій Шовкуненко : [про відкриття в Одес. худож. музеї виставки творів нар. худож. СРСР О.О.Шовкуненка] // Комс. іскра. – 1975. – 23 верес. – Фотогр.

275. Підсумки і задуми : [про виставку творів художників театру, кіно, декоративно-приклад. та монумент. мистецтва у виставков. залі Одес. орг. Спілки художників СРСР] // Комс. іскра. – 1975. – 23 груд.

276. Пісня – сонце світу : [про виставку худож. творів трудівників с. Троїцького, Любашівського р-ну, Одес. обл., та її організатора Р.М.Палецького в Одес. худож. музеї] // Комс. іскра. – 1975. – 27 трав.

277. Портрет сучасника : [у виставков. залі Одес. орг. Спілки художників УРСР відкрилася виставка творів худож. В.Прика] // Комс. іскра. – 1975. – 30 верес. – Фотогр.

278. Посвячення : [тридцятиріччю Перемоги рад. народу у ВВВ присвячено виставку творів художників міста-героя в Одес. худож. музеї] // Комс. іскра. – 1975. – 1 трав. – Ілюстр.

279. Радяться працівники кіномережі : [про обл. нараду активу працівників держ. кіномережі] // Комс. іскра. – 1975. – 30 січ. – (Культурна хроніка).

280. Риси схожості: в порядку обговорення : [у виставков. салоні Одес. орг. Спілки художників УРСР експонується виставка творів скульптора Ф.Ф.Чувакіна] // Комс. іскра. – 1975. – 22 листоп. – Фотогр.

281. Ритм часу : [про виставку «Честь праці» в Одес. худож. музеї] // Комс. іскра. – 1975. – 9 груд.

282. Світильник, який не згасне ніколи : [про виставку античного мистецтва VI ст. до н.е. – II ст. н.е. в Музеї західного і східного мистецтва] // Комс. іскра. – 1975. – 18 жовт. – Ілюстр.

283. Спогади випробувача : [спогади автора ст. про роботу випробувачем на годинниковому заводі у Харкові] // Комс. іскра. – 1975. – 16 січ.

284. Теффі : [про Н.О.Лохвицьку – автора талановитих гуморист. оповідань, психол. мініатюр, скетчів, побутових нарисів; писала під псевдонімом Теффі] // Комс. іскра. – 1975. – 1 лют.

285. Тиждень образотворчого мистецтва : [огляд] // Комс. іскра. – 1975. – 22 квіт.

286. У фокусі людина : [в Музеї західного і східного мистецтва відкрилася обл. виставка худож. фотографії] // Комс. іскра. – 1975. – 30 груд.

287. Честь праці : [до Всесоюз. худож. виставки «Честь праці» виставка з однойменною назвою відкрилася в Одес. худож. музеї] // Комс. іскра. – 1975. – 5 груд. – Фотогр.

288. Чорне й біле : [про худож. І.Т.Богдеска] // Комс. іскра. – 1975. – 11 січ. – (Культурна хроніка).

289. Чюрльоніс : [про відкриття в Будинку актора худож.-докум. виставки до 100-річчя від дня народж. видатного лит. композитора й худож. М.Чюрльоніса] // Комс. іскра. – 1975. – 27 верес. – Ілюстр.

290. Я – військовий кореспондент : [про воєн. гру у піонер. таборі Чорномор. пароплавства «Альбатрос»] // Комс. іскра. – 1975. – 14 серп.

1976

291. Весняна молодіжна : [групова виставка творів молодих художників Одеси у виставков. залі Спілки художників] // Комс. іскра. – 1976. – 27 квіт. – Ілюстр.

292. Виставка у Москві : [твори В.Прика в Центр. будинку працівників мистецтв] // Комс. іскра. – 1976. – 22 черв. – Фотогр.

293. Виставка французького художника : [твори А.Дюнуайє де Сегонзака в Одес. худож. музеї] // Комс. іскра. – 1976. – 27 трав.

294. Де Сегонзак : [про творчість фр. художника] // Комс. іскра. – 1976. – 8 черв.

295. Попереду ціле життя : [у виставков. залі Одес. орг. Спілки художників УРСР експонується виставка робіт учнів Одес. держ. худож. уч-ща ім. М.Б.Грекова] // Комс. іскра. – 1976. – 3 лют. – Ілюстр.

296. Скульптор Ковальов. Вакулінчук // Комс. іскра. – 1976. – 14 верес. – (Заочна експедиція: «Моя Батьківщина – СРСР»).

297. Тема творчості – героїчна людина : [про творчий шлях худож. Є.А.Кибрика] // Комс. іскра. – 1976. – 25 берез.

298. Шлях до майстерності : [про обл. виставку творів молодих художників Одеси в Одес. худож. музеї] // Комс. іскра. – 1976. – 13 трав. – Ілюстр.

299. Шлях до портрета : [в Одес. худож. музеї експонується виставка творів (живопис, графіка) О.П.Ацманчука (1923-1974)] // Комс. іскра. – 1976. – 22 січ. – Ілюстр.

300. Шлях плаката : [у Будинку актора експонується виставка робіт Н.Никонової] // Комс. іскра. – 1976. – 17 черв.

1 9 7 7

301. Багатолика графіка : [про обл. виставку графіки у виставков. залі Одес. орг. Спілки художників УРСР] // Комс. іскра. – 1977. – 1 лют. – Ілюстр.

302. Пафос героїки : [про персональну виставку П.І.Кравченка у виставков. залі Одес. орг. Спілки художників УРСР] // Комс. іскра. – 1977. – 15 берез.

303. Прибалтійський театральний плакат : [у Будинку актора експонувалася виставка театр. афіш Паневежиського, Тартуського і Каунаського театрів] // Комс. іскра. – 1977. – 29 берез.

304. Традиційна березнева : [про відкриття худож. виставки творів художниць міста Одеси] // Комс. іскра. – 1977. – 22 берез.

ЛІТЕРАТУРА ПРО ЖИТТЯ І ТВОРЧІСТЬ

305. Глушак А.С. Пам'яті Лицаря книги. Літературно-видавнича спільнота зазнала непоправної втрати: відійшов у вічність В.Миненко / А.С.Глушак // Чорномор. новини. – 2006. – 21 груд. ; Веч. Одесса. – 19 дек.

306. [Некролог] // Чорномор. новини. – 2006. – 21 груд. – Підпис: Члени ради Одес. обл. орг. НСПУ.

307. Художники не уходят бесследно : [некролог] // Юг. – 2006. – 21 дек. – Фото. – (Ред. газ. «Юг»).

308. Овтин Ю.П. Владимир Миненко : лауреат лит. премии им. К.Паустовского : художник книги // Одесский альбом Юрия Овтина / авт.-сост. Ю.Овтин ; под ред. и в оформ. В.Миненко. – О., 2003. – [Вып. 2]. – С. 238 : портр.

309. Десятка лучших новинок издательств Украины : [среди новинок – «Григорий Григорьевич Маразли, меценат и коллекционер» (О. : ОКФА, 1995), макет и оформ. В.Т.Миненко] // Всеукр. ведомости. – 1996. – 2 июля. – (Рейтинг составлен культурол. асоц. МИАУ-культ).

310. Список дипломованих видань України : [серед дипломантів – кн.: Мой папа – рабочий : стихи / сост.: О.М.Карпушкин, В.Т.Миненко. – О. : Маяк, 1982] // Конкурс мистецтва книги, 1982 : ілюстр. кат. видань, дипломованих на респ. конкурсі «Мистецтво книги» / упоряд. А.М.Стрельникова. – К., 1984. – С. 84-85, 103.

311. Кракалія Р. Висоцький: Одеська кіностудія : [зокрема про В.Миненка як одного з укладачів кн. «Владимир Высоцкий»] // Чорномор. новини. – 2006. – 21 груд.

312. Нечерда Б.А. Ця нелегка «вічна тема» : [огляд поетичної творчості В.Миненка] // Комс. іскра. – 1974. – 13 лип. – (Літстудія «КІ»).

313. Сушинський Б. Творець книжкового дива : [про творчий вечір, присвяч. В.Миненку, у відділі рідкісних видань та рукописів ОДНБ ім. М.Горького під час VIII Всеукр. виставки-форуму «Українська книга на Одещині»] // Одес. вісті. – 2007. – 31 трав. – Портр.

314. Зленко Г.Д. Юрию Овтину – по случаю выхода в свет его «Одесского альбома» : («О, этот овтинский альбом!..») // Одесский альбом Юрия Овтина / авт.-сост. Ю.Овтин ; портр. автора работы В.Миненко. – О., 2003. – [Вып. 2]. – С. 13-14 : портр. – Те саме // Окна. – 2003. – 30 сент. – С. 10.

315. Кохрихт Ф. Наедине с другими : [о выходе сб. рассказов тележурналистки Н.Симисиновой «Постоятъ у Эль Греко» в худож. оформ. В.Миненко] // Слово. – 1997. – 3 янв.

316. Лазарева Г.Я. Чтоб вы жили в интересное время – и вели ежедневник... : [в частности о презентации кн. из сер. «Имена Одесской киностудии» «Владимир Высоцкий» (сост.: Г.Лазарева, В.Миненко)] // Веч. Одесса. – 2006. – 23 дек.

317. Омельченко И. Каждому дано судьбой прозреть : [о кн. С.Снетковой с одноимен. назв. с ил. В.Миненко] // Коммерсант юга. – 1996. – 25-30 апр.

318. Овтин Ю.П. «Талантлив и неисчерпаем...» : стихотворение // Одесский альбом Юрия Овтина : сб. стихов, рассказов, очерков / авт.-сост. Ю.П.Овтин ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О., 2000. – С. 132-133 : фотогр.

319. Овтин Ю.П. Три товарища: посвящается Владимиру Миненко : рассказ // Одесский альбом Юрия Овтина : сб. стихов, рассказов, очерков / авт.-сост. Ю.П.Овтин ; худож. оформ. В.Т.Миненко. – О., 2000. – С. 134-138. – Те саме // Избранная одесская проза : рассказы и повести / Ю.Овтин. – О., 2000. –

С. 301-306 ; Те саме // Одесса. – 1997. – № 4. – С. 46-47 ;
Аргументы и факты. Плюс. – 1996. – № 52, дек. – С. 8.

320. Состав редакционно-художественного совета : [в составе
совета – В.Т.Миненко] // Одесская книжная фабрика : темат.
план выпуска лит. изд. на 1995 год. – [О., 1995. – С. 13].

СТАТТИ І ВІРШІ В. Т. МИНЕНКА

Среди серых камней

*По мотивам сценария Киры Муратовой
«Дети подземелья»*

Сорока-ворона кашку варила...

Городок Сорока, или Сороки, где ей случилось на птичьих правах родиться, менявший время от времени одну государственную принадлежность на другую, не трогаясь при этом с места и перемещаясь разве что в отражавшем береговые строения течения Днестра, лениво приторговывая хлебом, бессарабским вином и ломким листовым табаком, лежал на меже романского мира, в сорока верстах от железнодорожной станции Флорешты. Именно в сорока, как бы подверстывая к своему названию еще одну, помимо орнитологической, ложную этимологию. На самом деле воспроизводить ее следовало, как теперь полагают, от старого молдаванского именованья воинской службы – сорокул, – за которым виделись какие-то срока или сроки войсковой повинности, часы караульной стражи, – что и подтверждала, как бы материализуя эту топонимическую версию, замковая крепость, поставленная еще в середине XVI века, при господаре Петру Рареше.

Крепость была невелика, ее циркульный внутренний диаметр не превышал пятидесяти регулярных или уставных шагов, но правильно расположенные круглые башни, круто, в три четверти, выступающие за периметр стенового обвода, придавали сооружению сходство с неким простым и правильным механизмом – наподобие огромного каменного подшипника, назначение которого могло быть понято лишь исходя из каких-то внечеловеческих соображений, – свидетельствуя о временах и замыслах совсем иного порядка.

Фрески, украшавшие внутренние помещения замка, не сохранились. Написанные, должно быть, в ренессансно-варварском духе, в зеленоватых и земляных тонах, с применением быстро гаснущей венецианской лазури, они могли подыматься внутри башен, вровень с рассыпанной веером лестницей, словно поворачиваясь на оси, последовательно передвигая изображения великих и малых бояр, следовавших за ними воинов, всадников и пеших, охотников, беззвучно дующих

в выгнутые валторны, лошадей на тонких ногах, боязливо одолевающих ступень за ступенью, – своего рода поступательный фресковый кинематограф, архаичная анимация, скрученная в башенный ролик с перфорацией крепостных зубцов по верхнему краю.

Позже Параджанов, которому это ничего не стоило, вращая как ярмарочную карусель, выкручивал ее генеалогию из этого разрисованного и стершегося молдавано-валашского барабана, – ему достаточно бывало цветной пылинки, сухого кунжутного зернышка, чтоб прорастить в своем несдержанном воображении разлапистое древо происхождений и связей, опутать его ветви бантами и лентами и насадить на сведеную в пучок верхушку картонную корону.

Но на ту пору раннего детства родители ее пребывали в суровой ипостаси деятельных агентов Коминтерна, заваривая кашу мировой революции, и под греческим именем Кира – именем власти и господства, пахнущим персидской сиренью, – разумели синтезированную аббревиатуру от Карла и Розы – Либкнехта и Люксембург – товарищей по совместной борьбе. Их жизнь была беспокойной, переменчивой, неустойчиво вываливалась из общего круга, – так что она могла и не запомнить чудного румынского городка Сороки, ни самой крепости с выветренными, похожими на языки серого подсолнуха марлонами, – все это осталось ушедшим глубоко в материк, осевшим и затянущимся почвой, как брошенный мельничный жернов или каменная монета с квадратным вырезом посередине, существуя далее на невидимом, археологическом уровне, пока не появились бы причины воспользоваться их наличием – извлечь наружу или выдумать заново.

«В бурные осенние ночи он явственно слышал, как из-под земли несутся крики. Это турки, на чьих костях стоит замок, возятся под землей и громко укоряют старого графа в жестокости. Тогда в залах замка бряцает оружие, и есаулы громкими криками сзывают казаков. Рев и завывание бури, топот копыт, слова команды. Старый граф, прославленный на вечные века своими подвигами, выезжает на середину и кричит: «Молчите, нехристи недобитые!..» Когда юго-западный ветер вырывался из-за камней, тополя гулко

качались, и из-за них поблескивали окна, и замок, казалось, кидал угрюмые взгляды».

Плоский альбомчик режиссерского сценария с шероховатой обложкой и страницами, похожими на разграфленную ведомость, – промежуточное состояние между произведением Короленко и будущей киноверсией повести. К зауженной колонке художественного текста были приставлены строительные леса рабочих пометок, как то: характер освещения, тип пленки, метраж эпизода, были перечислены занятые в кадре актеры – дети и взрослые, статисты из местного населения, помечено применение всяческих приспособлений, например, «ветродуя» – зарешеченного глассерного пропеллера, чтоб выворачивать серебрящейся изнанкой листву нерасторопных тополей, когда подует юго-западный ветер, или достройка декорации – призванная вернуть крытому мятым железом складу сельхозинвентаря, который предстояло использовать в качестве природы, бывшее достоинство графских развалин.

Но должно было присутствовать еще что-то, помимо погонных метров, линейки и отвеса, досок и ножовок, малярных кистей, что-то помимо операторской изошренности, актерской натуральности и детской неловкости, что-то не вписанное в технический паспорт и бухгалтерскую ведомость, – какая-то внутренняя связь с предметом предстоящей реконструкции, некое тайное с ним подобие.

К тому подвели казавшиеся внешними приметы.

Детство писателя Короленко, возвышаясь над прожитой им в литературе жизнью вечнозеленым холмом, предлагало свои, наделенные неотторжимыми правами владения замки – и прежде других тот, что в виде едва осязаемой плоской башни рисовался на родовой гербовой печати. На ней, переходившей из рук в руки, ощупываемой и поворачиваемой вполоборота к свету, чтоб зацепиться глазом за порожек выпуклости, была вырезана ладья – лодка с двумя собачьими головами, на носу и корме, с зубчатой башенкой посередине и надписью по-польски – «Korabl i Lodzia» – ковчег и ладья. Что означал этот сдвоенный шахматный символ, способный к размену библейских понятий, никто не помнил, но по семейному преданию род велся с миргородского казачьего полковника, получившего гербовое дворянство от польских королей (соблазняя предположением о

«королевском» происхождении и самой фамилии – Короленко). Ворохами отцовых, с отрепанными краями, судейских бумаг шелестели в его памяти заштатные волынские городки, осыпаясь ломким сургучом старопольских магнатских поместий – словно ожидающих часа, когда чей-то удивленный взгляд вновь исполнит их существование смыслом, наделит новой ролью, переворошив крошащиеся, липнущие к пальцам руины и оставляя на линованных писательских листах отчетливый дактилоскопический отпечаток.

Но прежде отразившегося в темном пруду старого графского замка, поставленного на турецких костях и окруженного стражей пирамидальных тополей, сетовавших о славном прошлом, когда луна заглядывала в пустые окна и приводила в движение неясные тени, еще прежде – на самом доньшке его воспоминаний проблескивала река, виделось вытянувшееся муравьиной дорожкой путешествие в Кишинев, к деду: скулили скуластые скулянские псы под возами, коляска, установленная на низко осевшем плоту, отдалялась от берега, и было странно, как она движется по воде, на неподвижных колесах, что скрип осей ее перехвачен скрипом уключин. Был ли то Прут или Днестр, виднелись ли на другом берегу башни с марлонами, удерживая обломанными пальцами облака и медленно поворачиваясь по мере приближения коляски к пристани? Далекий отзывающийся голос, принимаемый за эхо. Соединение замков, которое должно было защелкнуться в один замок путем случайной перестановки ударений...

«Дети подземелья» – протоандерграунд русской литературы.

Писатель населил камни своего детства литературными героями, совсем не похожими на шумных и надменных титанов минувших времен, оставивших после своего ухода зияющие пустоты, подобные выветренным пещерам, заместив их персонажами, казалось, ничтожными, плененными обстоятельствами и вынужденно заполнившими подземелья, людьми «второстепенными», отверженными, маргинальными, – как мелкий кегль ссылки на Диккенса, отнесенной в подвал страницы; он сформулировал к ним сочувствие, приютив «малых сих», *les Miserables*, в среде своих сокровенных воспоминаний, как в надежном убежище, скрепленном печатью с

ладьей и зубчатой башней посредине, находя среди этих камней те теплые оттенки серого, какие бывают присущи жемчужине, когда ее отогревают в ладонях.

Быть может так, переставляя акценты и возмещая неравенство, образно иронизируя над дутым и показным величием, предлагает Гюго обиталищем маленькому парижскому оборвышу Гаврошу чрево пустого деревянного слона, поставленного на городской площади в честь африканского похода; или, к примеру, Гомер, возвращая метафору в лоно начального мифа, заключает в утробу даренного данайского коня коварного Одиссея, чтоб погубить безрассудную Трою.

Вот и она, Кира, предоставила займы, внаем, в безвозмездное пользование вросшее в подсознание каменное сооружение своего детства, которое нужно было только немного преобразовать, приспособить для эксплуатации в новых видах, не нарушая при этом архаичного инженерного замысла и как бы накладывая поверх древних теней пласт сырой штукатурки, готовой нести на себе новое изображение, перенимающее от прежнего способность к иллюзорному круговому вращению.

Удивительно, что и режиссерский сценарий – в серой и шершавой на ощупь обложке, прошитый для верности кандалной железной скобой, – он тоже смог поместить все, что ей хотелось туда вложить, словно рассовав по карманам.

«Торговый ряд. Натура с достройкой.

Здесь лавки, лавчонки, столы под зонтами... Навесы, телеги, лошади, цыгане. Сверкающий искрами станок точильщика. Вот два замечательных восточных ковра вывешены на продажу – узоры их так прекрасны на солнце. Все это мелькает, укрупняясь, обобщаясь, перегораживая...»

Узоры ковра укрупнились и делались похожи на парковую изгородь. За ней шевелилась плотная тополиная листва, потирая сплюсненные ладоши, выкраивался шпалерными лоскутами зубчатый кустарник, а обрывки облаков, застревая в сухих высоких ветвях, словно навораченные на веретена, путались с волокнами лохматой волохской шерсти, чтоб после, окрашенными хной и кармином, создать тот самый ковровый узор, в тени которого крылись явившиеся верблюды с заломленными как шапки горбами, фургоны крымских татар,

нагруженные зелено светящимся сквозь щели ящиков виноградом, чумацкие возы с искрящейся сивашской солью. Телеги, лошади, цыгане, ломкий бессарабский табак, плетеные баклаги с темным вином. В глубине восточного узора можно было при желании обнаружить увитые плющом плоские обломки польских арок, ордерные волюты с овальными латинскими вензелями, тонкотканые окантовки акантов. Серые изваяния окунали в зеркальную поверхность пруда перевернутые отражения, белые лебеди, выгнув удивленные шеи, скользили по черно-зеленой воде, продергивая за собой тонкую мерцающую нитку. Все это дополняло орнаментальный сюжет, на самом деле заключающийся в соотношении цветов и переплетении линий, наделяя его воображаемым содержанием.

Мерно шумел движок лихтвагена, подавая свет на площадку.

Маленькая, похожая на куклу девочка, с глазами как две улитки, выкатившие влажное брюшко из-под ворсистого века, погруженная в зазеленелое подземелье, закутанная в широкие лохмотья – мафорий с чужого плеча, спадающий донизу византийскими складками, – перед ее босыми ступнями с поджатыми фасольками пальчиками лежало пятно света, упавшее куском сквозь пролом в потолке – словно пласт старой отслоившейся штукатурки, ослепительно белой с изнанки. Принесенная в жертву неведомому минотавру, блуждала она путаными узорами лабиринта, переступая по дну замшелого колодца, замешкавшись у этой, образованной обрушившимся лучом, словно из слоновой кости, сияющей башни – в конусной высоте которой, как в окуляре, промаргивая соринку, слезилась дневная звезда.

Мальчик, в чулках и ботиночках, он же – старик с курчавой цыганской бородой из учебника литературы, написавший трогательную повесть, быть может, не столько художник слова, сколько узник собственной беспокойной совести, – сын судьбы, принявший образ заступника и страдальца, позади которого, оплывая с угла амальгамой, стаивал вставленный в угрюмую раму трюмо кусок потемневшего льда из Диккенсова «Холодного дома», – он спускается за ней в подземелье и приносит куклу, пытаясь предложить подмену и совершить подлог.

«Уложив куклу рядом с собой, девочка засыпает, не разжимая объятий. Теперь их лица, прижатые друг к другу,

являют контраст красок при некотором сходстве черт. Щеки у девочки бледны, а у куклы сверкают румянцем. В этом сопоставлении неодоушевленного, пышущего здоровьем и яркими красками кукольного личика с лицом угасающей девочки есть что-то завораживающее, что можно назвать роковым».

Или, может, это она, Кира, видела свое отражение в воображаемом колодце, в жемчужной лужице смутных воспоминаний, – куклой с выпуклым гуттаперчевым личиком, как на детской фотографии, сделанной накануне отъезда из Сорок, – где на живо и зелено написанном заднике помещался вымышленный замок с похожими на толстые заточенные карандаши башнями, окруженный торжественными кипарисами и наезженными алоэ. Сорок верст в тряском тарантасе до станции Флорешты; но куда бы ни отправлялся поезд, преодолевая равнины и горы, вольно посвистывая на степных уклонах или втягиваясь под каторжные своды тоннелей через каменное игольное ушко, – всюду его пассажиров ожидает подполье...

Вот и Параджанов, бородатый ребенок, старый карусельщик, не менее ее обожавший кукол (таскавшей их, найденных в мусоре, к ужасу горничных, неухоженных, в гостиничные номера), составлявший прежде их одежды из кусочков парчи и черных кружев, вправляя в оклады из безудержной бижутерии, и позже, в принудительной схеме, возмещая отсутствие этнографического ландшафта лагерным фантом «Беломора», прилаживал к бумажному личику обрывок мочала и делал надпись обмылком карандаша: «Кира Муратова – лучший режиссер СССР».

Но до этого было еще далеко.

Прибытие поезда имени братьев Люмьер (назовем его так), сообщением Флорешты – Бухарест – Москва, ожидалось на станции метро «Площадь революции». Круглящимся лучом, шаровой молнией, пробившись критскими лабиринтами, минуя тайные ночные семафоры, он выкатился из тоннельного ствола – фантастического жюльверновского жерла, проверченного в окаменелой почве. Застывшие в нишах бронзовые рабочие с негнушимися знаменами, солдаты в длинных литых шинелях, матросы, опоясанные прикипевшими пулеметными лентами, – исполняли «Интернационал». В полированных плитах

лабрадорита проступали Гаврош, собирающий гильзы на перроне, баррикады Парижской коммуны, оголившая смуглую грудь Свобода во фригийском колпаке. Гулко пронеслось по рельсам чугунное ядро – вывороченное из циклопического подшипника – и покатилося Садовым кольцом.

Это дети подземелий прорыли метро, как гномы, орудуя стахановскими отбойными молотками, шлифуя гранитные камни до зеркального блеска, это они, поднявшиеся с самого дна, строили стремящиеся ввысь стратостаты, перегораживали реки невиданными плотинами, рыли, как муравьи, марсианские каналы, но прежде – рассорились с Короленко, сочтя его милосердие унижительным, мало заботясь о том, что гибель их считалась на миллионы и называли их винтиками – в той титанической, с жерновами машине, напоминающей мельницу.

Над вращающейся, идущей кругом Москвой вздымались облитые утренней ртутью «Рабочий и колхозница», возносящие серп и молот, – выкованный из нержавеющей листовой стали парный колосс, полый внутри, – ничуть не похожий на служившего прибежищем Гаврошу, по-домашнему шуршавшего мышами и поскрипывавшего как старый корабль деревянного слона; сиамский монстр индустриализации, чье выкатанное сварное нутро, образованное цилиндрическими стволами, воронеными раструбами и сегментированными коленами могло служить лишь образом какого-то нечеловеческого духового инструмента, специально созданного для исполнения маршей...

Запотевшие рубиновые звезды мерцали над причудливыми Кремлевскими башнями, нагроможденными на Боровицком холме, и невидимая рука великого и ужасного Гудвина – спрятанная в ежовую рукавицу или по-кошачьему мягко потягивающая вязаные петельки – двигала послушными фигурками из-за зубчатой каменной стены, оставляя на рукаве след красной кирпичной пыли. Сын гуталинщика, возводя гигантские статуи, сам по природе был мал и неказист, а примеры тщательно выглаживали его портретное лицо, очищая от оспы.

За сонными останкинскими палисадами, в сером здании с невыразительным плоским фасадом помещался волшебный институт кинематографии – где в прoderнутых сквозняками остекленных коридорах слышался грассирующий говор

Герасимова, зябко оглаживавшего костистый затылок – словно пробуя: все ли голова на месте...

Когда подул юго-западный ветер, громяхая железным театральным занавесом, возомнившие о себе куклы, погребя рябое божество в галикарнасской гробнице, еще долгие полвека старательно длили антрепризу, упражняясь в режиссуре, составляя проскрипционные списки и вымарывая имена из титров. Запахнувшись в долгополые габардиновые плащи, прикрывая лица похожими на сморщенный цветок золочеными масками, они повторяли вслед за Вергилием: *Si parva licet componere magnis* – «Когда ничтожным бывает позволено великое»...

В той крошечной мартовской каше, перемежавшей свинцовые заряды пурги с трескотней фейерверков, заглушавшей расстрелы, ремаркой удалившегося драматурга были отмечены рукастые деревянные интриганы с оловянными глазами, негибкие огородные пугала, набитые торчащей соломой, слагающие мадригалы трубадуры, ловкие жонглеры в шахматных трико, суконные манекены из магазина готового платья. Кубки с отравленным вином переходили из рук в руки.

Щеки у живых были бледны, а у кукол сияли румянцем. В сопоставлении неодоушевленных, размалеванных красками личин с помертвевшими лицами живших было что-то завораживающее, что можно было назвать роковым...

Однажды в каменном ущелье пересохшего Колодезного переулочка, в фойе кинотеатра, она увидела уже поблекшее от натоптанной пыли масштабное, писанное красками полотно, изображавшее легендарного комбрига Котовского, чье имя носила кинопрокатная точка – бывший театр Шварца.

Под портретом родившегося в Ганчештах героя гражданской войны, застывшего с «цейсом» у прочерченной по Днестру румынской границы, помещалась полукруглая площадка, где перед вечерними сеансами играл состав в два-три инструмента или пела невзыскательная певичка; комбриг – в безбрежных кавалерийских бриджах и едва захватывавшей макушку фуражечке, придававшей ему несколько шутовской вид, казалось, и сам готов был выйти на подмостки, не чуждый лицедейства, – если б не лежала перед ним невидимая грань: предел живописного правдоподобия или расплывчатая линия

кордона, за которым лежал отторгнутый бессарабский берег, куда ему уже не суждено было ступить...

Вот и она нигде и никогда не была по-домашнему своей, невзирая на годы, проведенные в Москве, несмотря на десятилетия, прожитые в Одессе, оставаясь чужой даже в своей поздней славе и присутствуя как бы неполною мерой – как сорока на белом снегу, когда часть ее черного, с синеватым оттенком окалины тела кажется выеденным щемящею щелочью света. Временами безысходность прочитывалась в ее темневших чертах. Скуластое лицо было небрежно обведено кукольной стрижкой, будто оправленное в солдатский парик, и взор ее, не обремененный реальностью, был устремлен на далекий и уже на самом деле не существующий берег, к башне из слоновой кости. Фильмы ее клали на полку, она годами оставалась в простоях или делала индийские дубляжи, затеривалась в толкотне ассистентов, снималась в проходных эпизодах, – так старые итальянские мастера помещали своих двойников где-нибудь в неприметном уголке картины, уже затененном надвигающейся рамой, среди торговков, продающих битую птицу, или неряшливых прях, вырабатывающих тяжелые, пронизанные золотыми нитями гобелены, – представляясь персонажем из толпы, артистом миманса, но никак не тем, от кого будет зависеть конечное расположение фигур, когда замрет в некий роковой миг впадающий в красно-коричневые или зеленовато-землистые тона неотвратимый сюжет.

После того как закрыли «Княжну Мэри», она вновь взялась за написанный шесть лет назад для киностудии Горького сценарий «Дети подземелья»...

Начальные записи к повести о Кире

От редакции: Этот фрагмент неоконченной повести найден среди рукописей замечательного художника и литератора. Владимир Миненко недавно ушел из жизни...

Мои личные воспоминания о киностудии сводятся к тому, что у цеха комбинированных съемок, куда я пришел наниматься титровиком, я увидел отработанные макеты Робинзонова судна: один, поменьше, – в полный вид, а другой, покрупнее, – лишь носовая часть. Выделанные довольно грубо, с неумело

вязанным такелажем, – в расчете, что на отечественной «Свеме» все замылится.

Трудоустройство мое тогда не состоялось, поскольку подскочивший помреж (снимался многосерийный телефильм «Волны Черного моря» по Катаеву) увлек меня в массовку, на съемки эпизода, – во мне емуглянулся образ одесского купчика. Я плюнул на все – будто передо мной открывалась карьера киноактера. Меня переодели в клетчатый пиджак (без подкладки), дали жесткую шляпу-котелок и трость и отвезли на Польский спуск, где я должен был под руку с двумя дамами спускаться по лестнице. Уже выставили свет, уже сделали пробную проходку, но повалил снег – и съемки отменили.

И нельзя было даже представить себе, что вокруг невидимо для меня двигались тогда, словно создавая сюжеты, герои наших будущих повестей – Милочка (она была помрежем на говорухинском «Робинзоне»), Василий (мне бы взглянуть на торец админкорпуса, чтоб увидеть, как он поливает комнатные огурцы на подоконнике сценарной мастерской), Людмила (она могла бы торопливо проходить – крупная уверенная в себе женщина – по дорожке от дирекции к ЦОПу). И только Киру я не могу себе представить – разве что как нахохлившегося воробышка (подобно Эдит Пиаф) в колючей зелени сосен у особняка Сан-Дonato...

Как-то, увидав ее фотографию – с бракованного, по сути, замусоренного негатива, сделанную, должно быть, мимоходом, среди студийных насаждений, когда была она без работы, всеми отвергнутая, – на ум пришло сравнение с Мариной Цветаевой, – такая безысходность лежала на ее скуластом лице, читалась в этой небрежно обрамленной короткой кукольной стрижкой голове, а главное – в ее платье, клетчатом, истрепанном (том самом, кажется, в котором она снималась еще в «Коротких встречах», вместе с Высоцким), старом, ставшим кухонным платье. Так и Цветаева, наверно (на редких снимках поздней поры – тоже часто в клетчатом, «шотландском»), бесприютная, неухоженная, варя невкусные семейные борщи на чужих провонявших кухнях, отсутствующе сыпля соль в закипающее постное варево, думала о другом, – великая в истинном предназначении и неумелая, вызывавшая раздражение окружающих, нелепая в бытовом аду (как и другая Сафо русской

поэзии – вечная гостья, странница с патрицианским профилем, скитавшаяся по чужим углам, знавшая, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда», и умершая в зале ожидания аэровокзала).

Какова же идея, о чем хотелось сказать в «Кире»?

Только ли о поздней славе, когда уже не разбирают – шедевр ты создаешь или вытираешь кисть о полу рабочего халата, или играешь, переигрываешь то, чего не случилось с тобой в годы «регламентированного творческого процесса»? Когда тебя боготворят уже не за то, что ты делаешь, как ты делаешь, но лишь потому, что ты есть, существуешь, присутствуешь, и за твоей сутулой уже спиной скрывается некая изначальная мистическая тайна, и что закрываешь ты собой другой силуэт – величественный, страшный, который им самим увидеть смертельно, не дозволено, – он только выбивается огненными языками, как солнце в час затмения, заслоняемый тобою, и одновременно, благодаря тебе, прорисовывающийся.

Ты сам не в силах уже понять: действительно ли каждый твой шаг, кунштюк «гениальны», и любая почеркушка достойна славы и музейного места. Лишь знаешь, что овладела тобой великая простота, дальше которой нет ничего, кроме полной немоты. Но нет ли и здесь твоего наивного удивления, как перед зеркалом: ужели все так на самом деле, и достойны ли такого восхищения вещи, с твоей точки зрения простые и само собой разумеющиеся?..

«Возраст судьбы» – так можно было бы назвать повесть о Кире – «Кира Муратова: возраст судьбы». Это тот переломный период в жизни человека, когда решается, состоится он или нет, осуществит он свое предназначение или пойдет на поводу у никчемных обстоятельств «жизни», такой же, как у всех, ординарной, с ее маленькими успехами и радостями, никак, в общем, не влияющими на «ход времени». Или вдруг почувствует, что нужно все изменить, или, наоборот, не менять ничего, не меняться в угоду обстоятельствам, поломать свою жизнь, отказаться от ясных обеспеченных перспектив, просто потому что так хочется, – из простого предчувствия, из неумения делать как все, из-за своих собственных особенностей прочтения рабочего материала, перед той пустотой, которая

тебя ожидает, – когда вспорхнешь и полетишь вниз, не зная, раскроются ли крылья, удержат ли они тебя в полете, вынесут ли. Но не сделав этой смертельной попытки, так и останешься на птичьем дворе, при мелких куриных интересах.

Судьба – это не то, что предначертано, это то – что ты сам выбираешь.

И выглядеть это может очень буднично, достаточно сказать: я по-другому не умею, – или ничего не говорить и писать никому не нужный сценарий, годами ждать постановки, перебиваться с хлеба на квас, ходить в застиранном платье, соглашаться работать даже уборщицей – лишь бы на студии, и все это время хранить в себе что-то, проделывать какую-то внутреннюю работу и ни на что не надеяться, ни о чем не сожалеть, – ведь решение принято, и ты летишь в пропасть, и не знаешь, раскроются ли крылья.

Приходит пора, когда вдруг начинаешь чувствовать себя наравне с гением, – ты понимаешь его замысел, тебе видны его мотивы, ты стоишь вровень с ним, и он твой собеседник. Ты можешь делать на полях его книг пометки, словно обращаясь к нему самому, можешь пользоваться текстом как материалом, даже переписать по-своему, – вы принадлежны одному цеху, и ты имеешь право.

Тебе позволительно ироничное прочтение чеховского рассказа, и ему незачем прикрываться помпезными академическими переплетами – ему и самому казалось, что он перерос свои рассказы, и будучи по сути человеком совсем иного роста, чем его представляют, глядя на уменьшенные для книг портреты, где он, в докторском пенсне на муаровой тесемке, со стетоскопом на письменном столе, представляется в образе лекаря, призванного излечить смертельные болезни общества. Он виделся себе наверняка иначе – в роли драматурга (к сожалению, ибсеновского толка), затевающим сценическое действие, не уступающее творению... Ты можешь подхватить эту демонстрацию, можешь мистифицировать рассказ, лишив социально обличительной окраски, перевести в зрелищный ряд, представить как маскарад, со свинными харями, как вечное бахтинское Средневековье, где нет ни добра, ни зла, где перемещаются «верх» и «низ»; представить как «Капричос» – отвращающие, «нутряные» образы человеческого сознания,

когда сон разума порождает чудовищ...

Седнев *

Дверей в доме начало представляться такое множество, что вряд ли бы он отыскал настоящую.

Н.В. Гоголь. Вий

Седнев. Он является мне поседелым, сделанным из затвердевшего мела – будто какой-нибудь Геркуланум, осыпанный белым пеплом, холмющийся полыми куполами обледенелых деревьев, словно это лобастые алебастровые сосуды или замороженные воздушные шары, через оболочку которых, как через матовые плафоны, просвечивают синие жилки вольфрамовых метелок, едва заметно подрагивающих, – в ожидании, когда ослепительный снежный слепок начнет масляно протаивать в марте, выявляя теплившуюся в коченеющем коконе живописную подоплеку.

Седнев. Я больше ничего не знаю о его судьбе, да и не столь важно, существует ли он на самом деле, имеет ли место и поныне его стародавняя сторонящаяся оседлость, или это только обманчивый образ – безмерно именитый в художественной среде, не хуже чем Китеж, – подымающийся со дна воспоминаний, всплывающий из цветного тумана и исчезающий вместе с ним, занавешивая влажной кисеей сохранившиеся детали исчерпавшего себя жанра, дорожа не до конца растраченным легендарным гетманским наследством, спрятанным под полою.

Опясывая руслом высокую кручу, тихо течет река Снов – обоснованная принадлежностным падежом ночных видений, – по утрам волокнисто клубясь парным молоком, закипая поспешным птичьим щебетом, приоткрывши над котловиною крышку. Где-то пониже – бьющая плотвой плотина спускает с остекленной полки ледяную зеленую струю в мельничный желоб, придерживая и разглаживая сморщенную со сна поверхность, доводя до скользящей чистоты; плоско и твердо,

* «Седнев» – Дом творчества Союза художников. Расположен на р.Снов (приток Десны), в 25 км к северо-востоку от Чернигова.

будто распиленные малахиты, отбиваются в застывшей воде сплоченные куликами вербы, помечая течение у самого берега робкой, с серебрящейся насечкою рябью, бегущей вслед за опущенными в поток изогнутыми лозами.

Сколько воды утекло с тех пор? Десять ли, двадцать лет прошло, или целые столетия? Поместив перед собой лист бумаги, я пытаюсь различить в самом белом те стершиеся, утратившие отчетливость очертания, – теперь уж больше угадывая и занимаясь ворожкой, чем надеясь на память, – комкая лист и глядя, как медленно раскрывается бумажный бутон, выстраивая и передвигая прозрачные серые тени...

Тонко протоптанная тропинка соскальзывала с поселкового асфальта и мимо двух осевших каменных столбов, символизировавших ворота, торопилась в глубь прострannого, путавшего следы лизогубовского парка, словно погружаясь в какую-то потустороннюю давность, где из зеленого клубящегося хаоса, надвигающегося, охватывавшего фланги, вдруг возникала ктиторская фигура, державшая на ладони игрушечный Седнев, – одетая в прорезной кунтуш с крупным и ровным, как на обоях, узором, с написанным пылающей охрой лицом, повернутым вполборота, отчего казалось, что правая щека его как-то особенно выбрита или опухла. Был ли то когда-то черниговский полковник Яков Лизогуб, отличившийся при Азове и доживший в чине генерального обозного до последнего гетманства, или Андрей Лизогуб, жалованный Петром «маетностями» за то, что не изменил с Мазепой (кого портреты велено было замазывать «дикой краской»), или – еще раньше – бунчужный Ефим Лизогуб, участвовавший в крымском походе неудачливого князя Голицына? Теперь это был некий обобщившийся владетельный образ: со смоляным закинутым набок чубом, выпяченной пунцово-красной фамильной губой, в зеленом сафьяне и узорной парче, отворявший двери Дома творчества, снабженный, как полагалось на сарматской «таблице», латинским универсалом и медной печатью с гербом.

Тут были свои старые счеты, из века в век складывавшиеся отношения, теперь переменившиеся – дающие право обитавшим в усадьбе художникам подтрунивать над ливрейным положением Лизогубова призрака, припоминая ему прошлые цеховые обиды. Вместе с архивными ворохами «Киевской

старины» они готовы были предъявить подколотые протоколы Малороссийской коллегии, свидетельствовавшие о том, скажем, как в 1722 году Григорий, житель Глухова, жаловался наказному гетману Полуботку на сына генерального судьи Туранского, в протяжении шести лет задерживавшего выплату пяти «коп» денег за написание портрета отца, или как в году 1776 иконописец Стеценко Григорий, казак Роменской сотни – живописец и позолотчик, исполнявший станковые картины по заказам самого Кирилы Разумовского, – подал жалобу, что когда, в соответствии с контрактом, он запросил деньги с черниговского советника Дубовика, то был им избит. Портретистов называли «партачами» и предпочтительнее чем деньгами платили живописцам продуктами: вместо трех рублей генеральный хорунжий Ханенко дал маляру Григорию Боюрову десять кварт водки.

И первую неделю седневого сидения съехавшиеся в Дом творчества мастера всецело посвящали тому, что допивали последнюю малярскую кварту.

Для того имелась здесь «каменица» – старинное, должно быть фортификационное сооружение, преобразованное в пивную. Сложенная из ровного тесаного камня, она обнаруживала внутри внушительную квадратную в плане залу, стены которой смыкались скруглявшимся сводом, напоминавшим выеденное яйцо. Опаловая скорлупа полуподвала, слегка оплывшая, могла представляться в хорошо подготовленном воображении святилищем Аполлона, выпуклым дельфийским омфалом или овальным плафоном Grand Opera, ожидавшим своего Шагала, и каждый художник, склоняясь над кружкой, мысленно расписывал его по-своему. Сквозь вапленный купол проклевывались замурованные в известке зеленые черти, скачущие на пуантах, улюлюкая и подзадоривая друг друга, розовые русалки в васильковых веночках пошлепывали хвостами, брызгая сизой сазаньей чешуей, или являлись тучные запорожцы с дорогих папиросных коробок, чтоб составить известное послание турецкому султану Мухаммеду, ерзя резиновыми животами и задыхаясь от беззвучного смеха, замещенного горохом пуританских многоточий. Казак Мамай с лютней, похожей на распиленную персиковую косточку, сидел на корточках у двери, прикладываясь к узорной фляге. Словно спокон веку тут длилось непрекращаемое застолье, не угасая ни

на минуту и поддерживая преемство, как огонь в нарисованном очаге.

Странная акустическая способность была у этого зала: сказанное в одном углу, скользнув по шершавой параболе свода, отливало в его опрокинутой колоколом чаше и могло быть услышано лишь у противоположной стены, – надвигая ватную шапку околпаченному центру на самые уши. Где-то там вверху, как замочный камень, существовала точка пересечения голосовых меридиан, звуковой полюс – похожий на китайский зонтик, – невидимое вместилище, хранившее тайные сведения о давних казенных кознях, сказочных резонах, или пьянящие секреты мастерства, поведенные в порыве откровения глухому камню.

В лунные ночи тень Тараса Шевченко в кожухе, накинутом на исподнее, пробиралась к каменице. Кожух падал черным угловатым пятном на синюю стену, а льняное белье, голубевшее под луною, выступало и двигалось – составленное плоскими геометрическими фигурами, – маршируя словно на ходулях, поочередно ворочая выступавшими из подмышек короткими, на вершок, верхушками жердей, образующих литеру «Х». Еще тогда он не вел дневников в шитых шорною иглою шнурованных зошитах, и что манило его сюда – о том гуляла в лизогубовской челяди заплочная молва, как вставная, нумерованная глава из «Декамерона», быть может, тоже нечаянно запечатленная и запечатанная под вылупленным куполом каменицы.

Достоверно было другое: то дерево, под которым, развалясь на овчине, писал он «Осыку» – поэму, известную в дальнейшем как «Видьма», чье первоначальное название окликалось вбитому в могилу белесому колу, – было вовсе не осиною, «осыкой», но раскидистой липой, поставленной посреди усадьбы, как букет в кувшине – опускавший стебли глубоко, до самого дола, так что приходилось подхватывать их рогами, вскидывать, будто наметывая копну, – отчего широкая душистая тень исторического растения становилась прозрачна, пориста, словно облако, плывущее по воде. Было в этой липе что-то от эвкалипта, встреченного на рисованной карте в приключенческой книжке, – опутанного нитями караванных путей, экспедиционных маршрутов и помещенного в центре

интриги. Переживя разные времена, перемены, повергая в соблазн глубокомысленных сравнений, ее рассыпавшийся ветвистый ствол мог вызвать в памяти и знаменитый толстовский дуб из «Войны и мира» (впившийся в ломберное сукно писательского стола когтистой лапой), мимо которого дважды проезжает князь Андрей, – представляясь то нежно зеленым, сулящим всяческие надежды, то плотно заснеженным, запахнутым в белые охабни, погруженным в сомненья.

Под этой липой в беленом флигеле, обрызганном снизу желтыми цветочками, явился на свет другой герой, выведенный Толстым в повести «Божеское и человеческое» под именем Светлогуба: «мальчик в бархатной курточке, с голыми ножками и длинными вьющимися колечками белокурых волос», который «с детства бессознательно чувствовал неправду своего исключительного положения богатого человека», впоследствии – один из идеологов русского терроризма, член «Земли и воли» Дмитрий Лизогуб, казненный в возрасте двадцати девяти лет в Одессе по обвинению в покушении на жизнь Александра Второго. Смертный приговор подписал Новороссийский генерал-губернатор – «здоровый немец с холодным взглядом и безвыразительным лицом, с белым крестом на шее», – имени его Толстой не называет («Генерал-адъютант такой-то», – выводил он с длинным росчерком), но это был граф Тотлебен – инженер-фортификатор, герой Севастополя, возводивший и оборонявший, к слову, и 4-й, «толстовский», бастион. Дальше – в стилистике другой литературной эпохи (уже обозначившейся к моменту завершения повести) – можно было написать и так: платформа тронулась, фигурка качнулась, затем как будто приняла начальное положение, но какая-то часть ее при этом оказалась позади – как при движении ножниц, вырезающих силуэт из черной и белой бумаги, сложенных вместе; и вслед за валькирией, растопырившей стриженные перья плюмажа, он на мгновенье увидел большое огороженное перекладинами – словно посаженное в вольере, обугленное дерево...

Но уже ничто не угрожает вечной жизни великой седневской липы: исполненная густым запекшимся маслом, осыпающейся пыльюю пастели или вертикально отекающей акварелью, прорастала она на каждой внушительной выставке, каждом стоящем того вернисаже, обретая для себя новые формы жизни:

свешивала прямо в зал растрепанную многоцветную крону, захлестывала раму, преодолевая лаковую планку полупоклона, а после – тиражировалась мелованными листами каталогов и художественных альбомов, множилась, становясь узнаваемым пейзажным политипажем.

Впервые я увидел ее на листе ошеломительной шовкуненковской акварели, выставившейся в городской галерее, – среди дымивших через всю экспозицию рисованных паровозов, гигантов черной металлургии с преобладанием красного и синего, передававших оттенки остывавшей окалины, – где упираясь локтями в гремящие эстакады, бисерно вибрируя от прогибавших шпальный паркет эшелонов, шелестела, перекладывая акварельные лепестки, памятная седневская липа с лепным ствольным цоколем – открывавшаяся слой за слоем, приподымая кулисы и передвигая шелковые ширмы, оставляя шуршащее ощущение неспешности и совершенства.

Даже сама фамилия художника – Шовкуненко, как бы произносимая шепотом, перебирала скользящие, шевелящиеся складки, – обнаруживая в сыне херсонского кровельщика равное владение искусством переложения железа, так же, как и тончайших подвижек воздушной среды, перемещавшейся цветными потоками по волокнистой бумаге. Века непрозрачной кроющей живописи теснились за этим легким дыханием: омертвевшая темпера метрополий, почерневшая олифа иконных досок – о чем он знал квалифицированно и досконально...

Я ставил стопу на косые ступени, подымавшиеся гармошками в его довоенную квартиру на Греческой улице. Ковш Большой Медведицы сливал в лестничный колодец мутный синеватый свет, и комната, выходявшая единственным окном на сквозную, обрушенную как воздушный змей лестницу, перенимала характер диагоналей и ромбов – неумело следуя примеру пронизаемого, перепончатого, склеенного из планок и рисовой бумаги, предназначенного для плоской жизни силуэтов павильона. Изломанные призрачным освещением вещи качались и корчились, падали на колена, по-каренински бросаясь на рельсы мерцающего, супрематического интерьера. И только непререкаемые квартировавшие на шпалерах акварели, помещенные в роскошные широкополые паспарту, преобразуясь в бирюзовые амбразуры или фиолетовые,

подбирающие фалды анфилады, могли удержать дробящееся, склонное к помешательству пространство, не позволяя ему развалиться или покончить с собой.

Полагают, что то был лучший период в творчестве мастера, позже, быть может, непреднамеренно, заслоненный выгнутой бетонной спиной Днепрогэса, – сдерживая льющую через край акварельную влагу и откладывая в долгий ящик отраженное в фонтанах кружевное шитье. Еще много лет спустя среди сваленного в углах хлама в постепенно угасавшей квартире время от времени за каким-нибудь трехстворчатый шкафом или треснувшим трюмо, заблудшей бамбуковой этажеркой, обнаруживались неоконченные или едва высвеченные красками листы – будто все еще ожидающие ласкающего прикосновения его кисти.

Седнев. Двадцать пять километров к северо-востоку от Чернигова.

Когда городское зрение засорялось, сюда приезжали, чтоб выверить глаз и приладиться к эталону: платиново – лентою реки Снов – светившемуся, как литой севрский ригель в бархатном зеленом футляре.

Стоя посреди осенних садов, в каком-нибудь догорающем огороде, обрамленном неровной штриховкой штакета, растреножив этюдник и устроив его металлические копытца меж лежалых бородавчатых тыков и крупного, вздернувшего венчики укропа, в фуфайке, измазанной какой-нибудь басмой, живописец вправлял пустой прямоугольник прогрунтованного холста или картона в наружный пейзаж – с тем, чтоб, недолго поелозив по полотну кистью, свести написанное и существующее в единый план, или того лучше: «присадить» саму природу, заставить сделаться бледней рядом с написанным, – выпятив как через увеличительное стекло другую, так называемую художественную реальность, смотревшуюся бы как коллекционная марка, обстроченная блочным точечным пунктиром.

Это было тем более просто, что седневские жители любили раскрашивать фасады своих построек дефицитными худфондовскими колерами, черпая их по-свойски из «Лавки художника», – так что стоило проскользнуть в природе какому-либо оттенку, он тут же отзывался, усиливался звучно

окрашенной поверхностью стены или фронтона: неожиданно оранжевым или каким-либо неумолимо зеленым, независимо от сезона, – тем самым как бы предшествуя намерениям живописца и предрекая наперед колорит пленэра. Здесь сжились с художественным соседством, извлекая из этого по-своему понимаемую пользу, и фигура художника, бесцеремонно перешагивающая садовые ограды в поисках вида, не вызвала возражений, воспринимаясь как легитимная деталь седневского быта – не более чем чудаковатое чучело в огороде. Рядом могли быть курятники, покрытые отработанными офортными досками, сберегавшими протравленные муары не удовлетворившего каким-то авторским задачам клише – шершавого на ощупь, с истлевшими прошлогодними кружевами или приклеившимся к капнувшему пятнышку помета пушистым петушиным перышком. Да и самый седневский пейзаж, путая времена года, будто и впрямь склеенный из листов и полотен или представляясь таким, что его оставалось только нарезать на форматы, перенимал корпусный характер живописной фактуры – когда густо проложенные светлым межствольные пролеты рельефно подавались вперед, в то время как едва прописанный лесистый пласт как бы уходил в глубину обнаружившейся ниши.

Серая казацкая церковь сторонилась за парком. Покосившаяся, съехавшая на бок – так, что издали казалось, будто это старый обветрившийся ветряк, утративший крылья, – она и поставлена была когда-то с той первобытной инженерной небрежностью, которая порождает ощущение скрипучей подвижности, неуклюжей и диковатой. Уцелевшая местами на скосах дощатая облицовка, напоминая опалубку, формировала окаменелый восьмигранный сруб, сужающийся кверху, похожий на опрокинутый стакан, насыпанный порохом. Сама испепеленная отвердевшая плоть ее могла считаться родом камерального минерала. Но, боже, как живописна была эта однородная серая древесина! какое богатство встречных версий предлагала она взыскательному взору, какие перемены сулило просторное непостоянство небосвода – облачая то лиловым грозным свечением, стекавшим по ее граням, то обволакивая палевой пленкой полуденных восковых облаков, кучно проплывающих в нелепые Палестины, или когда зардевшаяся

следом вечерняя заря, затепливая лампы, заполняла пылающими угольями пустующий алтарный пятистенок.

В тот час появлялся тут Хома Брут, которого усердные сотниковы слуги вели под руки, чтоб и в третью ночь отпел он подопечную панночку, и отворяли криво навешенную на проржавевших брусках дверь – выбрасывая наружу, как коврик, бубновый ромб алого кочегарного жара...

Еще помнили жители, как снималась здесь художественная кинокартина по гоголевской повести. Но первым интерпретатором ее был рисовальщик Микешин, набросавший в середине позапрошлого века, почти по свежим следам, собранные вместе образы повести, а также несколько отдельных из нее сцен и сопутствующих краевидов, – тот самый Микешин, более предпочитавший смешанную технику карандаша и литой бронзы, по эскизам которого были выполнены памятники «Тысячелетие России», Екатерине Второй перед Александринским театром в Петербурге, Богдану Хмельницкому в Киеве. Микешин же сделал и погрудный портретный рисунок, гравированный Гогенфельденом для «Кобзаря» 1860-го года, выпущенного коштом Платона Семеренка. Его трудно назвать удачным: усы, свисающие капустой, пара невыразительных глаз – как бы продолжающих двойной ряд пуговиц, неряшливо расположившихся на мешковатом сюртуке. Уже легенда добавит суровости во взор, сократовскую полноту лба, но это было последнее прижизненное изображение Тараса Шевченко. Как в зеркало удивленно смотрелся с титульной страницы тот, в ком еще недавно видели одаренного «крипака», выкупленного на средства, собранные от царской лотереи, – представавшего теперь перед собою совсем стариком, печалющимся у предела завершавшейся жизни, что не стал он по-настоящему, как хотелось того, живописцем, увлекшись писанием виршей...

Уходившая натура была как портрет со спины, написанный на обороте лицевого изображения, превращая его в подобие плоской стрелковой мишени, сквозь пробитые отверстия которой тянулись дымящиеся полотнища света, распиливая пирамидальный покров парковых теней на треугольники.

Здесь все было по многу раз перерисовано, переписано, скомкано, смыто, соскоблено, дублировано и перенесено на

новую основу. Финские домики мастерских исподтишка заглядывали друг к другу в синеватые стекла, полосуя ножами пеструю мануфактуру, выкраивая причудливые ракурсы, – как если бы тут меняли положение створок трельяжа, предлагая фасон сразу в нескольких видах. Да и сами двери мастерских, которых было по четыре в каждом коттедже, расходились с веранды по разные стороны, суетились, цеплялись косяками, хлопали в ладоши, меняли координаты, выстраивались гармошкой, как складные подрамники театральных декораций, – вызывая сомнение, в ту ли еще дверь попадешь.

Мастерские живописцев по большей части пустовали. Лишь к вечеру стаскивали они сюда свою добычу в виде пахнущих скипидаром «нашлепков», отряхивая на ступенях болотные сапоги и сваливая в угол обременительное, на ремнях, похожее на упряжь или сбрую снаряжение. Их замыслы были обширны и неторопливы, как заливные луга, простиравшиеся по ту сторону реки Снов. Проходя дали альфрейными флейцами, потоптавшись в ложбинах широкою кистью, именуемой «медвежье ухо», запускали они в лесные массивы «белку» и «колонок»...

В мастерских графиков орудовали тонким, почти офтальмологическим инструментом, стремясь поместить в ничтожное углубление ковчежка – образуемого в листе увлажненной бумаги печатной пластиной – всю глубину изобразительного пространства, выражаемую едва ли не на осязательном уровне.

Когда заезд завершался, они брали цельную блистающую цинковую доску размером сорок на шестьдесят, закрывали ее поверхность, как оборот зеркала, темным битумным лаком и наносили офортными иглами свои автографы в виде эпиграфов и оборочных рисунков, формируя путем травления внушительное клише для неразменной купюры достоинством в десять или пятнадцать талантов, делая потом ровно столько оттисков, сколько лиц принимали участие в ее создании – в этой акции, – закрепляя номинал арифметической дробью, скачущей сигнатурой, и выражая таким способом ценностную значимость, итог седневского гита...

Их печатные станки, продвигая между валами талер, отбрасывали на стену мельничную тень поворотного колеса с велосипедными спицами и походили на прялку, – тогда как

устроенные на клиньях мольберты живописцев больше напоминали ткацкие станки, на которых выработывают зернистый домашний холст...

И только окно моей мастерской нельзя было распахнуть: за ним возвышалась стена. Это был пограничный рубеж, бруствер, оборонявший художественное пространство Дома творчества, построенный недальновидно; это была плотина, отводившая вид в другое русло, накапливая энергию потока для других целей. Окно и все, что могло располагаться за ним, – раскаленные клены в прожженных перчатках или дымный перламутр реки, утекавший меж пальцев, – было запечатано, недоступно и не могло вдвинуться разом, продолговатым красочным ящиком, в объятия опьяненных оконных рам, скользя по стеклянным полозьям. Кубометр окаменелого цемента лелеял в узкой пазухе бледный побег лилейной купены, известной как соломонова печать, исподволь подвигая к тому, чтоб заклеить окно хрустящей восковой калькой – как поступают обитатели чайных павильонов – и, сидя в этом матовом плафоне, пропускающем зимний алебастровый свет, трактовать как достоинство катаракту Гомера, видевшего через фаянсовую пленку слепоты мир образно и обобщенно.

Постепенно подступаясь к умению выражать окружающее иным, помимо живописи или графики образом, – возведя необходимость в ранг добродетели в рамках предложенного, – можно было пустить в ход другую обнаруженную способность, из рода художественных, и передавать ощущения пользуясь двумя-тремя оттенками смысла, создавая при этом впечатление варварской роскоши.

Можно было раскрепостить воображение и научиться видеть сквозь стены, уподобив ситуацию тому, как в древних Помпеях расписывали жилища, лишённые оконных проемов, – чтоб все, что простиралось снаружи: ловко избегающий террасами виноградник и красные черепичные крыши, длинные витые линии кипарисов, перистые тени сплюснутых пиний (или списанная Шовкуненком Шевченкова липа, под которой писал тот «Осыку») и черные триремы Плиния Старшего, входившие в гавань, – проникали бы в дом, одолевая каменную кладку, и застывали в левкасе. И когда все было бы сожжено вулканическим гневом, навсегда изменяя округу, – погребенные под сугробом картины сохранили бы, как выглядела местность,

заставляя принимать высказывание на веру, – где отлогости и небольшие горы, зеленые и круглые, как куполы, перемежали б равнину, и под вечер, – когда свеча, по выражению Пруста, бросая красный блик на гравюру, превращает ее в сангину, – философ Хома Брут, богослов Халява и ритор Тиберий Горобец сворачивали б с ровенской или равеннской дороги и, приблизившись к хате, выстроенной поопрятней других, выкрашенной худфондовскими колерами, начинали бы выводить дискантами под окнами кант. Полная луна перекладывала бы кухонную посуду – плоские алюминиевые сковороды и цилиндрические кастрюли, чистила б их рачительно белым речным песком. И хозяин хаты, какой-нибудь старый казак-поселянин – быть может, и сам из иных Энеевых латинян, – долго б их слушал, подпершись обеими руками, потом рыдал бы прегорько и говорил, обращаясь к жене: «То, что поют школяры, должно быть, очень разумное ; вынеси им сала и чего-нибудь такого, что у нас есть!»...

Олексій Шовкуненко

В одеському художньому музеї відкрилася виставка вибраних творів народного художника СРСР, дійсного члена Академії художеств СРСР, лауреата Державної премії УРСР імені Т.Г.Шевченка Олексія Олексійовича Шовкуненка. Виставка, яка спочатку експонувалася в Києві, була підготовлена до 90-річчя з дня народження видатного українського художника (О.О.Шовкуненко не дожив до ювілею буквально десять днів). Виставка ретроспективна – тут зібрані твори, що належать до всіх етапів творчості художника, починаючи від академічних учбових робіт і закінчуючи творами, написаними в останні роки. Вона складається з творів, що нині є власністю багатьох союзних, республіканських, обласних музеїв і закладів, окремих колекціонерів, але більшу частину становлять твори, що належать сім'ї художника. Можливість такого повного огляду представляється нам єдиною і тому огляд виставки хочеться розпочати з подяки на адресу її влаштувачів і всіх тих, хто сприяв її експонуванню в Одесі.

Ім'я Олексія Олексійовича Шовкуненка стоїть у ряду тих, хто був зачинателем і одночасно яскравим представником української соціалістичної культури, хто вдихнув новий зміст у

традиційні жанри й створював нові, властиві лише культурі нового соціалістичного суспільства, що йде шляхом перетворення світу.

Олексій Шовкуненко народився в 1884 році в Херсоні, роки його юності й творчого становлення пов'язані з нашим містом. Він вчився в Одеському художньому училищі (його вчителями були К.К.Костанді, Г.О.Ладиженський, Д.К.Крайнів, Л.А.Іоріні). Тут в Одесі, після навчання в Петербурзькій академії художеств він став дійсним членом товариства південноросійських художників, брав участь у численних виставках, викладав живопис і рисунок на архітектурному факультеті Одеського політехнікуму образотворчих мистецтв, звідси в 1930-32 роках щоліта Шовкуненко виїздив на Дніпробуд, де створив славновідому серію акварелей. Він брав участь у реставрації розписів у відбудованому після пожежі Одеському оперному театрі, – тобто до 1935 року, коли Шовкуненко був запрошений на посаду професора в Київський художній інститут, життя і творчість його були найтіснішим чином пов'язані з Одесою.

Портрет і пейзаж, ось жанри, в яких найбільш повно розкрилася індивідуальність видатного художника, проявився його талант і майстерність. Людина й природа завжди були головними і взаємопов'язаними темами його творчості. Природа не існувала для Шовкуненка незалежно від людини. Вона – величезний і прекрасний дім, у якому живе й трудиться людина. Шовкуненко розширив рамки свого пейзажного живопису, – саме йому перш за все завдячує українське радянське мистецтво виникненням і розвитком в кінці 20-х років – на початку 30-х індустріального пейзажу. Завдання створення радянського індустріального пейзажу вирішували в живопису К.Ф.Богаєвський, П.І.Котов, у графіці – В.Д.Фалілеєв, О.І.Кравченко, інші майстри. Виникнення в радянському пейзажному жанрі нового різновиду – індустріального пейзажу – було визначене всім ходом радянського образотворчого мистецтва.

В 1925-1935 рр. Шовкуненко створює цикл акварелей «Одеський судноремонтний завод». Індустріальні пейзажі Шовкуненка привертають увагу не тільки темпераментністю живопису, могутньою бадьорістю духу, але, найперше, глибокою людяністю. Людина в його творах не стафатна, тобто не другорядний елемент композиції, бо саме думки й почуття

людини, її творче відношення до природи передає художник. На це, до речі, хочеться звернути увагу молодих художників, які, захоплюючись динамікою промислового пейзажу, забувають про головний його сенс, що став одним з найголовніших положень соціалістичної естетичної теорії.

Особливо широкого визнання набули Шовкуненкові акварелі в серії «Дніпробуд» (понад 70 аркушів), у яких художник передав красу й поезію трудових звершень радянської людини в роки перших п'ятирічок. Акварелі ці ваблять багатством композиційних вирішень. Художник, розробляючи то широку панораму будівництва, то окремі його ділянки, створює роботи, підпорядковані суворій логіці серії, чергуючи загальні й крупні плани на зразок монтажу в кінематографії.

Невіддільні від пейзажних творів цього часу й портрети, виконані Шовкуненком, від інтимних, часто-густо замовлених портретів, які він писав на початку своєї творчої діяльності (серед них є й такі, що належать до найвищих досягнень художника, наприклад, пастельний портрет А.Р.Орбінської, який зараз належить Одеському художньому музею), Шовкуненко в середині 30-х років, захоплений героїчними трудовими досягненнями радянського народу, звертається до образу людини праці. Він пише портрети суднобудівників, молдавських колгоспників. На Одеському суднобудівному заводі Шовкуненко створює «Портрет бригадира ударної бригади ковалів К.Бельцова» (1935 р.) і «Портрет стаханівців-фрезерувальників Є.Рудашевського і К.Гейдріха» (1935-1936 рр.). Це чи не перші портрети в українському мистецтві, де робітники показані в процесі праці. Поява творів такого плану – одна з найвидатніших рис радянського портретного мистецтва того часу. Характерно й інше: в цих нових жанрах – індустріальний пейзаж, виробничий портрет, – пізніше працювало чимало художників, та тільки небагато творів названих жанрів стали надбанням високого мистецтва. Численні з них були штучні за своєю суттю, наслідувальні за манерою виконання. Твори ж Шовкуненка первинні, тому саме вони донесли до нас істинність спрямувань і подих часу, охоплюючи собою весь цей період в радянському образотворчому мистецтві.

В роки Великої Вітчизняної війни художник (якому було в той час майже 60 років) жив і працював в Уфі. В портретах (переважно олівцем) тих грізних років художник передає не

тільки індивідуальні риси портретованих, але й риси спільні, типові, притаманні радянським людям у роки війни: внутрішню зібраність, зосередженість, підтягнутість.

Є в художника серед пейзажів, написаних в Уфі, одна невеличка акварель, де над криницею зображено розквітлий соняшник. Неважко зрозуміти, які почуття володіли художником, коли він писав цей соняч, що виріс під уральським небом. Україна в цей час була окупована гітлерівцями. І ця акварель – звернення до почуттів своїх співвітчизників. В цьому глибина й своєрідність ліризму Шовкуненка пейзажиста: його лірика громадянська.

«Можна часом висловити пейзажем те, для чого слів людських нема».

Ці слова Максима Рильського цілком можна віднести до багатьох пейзажів Шовкуненка.

Серед робіт, створених Шовкуненком у повоєнні роки, – прекрасні портрети діячів культури, знатних виробничників, військових, учасників партизанського руху. Велике місце в творчості художника посідає натюрморт, – це переважно квіти, букети, різноманітні за характером і змістом, невеличкі поеми кольору й світла.

Провідне місце в творчості Шовкуненка останніх десятиріч посідає пейзаж. Ніколи раніше його живопис не був такий вільний і дзвінкий. Шовкуненко домігся високого оптимістичного звучання своїх пейзажів. Мотиви їх безмежно різноманітні, хоч і в кілька разів повтореному художник вміє побачити нове. Але є серед них мотив, до якого Шовкуненко, особливо в останні роки, звертається найчастіше. Це старі дуби.

І навесні, коли ще несміливо проглядає перша зелень, і влітку, коли сонячні промені ледь пробиваються крізь густе листя, і взимку, коли дуби ніби сплять, поскрипуючи на морозі. Дуплаві, порізані зморшками стовбури вікових дерев, – єдиний персоніфікований мотив у творчості Шовкуненка, – асоціюється з образом самого художника: ніби ці могутні дерева він пов'язує з рідною землею, а крона – це мудрість і висока простота, риси видатного майстра, що десятиліттями провадив задушевні бесіди з природою.

«Радянське мистецтво безперервно збагачується новими цінностями, але неперобутню цінність має творчість його корифеїв, серед яких гідне місце посідає Олексій Олексійович

Шовкуненко», – цими словами з каталогу хочеться закінчити огляд чудової виставки творів чудового майстра.

Зв'язок часів

Є картини-документи, написані в момент події, за свіжими враженнями великої події, яка протягом десятиліть продовжує так само хвилювати, бо залишається основоположною для подальшого розвитку суспільства. Така тема революції. Й по сьогодні з неослабним інтересом вдивляємося ми у твори художників – сучасників початку нової епохи, які втілили живий подих великих перетворень. Часом навіть технічно застарілі, вони є документами не лише у відображенні фактів, а й у самому своєму стилі, визначеному багато в чому загальним потоком художнього життя зламного періоду.

Однак є й інший ряд творів: картини, створені вже пізніше художниками, котрі самі не були учасниками цих великих подій. І внутрішня структура цих творів набагато складніша. Тема революції ніколи не зникне з творчості радянських художників, проте кожен новий твір на цю тему – це розуміння великих подій і розуміння сьогодення через призму основоположного минулого.

Як ніколи важливим стало побачити й сьогодення через минуле, вдивитися в нього очима комісарів, побачити тих, хто завершив революцію, людьми однієї з нами епохи, однієї долі, побачити неминущий безперервний зв'язок часів.

Ця передмова конче необхідна перш ніж розпочати розмову про виставку творів заслуженого діяча мистецтв УРСР Вячеслава Васильовича Токарева, яка відкрилась у Художньому музеї.

У шістдесятих роках він написав картину «Комісар», і відтоді тема революції стала головною в його творчості. Ця тема трансформується, набираючи рис, властивих загальному ходу розвитку радянського мистецтва, тому революційний цикл, створений В.Токаревим, викликає подвійний інтерес.

Процес роботи художника над «Комісаром» – твором, що залишився й донині одним з найпопулярніших полотен шістдесятих років, – показовий. Спочатку комісар уявлявся художникові піднесенням над натовпом слухачів серед станційних споруд і паровозів, огорнутих клубами диму і пари. Ця багатослівна композиція розроблялася в наступних ескізах.

Однак потім В.Токареві відмовився від просторовості, зупинившись ніби лиш на фрагменті з самого початку задуманої композиції, але насправді показуючи комісара та його соратників крупним планом. Комісар повернувся до слухачів, котрі лишилися за межами композиції, місце яких займають глядачі картини. Зникає внутрішня замкненість твору і тим самим встановлюється зв'язок часів, почуттів, поривань.

Образи героїв «Комісара» багато в чому декларативні, монументально узагальнені, надіндивідуальні. Вони виражають загальний дух революційної епохи, її моральну атмосферу. Важлива була сама ідея, ясна, наче плакат, – думка про безстрокове громадянське служіння людини.

Однак час тематичних і стильових декларацій на кінець шістдесятих років почав відходити у минуле. Підхід до теми стає дедалі заглибленим, індивідуалізуються образи, а з ними й зображувальні манери. Світ сприймається через особу, на зміну захопленню монументальним живописом приходить інтерес до портрета.

В цей період В.Токареві створює полотно «Тачанка». Якщо композиція «Комісара» статична, то «Тачанка» гранично динамічна: це вируюче, шалене поривання. Герої «Тачанки» позбавлені монументальної узагальненості, їхні образи експресивні, своєрідно неповторні, ніби вихоплені мало не навмання з вогненого виру громадянської війни. В їхні реальні, живі риси хочеться вдивлятися, аби зрозуміти їхню боротьбу та їхню правду. Вся композиція побудована таким чином, що глядач виявляється віч-на-віч з її героями, може зазирнути їм в очі. Точка зору обрана ніби згори – ми бачимо одразу всю тачанку, голови та гриви коней і степ, який рветься з під копит. Рух, відображений в картині, починається за межами полотна, дійсно в тримірному світі. Погляд героя звернений до глядача так, ніби закликає його, глядача, у картину. Знову розкривається думка про непорушний зв'язок часів.

І все-таки «портретність» В.Токарева несе риси головні, найбільш значимі: головний герой художника – це народ. У «Комісарі» В.Токареві передає ідею революційного народу, в «Тачанці» зображує його індивідуалізованим.

Наступне полотно з революційного циклу, «Жовтень на робітничій околиці», – це вже значне філософське узагальнення, яке ніби об'єднує обидві тенденції. Вгору по горбатій вулиці

підіймається грузовик з озброєними робітниками: у жовтневу битву вирушає повстале робітниче місто. Грузовик ніби виліз на гору і на якусь мить завмер, перш ніж ринути вперед. І ця мить, яка дає можливість розгледіти героїв твору, ніби вихоплена художником. Це груповий портрет, де кожен образ індивідуальний, за кожним обличчям вгадуються драматичні й несхожі долі, але окреслений переривчатою лінією колючого силуету, перед нами постає колективний герой у єдності осіб. Так проєктоване у революційне минуле, постає у картині найважливіше етичне уявлення нашого часу про місце людини в суспільстві, в історичних долях країни. І зв'язок часів постає тут найвищими своїми принципами: революційне минуле – це ті закони, за якими живе сьогодення.

Ми зупинилися тільки на трьох картинах В.Токарева, однак експозиція виставки величезна: вона займає увесь верхній поверх картинної галереї. Виставка присвячена 25-річчю творчої діяльності художника. На ній представлено багато що з того, чого художник не виносив раніше на суд глядача. Крім цього, слід визначити, що В.Токарев – майстер портрета і надзвичайно цікавий пейзажист. Ця частина його творчості могла б стати темою самостійної статті. Однак нам здається, що ми сказали про головне, і тепер надаємо можливість читачеві стати глядачем та доповнити своїми враженнями наші міркування.

Хокусай, який прожив вічність

Великий японський художник Хокусай хотів прожити 110 років. У 75-річному віці він сказав: «Я малюю з шести років. До 50 років я не зродив жодного малюнка, який би задовольнив мене, в 70 років я почав працювати вже по-справжньому. В 75 я почав розуміти природу. Гадаю, що у 80 років я зможу проникнути в неї, і років десь під 110 мої твори стануть художньо довершеними. Якщо ж всевишній подарує мені щастя прожити після цього ще 10 років, то тоді, я сподіваюся, життєве і правдиве розуміння природи сяятиме з кожної моєї лінії і точки...»

Хокусай прожив 89 років. За своє тривале життя він створив 30 тисяч малюнків, які стали не тільки національною гордістю японців, не тільки вираженням духу народного, його

світорозуміння, але увійшли у золотий фонд скарбниці світового мистецтва.

Ігор Грабар говорив, що Хокусай – один з тих титанів, які належать всьому людству, і якщо можна його з кимось порівняти, то тільки з Леонардо да Вінчі. Вплив Хокусає на розвиток світової художньої культури – величезний. Ієрогліфічний напис під однією з його картин свідчить: «Світ безмежний. В ньому нема ні заходу, ні сходу», у своїх гравюрах Хокусай поєднав японські, китайські й навіть європейські традиції. Одним з перших серед японських художників він прийняв європейську лінійну перспективу. Якоюсь мірою це було причиною того, що Хокусай став ніби мостом між культурами Заходу і Сходу.

Для японського образотворчого мистецтва характерне милування моментом, порушення рівноваги форм – у цьому виявленні японського духу нестабільності, мінливості, сприйняття світу і життя, як чогось випадково зітканого, плинного. Тому рисунок японців імпресіоністичний чи, як ще кажуть зараз, – «кінематографічний». Природа сприймається у своїй мінливості тому, що такий важливий кожний окремий момент цієї дійсності, конкретизованої у рамках певних художніх прийомів.

Саме з цієї японської традиції виходить теорія імпресіонізму французького, а не з терміну, утвореного випадковою назвою етюду раннього Моне, написаного з першого враження.

Світ любить ювілеї великих, – любить утверджуватися в своїх цінностях. Нинішнього року відзначається 125-річчя з дня смерті Хокусає. На честь цього одеське міське товариство «СРСР–Японія» і клуб «Барва, музика, слово» імені Чурльоніса провели у Будинку вчених інтернаціональний вечір, присвячений пам'яті великого японського художника. З доповіддю про життя і творчість Хокусає виступила мистецтвознавець Олена Шелестова, в залі експонувалися репродукції гравюр художника.

На вечорі були присутні представники творчої інтелігенції міста, він проходив під знаком дружби між Одесою та Йокогамою. У травні нинішнього року в японському місті-побратимі був проведений аналогічний вечір, присвячений Пушкіну, матеріали для якого були доставлені з Одеси.

Де Сегонзак

Де Сегонзака ми знаємо мало. Це пояснюється і тим, що, незважаючи на високе місце, яке він займає у французькому мистецтві, майстер завжди стояв осторонь галасливої боротьби шкіл і напрямів. Магістральна лінія його творчості була пряма – все своє життя художник був вірний тому, що його цікавило замолоду.

У 1969 році російською мовою були опубліковані деякі висловлювання художника про живопис, і представляється доцільним використати сьогодні їх у співставленні з оригіналами творів художника.

Де Сегонзак – тонкий живописець і чудовий малювальник, продовжуючи традиції Сезанна, прагнув до вираження усієї повноти життєвих відчуттів.

«Я завжди захоплювався Сезанном і розумів уроки його висловлювань. І завжди пам'ятав слова, написані за кілька місяців до смерті: “Художник повинен остерігатися літературного духу, під впливом якого він може ухилитися від свого справжнього покликання – конкретного вивчення природи – і заблукатися серед абстрактних теорій”».

Все своє життя де Сегонзак виконував цей заповіт. Але можна сказати й інше – це було тезою, яку де Сегонзак вивів би сам, якби не було в Сезанна структури свого ставлення до світу і особливостей власного характеру. Замолоду де Сегонзак не збирався стати художником, швидше готувався до наукової діяльності – пройшов курс школи східних мов (по суданській писемності). Що спонукало його взятися за пензель, сказати важко, але в 1902 році він раптом вступив до школи красних мистецтв, але незабаром, незадоволений роботою школи, переходить в академію «Ла Палет». Втім, і в Академії А. де Сегонзак вчився лише рік. Мабуть, він дуже швидко визначив для себе найважливіші принципи сприйняття світу, з яких потім порівняно просто і закономірно виявляється творча манера художника.

«Село» і «П'яниці» були першими значними творами А. де Сегонзака. Вони привернули увагу публіки, принесли йому відомість. Зараз їх можна бачити майже поряд, на самому початку експозиції, де розташовані ранні полотна художника. Саме в цих творах А. де Сегонзака виявляється, мабуть,

найяскравіше за все те, що він продовжувач Сезанна. Цей живопис вражає якимось незрозумілим попервах благородством, серйозністю. Він не підпускає до себе легковажного глядача.

Глибокі пошуки постійних і міцних елементів поступово приводять де Сегонзака до єдності, до синтезу, до деякого роду аскетичного живопису, до мистецтва майже монохромного, коли однорідність живопису робить твір зібраним.

Андре Дюнауйє де Сегонзак прожив довге життя в мистецтві. Його манера витримала ряд послідовних змін, хоч він ніколи не відходив від головних принципів сезаннізму. Захоплення в 20-ті роки аквареллю робить його живопис більш витонченим. У 30-ті він багато працює як графік, оформист, і сміливість малюнка позначається в живопису, робить його виразнішим, відвертішим. Та все це нюанси, які не змінюють головного – А. де Сегонзак завжди залишався реалістом – реалістом в тому розумінні, в якому реальність поезії чи музики, – відкидаючи дослівність чи навіть вірогідність, виявляючи і культивуючи якийсь вищий смисл, квінтесенцію реальності.

Тому закінчити хотілося б його власними словами, сказаними про інших художників, але рівною мірою вони відносяться і до його творчості.

«Любов Клода Лоррена до римської Кампанії, ніжність Рембрандта до його оточуючих, глибоке хвилювання Сезанна перед провансальським пейзажем в околицях Екса збагатили твори цих художників живими і глибоко пережитими елементами. Та ті твори хвилюють і будуть хвилювати протягом віків, тому що, як говорив Коро: “Якщо ви були справді схвильовані, ваше почуття передається іншим”».

Фінська графіка

Визначним явищем культурного життя міста є виставка фінської графіки. Сам факт цей свідчить про дальший розвиток культурних зв'язків між радянським та фінським народами.

Виставка, яка відкрилася в Музеї західного і східного мистецтва, знайомить нас, незважаючи на невелику кількість експонованих робіт, з вельми характерними особливостями мистецтва Скандинавського півострова.

Перш за все впадають в око (ми не випадково використовуємо цей наївний термін) роботи Матті Курмала (1946

року народження). Це трацени, хліб, капуста на зелених і синіх форматах, які заявляють про себе інтенсивністю кольору, гіпертрофованістю форм. Це вміло знайдені фотодрукарські рішення рекламного типу, яким, здається, бракує лише пояснювального тексту.

Літографії Ерккі Тантту (1907 року народження) – озера, будиночки біля причалів, дахи, старі баржі, – це традиційні аксесуари неквапливого скандинавського побуту.

Привертають увагу колажі й літографії Пентті Лумпкангаса і Анті Ніємінена. У передмові до оцінки скажемо, що колаж сам по собі є, либонь, однією з найсучасніших і, певно, найулюбленіших форм вираження художньої думки другої половини ХХ століття. Ця техніка приваблювала насамперед своєю об'ємністю, тобто при розробці певних сюжетів з допомогою вже відбитої предметності вона вносить у розповідь образність, багатозначність, різноплановість, які не притаманні такою мірою іншим видам образотворчого мистецтва.

І все-таки колажі становлять собою спрощене рішення складних загальнолюдських проблем. Рішення походять з формотворчості, яка, дозволяючи собі надмірну самостійність, тим самим зводиться в ранг абсолютної самодостатньої ідеї, а зміст, соціальний аспект явищ пересуваються на другий план. Ось колажі «Голландець» (вітрильник, скомпонований з уривків газет, старовинних орнаментів, дубльованих хвиль), ось «Пенелопа» – жіночий портрет, в якому техніка колажу проявилася лише як заміна одних прийомів нанесення тону іншими. Або сповнені геометризму «Спорожнілі оранжереї», «Кручені сходи», «Кручена башта» і, либонь, найхарактерніший твір цієї серії – «Храм», літографія, яка зображує колонаду без підвалин, увінчану куполом, на якому біля голого флагштоку видно самотню постать людини.

Зовсім інакше звучать теми гравюр Тапіо Тапіоваара (1908 року народження), в яких видно довгий і важкий життєвий шлях художника, котрий пройшов крізь війну та боротьбу й з'ясував суть явищ з своєї визначеної часом точки зору (це роботи «Табір військовополонених», «Війна», «Страта») та прийшов до розуміння сучасних подій («Заворушення в Кемі», «Прихильники миру», «Чілі»).

З цими роботами перегукуються твори наймолодшого учасника виставки Матті Хеленіуса (1951 року народження),

котрий у своїх літографіях звертається до пролетарської теми («Будова», «Дворник», «Двоє босяків»).

Роботи цих двох художників, що належать до різних поколінь, говорять про спадкоємність та вірність соціальній темі в творчості кращих представників майстрів фінської графіки.

Виставка фінських графіків користується популярністю у відвідувачів музею. Безперечно, вона сприятиме дружбі і добросусідству радянського і фінського народів.

Спогади випробувача

Всі знають, що професія випробувача небезпечна і пов'язана з ризиком. І не обов'язково бути при цьому льотчиком чи автогонщиком. Я, наприклад, працював випробувачем на годинниковому заводі. Робота – не бий лежачого. В тому розумінні, що я приходив на роботу, лягав і засинав, а мені підсовували різні будильники й випробували, прокинувся я від дзвінка чи ні. Прокинувся – добре, ні – погано. Це для будильників погано, для конструкторів та винахідників, а мені часто прокидатися, а потім знову засинати – сама мука. Загалом робота була важка і нервова. А ще кляузники всілякі знаходились. Не спрацює на мені їхній будильник – йдуть скаржитись, кажуть, що він (тобто я) вчора набрався і тепер його (тобто мене) гарматою не розбудиш. Можна подумати, якщо людина нап'ється, так їй вранці не треба на роботу прокидатися. Філософія...

Але я не про це. Я про те, що робота випробувача небезпечна і багата на всілякі ускладнення, незалежно від того, що ти випробуєш – надійність літака чи міцність садових лавочок.

Стояв кінець кварталу. І як скрізь – аврал! Будильники тягнуть тачками. Не встигнеш заснути – підйом. І треба, щоб якість від цього не гіршала. Почав навіть снотворне вживати, і все одно не встигаю. Довелося взяти роботу додому. Простую по вулиці, а в портфелі у мене все цокає, тенькає. Люди озираються, усміхаються, мабуть думають, що якийсь псих перпетумобілю в комітет по розподілу Нобелівських премій несе. Ну, гаразд. Прийшов додому, умився, переодягнувся, поїв і до роботи – спати.

І проспав усе на світі. Прокинувся від якоїсь незвичної тиші. Будильники мої мовчать. Не лише не дзвенять, а навіть і не цокають. Глянув у вікно, а годинник на розі показує дванадцятю годину дня! Поскидав я свої годинники в портфель, на таксі – і прожогом на роботу.

Прилітаю, а на мене вовком дивляться. Кажуть, план завалив, а як дізналися, що мене всі ці будильники разом узяті не змогли збудити, так одразу кажуть: пиши заяву за власним бажанням, у тебе професіональна непридатність. Я до директора, у місцевком – та де там! Змінюй, кажуть, професію, йди у токарі, в кухарі, куди хочеш. А куди я подамся? Я ж засну і над верстатом, і над котлом. Вб'є мене чи ошпарить. Навіщо ж посилати людину на вірну смерть? Десять років працював у цій галузі, у сні, значить. Вузька спеціалізація, без суміжних професій.

Довго я ходив по всіляких інстанціях. Щоправда, на роботі мене так і не поновили, але призначили пенсію.

Тепер ось пишу мемуари. Дехто говорить: життя проспав, що ж ти, мовляв, написати можеш. А я, між іншим, сні описую. Мною навіть зацікавився один медичний інститут. Кажуть, такої кількості снів, яку ви, шановний товаришу, передивилися, вистачить на полк солдатів. І взагалі, багато хто твердять, що я своєрідний екземпляр і мене треба тримати під скляним ковпаком. Як старовинний годинник.

Дев'ятий Тіціан

Минуло вже понад рік відтоді, як сенсаційне повідомлення про відкриття в Одесі полотна Тіціана (дев'ятого в музеях Радянського Союзу) з'явилося на сторінках преси. Чому ж ми повертаємося до цього зараз? Тому що й через рік не стихають суперечки про справжність цього твору, хоч, будемо об'єктивні, голосів «проти» чується менше, все більше утверджується за полотном його нова атрибуція, і тема «дев'ятого Тіціана» з газетних шпальт, що швидко старіють, переходить на сторінки академічних журналів.

Коротко про історію відкриття.

В 1949 році в Одеський музей західного й східного мистецтва в порядку поповнення як до музею, що дуже постраждав під час окупації, надійшов з Державного Ермітажу

серед інших полотен «Портрет дожа» невідомого венеціанського художника XVI століття.

В інвентарній книзі музею портрет був описаний так: «Зображений до грудей $\frac{3}{4}$ вправо, дивиться на глядача, з сивою бородою. Головний убір – парчовий з узором. Одягнутий в горностаєву мантию. Під нею коричневий з великими позолоченими гудзиками інший одяг. Фон темний».

Додамо до цього казенного обліку, що портрет був написаний дещо дивно – з пересічною, але митецькою манерою сусідив сильний, сміливий, широкий пензель.

У 1966 році «Портрет дожа» було піддано профілактичній реставраційній обробці. У процесі розчистки лаку під лівим плечем дожа виявили монограму «Ті» – так підписував свої гравюри Тіціан («Тіціан створив»).

Те, що портрет має пряме відношення до Тіціана, було відоме й раніше. На його зворотньому боці, серед інших написів про колишню належність й інвентарних номерів колекцій та музеїв був недвозначний напис – «Тіціан», але посередня манера письма не дозволяла спеціалістам приписати його пензлю великого майстра.

Виявлення монограми «Ті», яким це дивним не видається на перший погляд, ще більше згустило недовіру до авторства Тіціана. Справа в тому, що монограма була проставлена по лаку, а не по живопису, як завжди. Тобто, мабуть, була проставлена вона не самим художником і в будь-якому випадку не в момент написання портрета. Монограма була накреслена для того, щоб засвідчити руку майстра чи з якоюсь іншою метою... До того ж, підписи монограмою невідомі на інших живописних творах Тіціана.

І тим не менш, після реставрації портрета в ньому виявилися якості непересічної роботи. Стало очевидним, що він «підправлений» у пізніші часи.

Атрибутацією портрета зайнявся Василь Данилович Власов – мистецтвознавець, заступник директора Одеського музею західного й східного мистецтва. Власов вирішує простежити історію картини й таким чином встановити справжнє авторство. В інвентарній картотеці відділу західноєвропейського мистецтва Державного Ермітажу про «Портрет дожа» записано: «Портрет з колекції кардинала Валенті» (про це свідчить один з написів на зворотньому боці полотна). В Публічній бібліотеці в Мантуї

зберігається каталог картин колекції кардинала Валенті-Гонзаго, виданий у XVIII столітті: «№ 453. Картина 4,2 долоні заввершки і 3,5 завширшки, що представляє венеціанського дожа на полотні, манера Тіціана». Дві речі кидаються в вічі: перша манера Тіціана, тобто саме те, що викликало сумнів у мистецтвознавців (зазначимо, що каталог було складено після смерті кардинала Валенті, а авторство багатьох картин знав лише їхній власник), і друге: розмір картини – 4,2×3,5 долоні, тобто 84×70 сантиметрів, у той час як розмір «одеського Тіціана» – 65×50 см.

Розгадка була знайдена несподівано. Цьому допоміг твір нашого художника Паоло Панніні. В 1749 році він написав кілька картин, які відтворюють галерею Валенті. На одній з них серед інших творів зображено портрет нашого дожа. Щоправда, композиція дещо інша – майже поясний зріст постаті, з під мантиї виглядає рука. Але ми досі не сказали ще про одну особливість «Портрета дожа». Річ у тому, що свого часу (мабуть, у XVIII віці) він був обрізаний по краях. Робилося це, очевидно, для того, щоб підігнати портрет до нової рами (галерея Валенті була розпродана його спадкоємцями). І якщо подумки додати зрізані краї полотна, портрети збігаються і в розмірах і в композиції. Більше того, стає зрозумілим і інше: щоб якимось зробити портрет відповідним до нових пропорцій, невідомий «майстер» цілком замальовує мантию, піднімає плечі, грубо підправляє бороду, щоки, чоло, волосся, тло, – одне слово, з'являється все те, що викликало сумнів спеціалістів, щодо авторства Тіціана. Можна навіть передбачити, що разом зі зрізом нижнього краю картини був утрачений і авторський підпис, і, щоб засвідчити авторство великого майстра, по лаку була проставлена не властива йому монограма.

У визначенні авторства й часу написання портрета значним доказом служить особа портретованого. Портретна галерея дожів, створена венеціанськими художниками, велика. Тіціан обіймав офіційне положення художника республіки (у джерелах вона іменується ще посадою офіційного портретиста республіки) з 1516 по 1555 рік. Серед портретів дожів, створених Тіціаном у цей період, є й портрет, схожий в іконографії з «одеським дожем», – це портрет дожа Франческо Донато, написаний у 1548 році, який зараз знаходиться в картинній галереї Сан-Дієго (США). Крім того, в одному з венеціанських музеїв є картина «Дож Франческо Донато, що схилився перед дівою Марією і

святими правителями Венеції», яка давала Власову підставу твердити, що одеський «Портрет дожа» – це портрет дожа Донато.

Дож Донато правив з 1545 по 1553 рік, тобто портрет написаний десь на рубежі середини століття. Це час повного розквіту Тіціана.

І тут знову виникає різнопрочитання. За всіх тих достоїнств, які має відреставрований і «прочитаний» портрет, він не вписується в поняття розквіту творчості одного з видатних майстрів пензля всіх часів і народів. Спробуємо розібратися в цій суперечності, що спантеличує багатьох, і навести ще один доказ (можливо, опосередкований) того, що атрибуція портрета проведена вірно, оскільки вже й видима суперечність це підтверджує.

У венеціанській культурі XVI століття простежуються три етапи. Перший охоплює півтора перших десятиріччя XVI століття і пов'язаний з тенденціями, що склалися у венеціанській культурі до епохи визвольних війн, – це час розквіту гуманізму. Другий починається з 20-х років. Він пов'язаний з прагненнями, що зародилися в епоху національно-визвольних війн, але знайшли самий найповніший розвиток саме в цей час. Це найвище піднесення всієї венеціанської культури. Венеція стає останнім вогнищем ренесансної культури. І нарешті, після турецької війни 1540 року Венеція вступає в смугу занепаду, існує в оточенні повного розгулу контрреформаційного клерикалізму, в обстановці посиленних внутрішніх суперечностей. З цим пов'язані глибокі зрушення у венеціанській культурі, які визрівають під кінець 40-х років. Настає криза ренесансного світогляду.

Блискучий розквіт Тіціана-портретиста припадає на 30–40-і роки. Тип парадного портрета, створений Тіціаном, протилежний маньєристичному портрету-апології. У Тіціана нема принципової різниці між парадним і власним портретом, тому що і в одному, і в другому людина виступає як значна особа, тобто значимість героя Тіціана ренесансна. Тіціан в 40-і роки залишається художником Відродження, для якого цінність особи не визначається її становою належністю. Портрети Тіціана починають розходитися зі смаками, що панують в аристократичних колах.

Рубіж середини XVI століття знаменується глибокою кризою портретного мистецтва. Популярність Тіціана так падає, що його

позбавляють звання офіційного портретиста республіки. І Тіціан втрачає цікавість до портрета. Його пізніші портрети не тільки нечисленні, але іноді написані байдуже. Це різко контрастує з щирістю і схвильованістю його сюжетних творів того ж періоду.

Весь стрій пізньої творчості Тіціана позначений глибоко особистим осмисленням життєвих конфліктів, відмовою від історичної та соціальної конкретності, від індивідуальної загостреності образів. Шедеври, які зберігаються в Ермітажі, – «Несіння хреста», «Мадонна з немовлям і святою Магдалиною», «Христос Вседержитель», – весь духовний лад цих творів дає цьому підтвердження. Власов цілком справедливо вказує на близькість техніки виконання цих робіт з «Портретом дожа Донато», і все-таки це не заважає творам пензля одного майстра, написаним приблизно в один і той самий період, відрізнятись значним чином.

Очевидно, це слід мати на увазі, визначаючи місце «Портрета дожа Донато» в творчості Тіціана.

Доля академіка живопису

Коли на рекламних тумбах міста з'явилися афіші про відкриття у художньому музеї виставки творів художника-академіка Євгена Івановича Столиці (1870-1929), щось схоже на розгубленість чи здивування промайнуло в душі: раніше якось не доводилось чути імені цього художника. Здивувало й інше: більшість його картин належали Ананьївському будинку культури – досить дивна географічна концентрація. Кілька днів, проведених у науковій бібліотеці імені Горького, внесли певну ясність.

Є.І.Столиця народився на Україні в селі Будеї (нині Одеської області) в родині лісничого. Коли майбутньому художникові було років з сім, родина переїхала до Ананьєва. Вчився Столиця в Одесі, в реальному училищі, але водночас брав уроки малювання у Г.Ладиженського. У 1888 році Столиця – студент Петербурзької Академії художеств. Вчився у М.П.Клодта, І.І.Шишкіна, А.І.Куїнджі. Близьке закінчення Академії дає можливість Столиці серед кращих учнів Куїнджі потрапити стипендіатом на трирічний строк у його майстерню. У 1884 році Столиця одержав звання класного художника другого ступеня, у 1897 – звання художника.

У 1899 році Є.І.Столиця бере участь в арктичній експедиції адмірала Макарова на криголамі «Єрмак» (Макаров дуже тепло згадував про художника у своїй книзі «“Єрмак” у льодах»).

У 1904 році спалахнула російсько-японська війна. Слідом за командуючим тихоокеанською ескадрою адміралом Макаровим Є.І.Столиця прибуває в Порт-Артур. Художник потрапляє у фортецю в гарячі дні – в розпал боїв. Тут Столиця починає писати картину «Адмірал Макаров і художник Верещагін в каюті броненосця “Петропавловськ”». На одному з етюдів, до речі, репродукованому у Великій Радянській Енциклопедії, відображено календар. На його аркуші можна прочитати: «27 березня». А 31 березня «Петропавловськ» підірвався на міні, і цих двох видатних людей не стало.

В наступні роки Є.І.Столиця бере участь у п'ятьох конкурсах імені Куїнджі, які приносять йому п'ять головних премій. На міжнародній виставці у Мюнхені в 1905 році художник за картину «Зимовий південь» одержує золоту медаль, а на всесвітній виставці у Льєжі в тому ж таки році – велику бронзову.

У 1909 році Є.І.Столиці та двом іншим учням Куїнджі – Реріху й Зарубіну – на клопотання Рєпіна, Куїнджі й Мате присвоюються звання академіків живопису – «За відомість на художньому поприщі». Журнал «Художник» називає Є.І.Столицю своєрідним і вельми плідним художником, творчість якого посідала видне місце у російському живопису на початку ХХ століття.

«Здається у 1916 році він залишив свою майстерню на Зеленій вулиці та й подався до Ананьєва, – писав відомий радянський художник-пейзажист А.Рилов. – Усі свої речі й картини, запакувавши в ящики, здав на зберігання до Корзухівської артілі. Потім частину речей і полотен художника було продано на аукціоні як майно без власника, решта зникла невідомо куди.

І те, що було представлено в художньому музеї, – здебільшого роботи, написані починаючи з 1916 року, за рідким винятком, як, наприклад, етюд «Учні Куїнджі в Криму», написаний у 1896 році, який належить Державному Російському музею в Ленінграді.

Очевидно, втрата величезної кількості полотен – близько 2 тисяч – сильно вплинула на художника. Він фактично відходить від художнього життя.

У 1922 році переїздить до Москви, потім живе у Троїце-Сергіївській лаврі, обіймаючи безплатну посаду хранителя лаврського музею, хоч формально й належить до АХРР (Асоціації художників революційної Росії).

В етюдах і картинах цієї доби очевидна значна різниця навіть між кримськими етюдами 1896 року. Тут відчувається школа Куїнджі: художника цікавлять перехідні моменти в стані природи – передгрозів'я, сутінки.

Картини, що належать Ананьївському будинку культури, – найбільша в країні колекція творів академіка живопису Є.І.Столиці. Її подарував ананьївцям племінник художника – московський інженер М.В.Столиця.

Пісня – сонце світу

Одеський художній музей протягом останніх років показав у своїх залах кілька цікавих виставок творів народних умільців міста й області. Виставка, що експонується в музеї зараз, не зовсім звичайна. Автори експонатів – трудівники села Троїцького Любашівського району Одеської області. Організація виставки, що відбиває художнє життя одного села – явище своєрідне, хоч багато в чому невипадкове. Народне мистецтво сильне саме колективним досвідом, його високий професіоналізм ґрунтується на традиції. Однак традиції вимагають збереження і розвитку. Це благородне завдання узяв на себе в Троїцькому Ростислав Михайлович Палецький, удостоєний звання заслуженого майстра народної творчості УРСР. Його твори знаходяться в музеях Києва, Одеси, Полтави, Канева, вони експонувалися в багатьох містах Радянського Союзу, НДР, Чехословаччині, Болгарії, Польщі, Японії.

Творчість Р.М.Палецького своєрідна. Своєрідна саме у своїй народності. Його відношення до світу активне. Різноманітність порушених тем властива саме нашому часові.

Яхт-клуб

Бредем по побережью,
Где волны мечут кружево.
Нам брюки поберечь бы,
Любовно отутюженные...
Мы выглядели молодо,
Красиво и неглупо.
Но вот дошли до мола мы,
До белого яхт-клуба.
Там мачты небо метили
Метелистыми клиньями,
А мы – а мы свидетели,
а мы – всего лишь зрители...
Я все отдал тепер бы,
Чтоб было не «как-будто»:
яхта – торпеда,
ветер – катапульта.
Но топают по молу
врожденные поморы,
широкие ребята
в потертых свитерах,
и яхты им покорны –
на то ведь и регата,
чтоб чувствовалась гордо
сила в парусах!
Кренит, бывает, всяко,
клинит рули, бывает.
А море – это драка!
а море не прощает!
Страшны эти укусы,
и яхты – не из пробки.
Нужны стальные мускулы
самой высшей пробы.
Взбираются Колумбы
по лестнице яхт-клуба.
А мы стоим понуро,
приглажены, начищены,
и очень взросло курим,

расшибешься о пень в потемках.
Даже мертвые мстят за себя.

* * *

Перед рассветом лишь, наверно,
Волна, воздержанна от смут,
Шуршит по гальке равномерно,
Как утром улицы метут.

И этот шорох полутонем
Наносится на лак палитр
Затем, чтоб контуры платанов
Зеленым светом опалить.

А горизонт уж будто розов
И, как вагранщик-чародей,
Он ночь переливает в бронзу
Адмиралтейских якорей.

Пустой причал

А шторм унес печаль другим.
Постой, сбрось волосы с плеча.
Как долгий взгляд из-под руки
Пустой причал, пустой причал.

Возьмись за поручень сама –
он от воды шершав и бур,
Сырая южная зима,
Сезон дождей и долгих бурь.

Кому из городских чудил
взбредет придти писать пастель?
Но кто-то классы расчертил
на досках, стертых до гвоздей.

А брызг обрушится каскад,
плеснет на плечи, как парча...

И бьется сбитая доска,
как колотушка по ночам.

«Гамбринус»

Я в Гамбург не ринусь
искать «Бригантину».
Я ринусь в «Гамбринус»,
к Багрицкому, Грину,
где греческий говор
еще не умолк,
где речи – как волны,
что ломаются в мол,
где пена над пивом –
как буря о риф,
где колким курсивом
готический шрифт,
где ценят тельняшки,
как в Оксфорде мантии,
где cedят деяги
и фрондят романтики.
Но, коль приглядеться
к старинной отделке, –
от тумб до глазета–
подделка! подделка!
От лавок и позы
до слов и проформы,
от бочек до бронзы –
кругом бутафория!
Но все ж я не сетовал.
Пропад пропойцам!
Я с греком беседовал,
с землепроходцем.
Как Вахх бородатый,
веселый, высокий,
бывал он в Багдаде и
Владивостоке,
он шел из-под Клина
к тянь-шанским предгорьям,

седой, как былина,
 корявый, как корень.
Ему этот гам –
 словно лужа по щиколотку.
А рядом цыган
 семиструнку пощипывал.
Им модных подделок
 и фарса не нужно,
им все это дело –
 простая пивнушка,
где греческий говор еще не умолк,
где речи – как волны,
 что ломаются в мол,
где кто-то, как я,
 мимо Гамбургов ринулся
к Багрицкому, Грину,
 в подвальчик «Гамбринус».

Ключ у тишины

Лишь знаки,
И язык солиста
пока что звук не распластал.
И лучше с начертаньем слиться
И музыку прочесть
 с листа.
Пусть плещется, приглушена
до шепота, до шелестенья,
листвою партитур, растений
привычной меди лишена.
Как музыкальна тишина...
Ни звука.
Ультракриком мучась,
Лишь шевелить беззвучно ртом,
Будить в чужой душе созвучья,
колебля чуткий камертон.
Достоинства не умали,
о партитура – ты не парта,
как зашифрованная карта,
таи сокровища мои!

Покрытой росписью стеной
предстань пред тем,
кто вхож без стука.
Пребудь архитектурой звука,
его соборной тишиной.

* * *

В измятой мичманке,
с одной
мечтой, приведшей, словно
пеленг,
я рано, с первой сединой,
сойду на твой осенний
берег.
Сойду, когда платан
ребрист,
изведав столько околесниц,
когда октябрь
посеребрит
опавшую листву у лестниц.
И уж не вытребовать льгот,
чтоб избежать случайных
мнений:
– Помилуйте, всего лишь
год
не виделись, а изменений...
Я улыбнусь, я вспомню
пляж,
костер и ночь, шаги
по дерну,
и как под утро камуфляж
был легкой сыростью
подернут.
Я вспомню все: как был
отлив
и как в песок катились
вишни,
и теплоход мерцал вдали...
И ты поймешь и удивишься.

Ты веселишься, как вдова,
на кухне чашками
 позванивая,
и лишь тебе дано давать
оценки, прозвища, названия.
Других сужденья –
 трын-трава.
Да хоть бы был велик,
 как Беринг!
Ведь только ты одна права –
Ты цель, ты мера моря –
 берег.

Между весной и летом

Будь, полдень, ярок и высок!
Горит июнь, золототканен,
И вспыхнет прошлогодний сок
Вином в сегодняшнем стакане.

Презрев угрюмые миры,
Иду расцвечивать буфеты
Цветные люди-маяры,
И держат кисти, как букеты.

В судьбу ли верить, в ворожбу,
Довериться приметам?

Где там!

Я жду любви, успеха жду
На рубеже весны и лета!

А пригородный катерок
Наметит в море пенным следом
Незримейшую из дорог –
Дорогу меж весной и летом.

* * *

Как лист последний на рябине,
как звук на тронутой струне,
как альпинист на карабине –
повис паром на быстрине.
Паром. Две барки сбиты парой,
пар над остуженной рекой,
и перевозчик – сухопарый,
неразговорчивый такой...
И в наших душах оробелых
паром забытое будил,
и надвигался новый берег,
а старый берег уходил.
И – словно предан век забвенью,
туман дороги зализал,
и за бревенчатой деревней
встают высокие леса.
И словно вечности в аренду
оставлен этот край парной,
и словно повернулось время
другой какой-то стороной.
...Дымится плес, плескались плотки,
шло небо серым полотном,
плыл бакенщик на черной лодке,
шестом промеривая дно.
А из тумана ветхий-ветхий
буксирчик шлепал и гудел,
и за кормой свисала ветка,
след заметая на воде...

Птицелов

Холодный ветер по траве
Скользнул и промолчал.
По тропке жилистой пробег
Намечен в молочай.

Он гонит листья по холмам
и знает, выйдя в степь,

когда случаться холодам
и инею блесстеть.

Суглинок рыж и рыж налет
на листьях, и не смыт.
Вдоль тропки багровеет глед,
и колет, и щемит.

Кружатся птицы над силком
и не решатся сесть.
В кустах паслена птицелов
с утра разбросил сеть.

Он из укрытия щелкал,
был трелью куст залит.
Рыжа щетина на щеках,
а солнце – золотит.

И нет на белом свете слов,
есть ветер и трава,
есть птицы, сети, птицелов,
и осень и судьба.

Брехт и Вайль

Тош –
 как нота,
 как лорнетка,
(точно выдут из кларнета) –
Брехт
 в жилетке и в беретке
пишет текст
 для оперетки
Задымив сигарой черной,
черной,
 словно проперченной,
из английской мелодрамы
позаимствовав сюжет,
от толкует с малярами,

трепля кончики манжет.
Словно зверь в сети вольера
резок,

рукопись вертел.

Остроносее Вольтера
лик

в берлинском варьете.

Но идет к роялю Вайль,
напевая трали-валь.

Он проходит,
переваливаясь,

сквозь посуды

перезвон,

и наигрывает пальцем
зонг.

Он наигрывает плохо,
как тапер в кино,

и все ж, –

все ласкает ваше ухо
эта песенка из Сохо –

Мекки – Messer!

Мекки – Нож!

Наглый денди из бадеги,
выгнув ногу буквой «h»,

зверской версией балета
поражает бельэтаж.

Господа!

Долой кульбиты!

Выше занавес!

А там –

вместо рыцарей

бандиты!

потаскухи – вместо дам!

В мир ваш, злой и беспощадный,
сытый, денежный, пустой –
со сценической площадки
хлещет

хохот

площадной

!!!

И тотчас –

по ложам,

ниже,

в партер –

шепот, топот,

стон –

– Это опера для нищих!

Это не театр, –

притон!

– Это самый дикий бред!

– Это пошлости образчик!

– Это Брехт придумал!

Брехт –

коммунист и балаганщик!

– Брехт

потворствует толпе!

– Брехт

колпак шута примерил!

– Брехт,

который на премьерке

и в рубахе...

– А в кафе

говорил о Фейербахе.

Боже!

Аутодафе!

Но коснется клавиш Вайль –

и смолкнет эта шваль.

Потому что на билетах

красовался (как цинизм)

синий штампель –

«Оперетта».

Оперетку и ценить.

И к тому же Вайль, бесспорно,

в этом жанре был премил –

содержание и форму

меж собою примирил.

Примирил непримиримость,
легкой прелестью блеснул,
жуткий мрак ультрамарина
разбелил в голубизну.

Он играл лучом спектральным,
вызывал улыбки, смех...
Вы довольны, Брехт, спектаклем?
Это, кажется, успех?..

Зазвучат в пивных Prosit'ы,
вечер пуншем догорит.
Он прекрасный композитор –
Вайль,
 не будем говорить.

Будет чествований грохот,
будет славы кутерьма,
предвоенная Европа
от него сойдет с ума.

.....
Но уже другие песни
сочинял в то время Эйслер,
и на митингах в Берлине
исполнял их Буш,
и рабочие бурлили.
Где же Брехт?
Он тоже с ними.
Он ушел
в борьбу.

Часовые у Мавзоля

Время, себя не забыв,
высчитывает шаг аккуратный –
это по ним, часовым,
стрелки сверяют куранты.

Это по ним, наизусть,
вызубрив поступь детально,

площадь сверяет свой пульс
и переводит дыхание.

Время, тебе ли не знать –
честь выпадает, не бремя,
статью вне времени стать,
стать изваяньем на время.

Время, мы смертны, со скул
схлынет румянец, веснущат
сменится караул
Неизменяема сущность.

Здесь, у гранитной стены,
меркнут регалий брелоки,
Словом единым слиты
имя и дело эпохи.

«Он начал бы без репетиций...»

* * *

Не ограничен рамой,
не взвешен на весах
голубоватый мрамор,
плывущий в небесах.

Пока февраль картавил
и март счета сводил,
он воздвигал порталы
и своды возводил.

Над листьями аканта
капризничал апрель,
пока маниакально
вскипала капитель.

Как мерзлую капусту
небесный матерьял

распиливал на брусья
и угол промерял.

Подвинет брус в окошко
на уровне виска,
и мраморная крошка
посыплется с бруска.

* * *

Он начал бы без репетиций,
день, предназначенный для шествий.
Его б озвучивали птицы
и капли, бывшие по жести.

Строки ломая бормотанье,
хрустело бы в седьмом колене.
И это всё – начало марта
и моря блеск в конце аллеи.

По направлению к купели
маршировала бы когорта.
И море оловом кипело,
вливаясь через раструб в горло.

* * *

Должно быть, следуя примеру,
как солнце в зелени беседки,
день проникал через шпалеру
июльской календарной сетки.

Уже отмечено в природе
все, причислявшееся к лету,
где машет тень на обороте
страницы, разграфленной в клетку,

где яблоко на книжной полке
показывает сердцевину,

и полдень до краев наполнил
свою плетеную корзину.

* * *

Стояла жара, истлевала трава, —
когда для спасенья не зная рецепта,
ее штриховали сангина и сепия.
Дул ветер из степи спустя рукава.

И мокрую прядь убирая со лба,
пытаясь добыть хоть какой-то корысти,
хотелось укрыться, ступив, как в корытце,
в прокрустову тень верстового столба...

* * *

У заброшенной таможни,
то видны, то не видны,
сваи движутся, как поршни,
подымаясь из воды.

Словно делают работу
на исходе сентября,
подымаясь из тавота
и под воду уходя.

Где-то там, не без причины,
тот, кто волны подымал,
напряженно жил в пучине
и ворочал коленвал.

Он усердствует, не медлит,
для того, чтоб день и ночь
в казане из красной меди
воду черную толочь.

Не напрасно, не впустую
перемешивал шестом

маслянистую, густую,
словно краска для холстов.

Брызгал зельдерской с сиропом,
упражнялся на ветру
и, подобно Цицерону,
двигал камешки во рту.

Перейдя от шторма к штилю,
Подбирая стиль иной,
мелким рубчиком морщил,
простирался простыней.

И по ткани без износа,
разметавшейся кругом,
легендарный броненосец
вел чугунным утюгом...

* * *

Борясь с винтом или веслом,
под хлопотливый шум оаций
волна уйдет за волнолом,
чтоб ни о чем не волноваться.

И перебравшись за грядю,
не пеной горькой и соленой,
предстанет, как вода в пруду, —
спокойной и темно-зеленой.

* * *

Тот туман, что клубился за мысом,
подымавшийся из залива,
уплотнялся и наполнился смыслом
в увлажненном сознании Ио.

Прикрывавшая кратер завеса,
для нее, проглядевшей до дырки,

представлялась субстратом Зевеса
и жгутом бельевым после стирки,

белым облачком в области паха,
обещавшим пугливой наяде
небывалого в прошлом размаха
растворяемые объятья...

Не минув ни холмов, ни ложбины,
возлагал невесомое бремя,
сочетавшее две половины
отношений бисквита и крема.

* * *

Какая ночь над улицей плывет! –
косым углом нарезав лунных планок,
кладет на стол оконный переплет,
и загоняет лезвие в рубанок.

Светлеет лист – он ждет, когда душа
начнет творить, менять слога в катрене,
сближая острие карандаша
и мягкий грифель падающей тени.

СТАТТІ, ПРИСВЯЧЕНІ В.Т.МИНЕНКУ

Анатолій ГЛУЩАК,
*колишній директор книжкового видавництва „Маяк”,
член Національної спілки письменників України*

Лицар книги

У 70-і роки минулого століття книжкове видавництво «Маяк» згуртувало потужну команду художників-графіків, активно залучаючи їх до реалізації тематичних планів. У реквізитах видань часто з'являлися прізвища В.Єфименка, Г.Гармидера, О.Литвинова, Г.Палатникова, Н.Ніконової, О. Карпушкіна, Д.Беккера, І.Божка, Н.Вершиніної, А.Синишина, Н.Попової, В.Соловйова, О.Мельниченка, А.Бокатова. Головна увага віддавалась ілюструванню художньої літератури – поетичних збірок, книг прози, серії «Морська бібліотека» (тиражі окремих випусків якої сягали 100-200 тисяч примірників!), подарункових і дитячих видань.

В ту пору відбувалися щорічні конкурси «Мистецтво книги» (всеукраїнські та всесоюзні), що давало можливість порівнювати і оцінювати кожний успішний проект. На художній раді видавництва, пам'ятаю, все частіше наголошувалося, що корпус ілюстрацій має бути гармонізований з основним і допоміжними шрифтами книги, «спусками» віршованих сторінок, глав чи розділів, місцем і розмірами лінійок, пагінацій. Коротко кажучи: художня і технічна редакції рукопису мали завершуватися комплексним макетом.

Успішним координатором спільних зусиль (включаючи титульного редактора майбутньої книги) охоче ставав Володя Миненко – наймолодший за стажем працівник відділу художньо-технічного. Не маючи спеціальної освіти, він, однак, був добре ознайомлений з історією і набутками східнослов'янського книговидавництва. Особливо значним був вклад художників Москви й Києва, які працювали у першій третині ХХ століття, найперше, хрестоматійні праці Г.Нарбута та В.Фаворського, плеяди стилю модерн, «мирискусників».

Вже в 70-і роки естафету попередників підхопили видатні майстри Д.Бісті, Г.Якутович, Й.Богдеско, І.Кіріакіді та інші чародії книжкового мистецтва. Було в кого вчитися формувати

«партитури» нових видань в образній та стильовій спорідненості усіх елементів і складових книги.

Треба підкреслити, що В.Миненко мав літературний талант – писав до газет, друкував вірші. Можливо, неамбіційність характеру завадила йому стати фаховим журналістом чи навіть поетом. Але нутряне відчуття стихії Слова, різнобічна ерудованість, здобута самоосвітою, дозволяли Володимирі Тимофійовичу проникати в авторські задуми, визначати найсуттєвіше в рукопису – щоб «перекласти» це мовою графіки, ілюстративним рядом.

Миненко недовго працював другим номером – як художній редактор. Він знайшов своє покликання в умінні творити колаж, виразний дизайн книги: знаходячи найбільш сучасні елементи її архітектоніки, автономні знаково-зорові ряди в сув'язі обкладинка – форзац – титульна сторінка – текстова частина – завершальні елементи. А ще Володимир був, без перебільшення, Бояном шрифту. Бо вивчав шлях, котрий пройшли латиниця і кирилиця від рукописної форми до друкарської. Збирав каталоги шрифтів, знав авторів гарнітур. Захоплювався вишуканим вмінням Григорія Палатникова, Геннадія Гармидера, Миколи Прокопенка тільки їм властивим письмом «від руки» подати ім'я та прізвище, назву книги. Тому так прискіпливо і прозріливо підбирав шрифтову гаму кожної книги, починаючи з «ікони» – обкладинки.

Відомо, що порубіжжя міленіуму було позначене в Україні глибокою кризою книговидавничої справи. Не було паперу, державні видавництва згортали обсяги роботи, масово зачинялися книгарні. Художники-ілюстратори не мали замовлень. Зате Миненка «шарпали» навсібіч! Редактори новостворюваних газет і журналів просили розробити логотипи і принципові макети своїх видань. Відміна цензури друкованої продукції сприяла оперативності випуску плакатів, буклетів, каталогів, широкого спектра рекламної продукції. А Миненко як колажист, макетувальник, дизайнер не мав в Одесі рівних. Ця креативність його манери мала своїм підложжям досконале володіння комп'ютером.

Миненко дистанціювався від крикливо-гламурного стилю подачі книги, від ярмаркових яскравих обкладинок. Його дрескод зводився до монохромності, «старомодного» поєднання чорного і білого. Червоний або золотистий колір Володимир Тимофійович

вкрапляв дуже і дуже економно. В цьому ряду бачу його концертної строгості обкладинки двох книжок поезій Б.Нечерди «NB» («Нота бене») і «Удвох із матір'ю», моєї збірки «Бродячий сюжет: AVE EVA», альбом художника М.Прокопенка, заключний том серії «Імена Одеської кіностудії» – книгу про Володимира Висоцького.

Коли у травні 2007 року в Одеській державній науковій бібліотеці імені М.Горького готувався вечір пам'яті В.Т.Миненка, бібліографи запропонували зробити виставку його доробку. Але навіть колеги і постійні партнери Лицаря Книги здивувалися – на стендах постала чимала бібліотека книг, художнє оформлення котрих підтверджене прізвищем Миненка у реквізитах. А власне – його фірмовим стилем позначена. В цій книжці ми подаємо відповідну бібліографію його праць, хоч вона все ще неповна. Є сподівання, що тисячі людей мають у своїх колекціях як обліковані видання, так і ті, що залишилися поза списками – буклети, каталоги виставок, календарі, плакати. Отже, знаходитимуть підтвердження оцінкам, висловленим авторами цього збірника пам'яті лауреата премії імені Костянтина Паустовського – незабутнього нашого земляка Володимира Миненка.

Александр КАРПУШКИН,
график, дизайнер

Профессионал

О Владимире Миненко писать и легко, и сложно... Легко, потому, что и я, и моя семья знали его хорошо на протяжении многих лет, а лично меня с ним связывала еще и просто человеческая дружба. Тем не менее, сложно описать этого очень непростого, богато одаренного, многогранно талантливого человека.

Познакомились мы с Владимиром, как это часто бывает, случайно и опять же, как это принято, «через кого-то». Его коллега, учитель широко известного еще недавно пионерского лагеря «Молодая гвардия», Юрий Сухомлинов, с которым я общался по работе, предложил ознакомиться с работами художника этого лагеря В.Миненко.

При первой же встрече с ним в издательстве «Маяк», где я в 70-х годах работал, мы, помню, сразу же поняли, как много у нас общего во взглядах на художественное оформление печатной продукции. Нас потянуло к общению и сотрудничеству.

В те времена технология печати не позволяла в полной мере выразить художественную идею автора без соблюдения множества технологических нюансов. Техническое несовершенство тогдашней полиграфии и производственные инструкции требовали от художника книги соблюдения рутинных обязательных приемов, без которых книга не могла увидеть свет и которые отнимали массу времени, вынуждали вырабатывать неимоверное терпение и усидчивость. Это и пресловутые раскладки по цветам, плюры для штампов, многобуквенные выклейки шрифтов. Ведь компьютеров, так облегчивших труд книжных художников, тогда у нас не было.

И Володя Миненко, не имея полиграфического образования, удивительно быстро освоил все профессиональные премудрости, и из-под его «пера» стали выходить прекрасные обложки, титульные листы, общие макеты книг.

В нашем издательстве в те годы сотрудничали талантливые художники-графики, члены Союза художников, на счету у

которых уже были десятки оформленных ими изданий. Можно только удивляться, как быстро Володя влился в коллектив, казалось, он был здесь всегда. Вот что значит талант и нестандартное мышление, а также умение воплотить свои задумки в работе.

Первой его оформленной книгой в издательстве «Маяк» была книжка «Радиограма» (уже не помню автора). А далее – десятки изданий различной тематики, ведь мы были универсальным издательством. Если же случались творческие споры с Миненко, то, благодаря его личным человеческим качествам, многие проблемы и шероховатости решались быстро и легко, без особых отрицательных последствий для наших дальнейших отношений.

Но не только книжное издательство было у Владимира Миненко местом приложения его творческих сил. Я познакомил его с редакцией Областного управления по печати, где он успешно разрабатывал рекламные плакаты, создавал каталоги для музеев, акцидентную продукцию.

Затем его творческий потенциал нашел применение в заказах Бюро рекламы одесской торгово-промышленной палаты. Здесь Владимир сделал более сотни оригинальных, легко запоминающихся товарных знаков, десятки каталогов промышленной продукции работавших тогда многочисленных предприятий, опять же множество рекламных плакатов и полюбившихся всем тогда разнообразных по размерам и конструкциям календарей. Выдумке его не было предела!

На художественных советах его работы всегда выделяли из общего состава, отмечая неординарность задумки, нестандартные, смелые композиции, мастерски выполненные шрифты.

Да, сегодня при помощи компьютера художники книги делают очень интересные макеты, но все же не могу забыть уникальность дарования В.Миненко – этого не заменишь никакой техникой и не создашь с помощью виртуальных приемов! Он был в своем творчестве неповторимым.

Геннадий ГАРМИДЕР,
живописец, график, иллюстратор

О Володе Миненко

Познакомились мы в 1974 году в редакции издательства «Маяк» через Сашу Карпушкина, который после Львовского полиграфического института работал там художественным редактором. Мне тогда предложили оформить книгу А. Батрова «Время синего цвета». Потом началась серия «Морская библиотека». Эмблему с каравеллой для нее сделал именно Володя Миненко.

Славное было время. Мы все почти в одно время, после окончания разных учебных заведений, сошлись в Одессе, полные радужных надежд и планов уже на ближайшее будущее. В редакции «Маяка» всегда былолюдно. Приходили по делу, а частенько просто пообщаться, обсудить новости – не только одесские. Бывало, после деловой части переходили в кафе напротив, «Восточную кухню», где «маяковцев» хорошо знали и отменно кормили вкусной, по-особому зажаренной курочкой. Там за чашечкой кофе с чем-нибудь продолжались жаркие споры об искусстве, книгах, делах житейских. Расходились поздно, когда кафе закрывалось, унося домой в качестве оправдания фирменных курчат. Вот в такой дружеской творческой атмосфере я познакомился с Володей поближе. В шумной компании он был обычно немногословен. Изредка подает реплику, причем всегда «в яблочко».

Внешность у него колоритная – рыжая борода, прищуренные глаза, весь большой, какой-то добротный, располагающий к общению. Очень хотелось написать его портрет.

Как-то зашел к нему домой по книжным делам. Он сидел у стола возле окна за работой. Я взял альбом и зарисовал, а потом в мастерской по рисунку уже перенес на холст. Легко пошло, на одном дыхании. Портрет в белом свитере с сигарой в руке Володе понравился, хотя похвала была немногословной: «Ого! Похож». Взяли вина, решили отметить творческую удачу. Расшались. Поехали на Фонтан (Володя там снимал дачу). Захотелось пива, а денег нет. У Володи с собой была книжка,

решили ее продать. Зашли в парикмахерскую. Нас несло: «Девочки, есть редкая книга, можем уступить за пять рублей». Уговорили. Дальше – чисто одесский сюжет: большая банка с пивом, травка на обрыве, чудесный вид на море. Хорошо было! Солнышко греет, море шумит, чайки суетятся. Подобная душевная радость входит в память надолго...

На даче у Володи жил огромный котище Тигрик. Ходил он на цепочке вокруг дерева. Чем-то здорово напоминавший хозяина, тоже рыжий, большой, спокойный. Позже я сделал Володе экслибрис с валяжным котом, курящим сигару (дань тогдашнему увлечению Миненко).

С ним было интересно работать. Он просто гениально чувствовал книгу, умел создать ее образ, подобрать нужный шрифт. Не умея профессионально рисовать, поскольку не имел специального образования (во что с трудом верилось, настолько тонким и безупречным было его художественное чутье), он часто обращался ко мне с просьбой помочь графически зафиксировать его идею. А идеи всегда были оригинальными, мы увлекались и засиживались частенько допоздна.

Как-то Володя позвонил мне и сказал, что нужно срочно сделать книгу Бориса Нечерды «Удвох з матір'ю». Принес макет, разложил, объяснил задумку. Я рисовал тушью, Володя следил за работой и четко как бы направлял мою руку. В мастерской уютно пахло кофе, тихонько играла музыка. Под утро сделали книгу. Володя умчался в редакцию. Книга получилась хорошая, какими-то дипломами была отмечена. Нечерда на радостях обещал нам ящик шампанского, но как поэт преувеличил и отделался одной бутылкой.

Сейчас трудно представить, но никаких компьютеров и ксероксов, которые позволяют получить любое изображение в нужном масштабе, еще и в помине не было. Все делалось вручную. Когда появился ксерокс, Володя делал копию с фото, правил белилами – получалась графика. На худсовет приносил ювелирно сделанные эскизы, хоть в печать, хоть на выставку. Все идеально, чистенько, под калечкой – культура подачи материала профессионала высокого класса. Как член худсовета издательства всегда делал авторам очень точные замечания по эскизам, и всегда деликатно. Поражал его безошибочный вкус.

В 1980 году я был в Доме творчества Союза художников в Седневе. Группа подобралась мощная – цвет книжной графики

Украины. Руководителем группы был Георгий Якутович, академик, классик иллюстрации. Все приехали с конкретной работой. Я делал «Одесские рассказы» И.Бабеля. Пригласил приехать Володю и Сашу Карпушкина. Володя смог побыть тогда лишь несколько дней, но все равно общение с такими мастерами – огромная школа.

Володя Миненко был, безусловно, личностью одаренной. Любил и понимал живопись, собирал миниатюрные издания, имел хорошую библиотеку. Любил записывать удачные анекдоты в толстую тетрадку. Он был и талантливым журналистом, печатал в газете статьи и рецензии. На память о Володе у меня осталась рукописная книга стихов Николая Гумилева (тогда запретного, но в скольких домах были его стихи, переписанные от руки или на машинописных листках).

Рад, что судьба свела меня с Володей Миненко. Была в нем такая надежность, основательность, чувствовались сибирские корни.

Валерий СЫРОВ,
живописец, график, иллюстратор

Памяти друга

Могу без преувеличения сказать, что Володя Миненко был моим лучшим другом. Впервые увидел его в мастерской, принадлежавшей Союзу художников, в переулке Маяковского, в конце семидесятых годов прошлого века. Прошлый век...

Одесса всегда жила по своим собственным законам, и если на дружеской вечеринке заходила речь о политике, то, чаще всего, такие разговоры заканчивались анекдотами: советская социалистическая действительность служила для них благодатной почвой. Владимир Тимофеевич, будучи удивительно скромным человеком, внимательно слушал, улыбался по своему обыкновению и говорил лишь тогда, когда ему задавали прямой вопрос, на этот раз не сдержался. Компания собравшихся была интернациональной. Зашла речь о происхождении каждого из присутствующих, и выяснилось, что Володя – русский. Фамилия Миненков утратила последнюю согласную, и отец его стал Миненко то ли по собственной воле, то ли по прихоти писаря. И тут кто-то пошутил (тогда подобные заявления воспринимались как шутка), что, мол, вон сколько представителей разных народов ест здесь, в Одессе, украинское сало! На что Володя неожиданно жестко ответил:

– Я ем свое сало, то, на которое заработал собственным трудом, своими руками.

Мы договорились, что Владимир зайдет ко мне в мастерскую: нужно было обсудить кое-какие детали совместной работы. Казалось бы, что тут сложного – разработать обложку книги? Я делал рисунки, Володя подбирал шрифт. Оказалось, что это требует и усилий, и времени. Миненко пришел ко мне в мастерскую с двумя бутылками водки. Я удивился: зачем? На что услышал вполне резонный ответ: все равно бежать. С этой водкой мы просидели целый день, до позднего вечера, говорили и не могли наговориться. С тех пор наши встречи стали регулярными. В издательстве «Маяк» мы работали над обложкой для книги Ю.Усыченко «Рассветная волна», встречались в мастерской Г.Гармидера (Владимир Тимофеевич

разрабатывал дизайн книги «Одесский год Пушкина», а иллюстрировал ее Геннадий), но чаще всего Володя приезжал ко мне в мастерскую. Достаточно сказать, что в последний раз он был у меня за несколько дней до смерти, а за день-два до преждевременной кончины этого замечательного человека мы говорили с ним по телефону.

Каждый приезд Володи был для меня праздником. Беседовали об искусстве, о литературе, очень редко – о политике (Володя ее не любил), и всегда оставалось ощущение недоговоренности. К любой затронутой теме, будь то творчество писателя, происхождение слова, воспитание детей, отдельное произведение искусства или всеобщая компьютеризация, Владимир относился не как любитель, а как исследователь, чье суждение всегда было оригинальным, неповторимым, аргументированным и, вместе с тем, никогда – категоричным. Он обладал редким умением выслушать собеседника, обдумать сказанное и возвратиться к разговору, иногда через много лет.

Помнится, речь зашла о стилистике, и моя супруга сказала, что ей близок язык И.Бунина. Как всегда, мягко, но очень выразительно Володя произнес: «Набоков!..». Наталья возразила: «Слишком красиво. Многие фразы кажутся сконструированными искусственно, специально для будущих исследователей. Поэтому утомляют своей безупречной изысканностью. От прозы Бунина веет запахом черемухи». Владимир улыбнулся, ничего тогда не ответил, и только лет через десять, незадолго до смерти, признался, что жена была права.

Мы часто обсуждали мои работы. Каждый новый рисунок или картину ставили на стул в мастерской, и Володя долго внимательно молча рассматривал очередное творение. Бывало так, что мы пили кофе, разговаривали на различные темы, ни о какой водке и речи не было уже много лет, и казалось, Володя забыл о картине. Только под вечер, перед уходом он делал два-три ценных замечания. Его мнение было зачастую нелицеприятным, но никогда не сводилось к огульному охаиванию или безудержному восхвалению. Если работа нравилась, он всегда объяснял, почему.

Характерная деталь: во время разговора Владимир доставал маленькую записную книжку, с пол-ладошки, и делал пометки – слово, понятие, автор, картина, фильм, удачная

фраза... Со временем я понял, как серьезно относится этот человек к познанию мира. На страницах множества подаренных им книг сохранились карандашные пометки, сделанные бисерным почерком: ссылки, уточнения, переводы, расшифровка непонятных слов. Вероятно, не многие догадывались, что все его обширные познания – результат постоянной работы над собой и высочайшей внутренней культуры, чего так недостает порой дипломированным специалистам и людям с высокими учеными степенями и званиями. Поражала его прекрасная осведомленность в области литературы, любовь к родному языку. От Библии до Набокова, от древнерусских текстов до арго и молодежного жаргона – и это далеко не весь диапазон интересов моего дорогого друга. Кстати, сленг Владимир не любил, считал его неумным даже по сравнению с арго.

С появлением компьютера в области книжной графики произошли серьезные изменения. Сейчас почему-то любой дилетант считает, что способен подобрать шрифт, обложку для книги, сделать, скажем, макет каталога. В результате печатная продукция выглядит ужасно. Безвкусица режет глаза. Володя болезненно морщился, когда показывал мне некоторые образцы подобных поделок. Сам он стал пользоваться компьютером позже, сначала прибегал к услугам специалистов. Как-то мне довелось наблюдать за его совместной работой с В.Соловьевым. Владимир Соловьев, замечательный человек, друживший со своим тезкой много лет, сидел за монитором и был похож на рулевого, которым руководит опытный капитан. «Поправить, увеличить, перенести вправо, влево...» – указания выполнялись точно и неукоснительно. К этому времени мы были хорошо знакомы, и меня не удивляла такая расстановка сил – В.Соловьев, который ушел из жизни немного раньше Володи Миненко, имел специальное художественное образование, но авторитет друга был для него непререкаем. Дружеские отношения двух Владимиров строились на прочной основе. На вопрос о причинах их взаимной привязанности Владимир Тимофеевич ответил, как всегда, лаконично: «Зайди в дом к Соловьеву, посмотри, какая у него библиотека, и ты все поймешь». Имелась в виду та особая атмосфера, объединяющая мыслящих творческих людей, для которых мебель и прочий антураж не имеют значения, в отличие от книг,

не застаивающихся на полках, стеллажах и за стеклами шкафов. В этом доме книги лежали на столе, под столом, громоздились на креслах, переполненные закладками, рукописными вставками. Чувствовалось, что к ним здесь относятся как к друзьям, советчикам, необходимым помощникам во всем и всегда.

Он действительно был рыцарем книги и верно служил ей до последних дней своей жизни. При этом и сам писал. Для нас не было секретом, что многие тексты, подписанные другими именами, принадлежат перу Миненко. Увы! Материальное положение талантливого человека очень часто не соответствует тому труду, которое он вкладывает в свое дело. Кому он мог пожаловаться? Заказчику, которого постоянно что-то не устраивало? Зачастую трудно было объяснить, что хорошо и что плохо работодателю, не разбирающемуся в дизайнерских решениях, что его требования противоречат здравому смыслу? Что фотографии безнадежны, и никакой фотошоп не поможет, если изображение совершенно размыто...

Последней работой, которую Владимир завершил незадолго до смерти, был каталог-альбом Николая Прокопенко. Можно представить, как тяжело приходилось выполнять ее смертельно больному человеку. Но книга получилась роскошной, хотя в процессе подготовки было много изменений и уточнений, которые совершенно выматывали требовательного Мастера.

Мы мечтали выпустить совместно каталог к моему юбилею, но Володя чувствовал, что сил уже не остается, и признался: «Альбом Н.Прокопенко – моя последняя книга». К своему стыду, я тогда не отнесся серьезно к этим словам, вообще к болезни Володи. Мне казалось, что такой молодой человек не может быть смертельно болен. Он, собственно говоря, никогда и не жаловался на болячки, но, видимо, чувствовал, что дни его сочтены. Когда я спрашивал, что у него болит, он говорил: «Да все!». А мне казалось, подлечится человек и снова возьмется за работу... Врачи и жена знали диагноз, но ему сказали, что это воспаление легких. Увы! Все было страшнее...

В молодости Володя писал обзорные статьи об искусстве, о выставках, проходивших в Одессе, работал в музее Западного и восточного искусства вместе с талантливейшим Олегом Соколовым. При этом он не признавал современных течений в

изобразительном искусстве. По его словам, человек, не способный ничего достичь в реализме, ничего нового и в модерне не создаст. Ценил крепкий рисунок, живопись «без дураков». Сетовал на коммерциализацию искусства. Дали, Кандинский, Пикассо (исключая голубой и розовый периоды) воспринимались им как слугители мамоны в большей степени, чем искатели художественной правды. Он говорил, что после импрессионистов живопись умерла, и когда я показывал ему те или иные работы современных художников, Володя, поморщившись, признавался: «Я этого не понимаю». Тем не менее, его дизайнерские решения в оформлении книг были смелыми, отличались новизной подхода, нетривиальностью и какой-то особой поразительной легкостью. Он всегда ставил задачу: книга должна быть удобной для чтения. Гурман от полиграфии, Володя тщательно выбирал бумагу, шрифт, заботился о величине полей. И мне становилось понятным, почему одна книга читается легко, а другая утомляет, хотя раньше я об этом не задумывался. В одном из моих буклетов, о котором новомодный дизайнер критически отозвался («да тут все просто, смотрите, как делаю я»), было помещено всего шесть репродукций. Миненко потратил двое суток, чтобы правильно расположить их на листе!

Он когда-то сам писал шрифты. По его словам, конструирование шрифта – необыкновенно трудное дело. Для моей афиши он вырезал буквы маленькими ножничками. Вспоминаю об этом, наблюдая за конкурсами шрифтовиков в Интернете: легкий, бегущий Володин шрифт не самоцель, а необходимый инструмент в процессе создания книги.

Когда из жизни уходит хороший человек, какая-то часть тебя исчезает вместе с ним. Наверно поэтому вспоминаю вновь и вновь, как Володя приходил в мастерскую – всегда в назначенное время, как договаривались, а если опаздывал, то виновато улыбался. Добираться на перекладных с улицы Филатова ко мне на Софиевскую и долго, и утомительно, зато я успевал за это время приготовить что-нибудь вкусненькое. Усаживаясь за стол, Владимир обреченно вздыхал в предчувствии необходимости познакомиться с моим очередным кулинарным шедевром.

– И что это будет?

Я отвечал:

– В трактире подавали обычные блюда, так-то...

– Неужели мозги с горошком? – оживлялся Володя. Попробовав мою фирменную сборную мясную солянку, он вынес приговор:

– Бросай живопись, открывай харчевню «Обеды у Сырова».

В последние годы он уже почти ничего не ел, не пил спиртного, но не мог отказаться от кофе и сигареты. Однако помнил, что я люблю мясо, и как-то привез большой кусок подчеревка, объяснив, что в его районе он и дешевле, и вкуснее, чем на Новом рынке.

Володя был очень деликатным человеком, старался никого ничем не обидеть. Даже выпив, оставался расслабленно-любящим и только виновато улыбался. Иные «друзья» этим пользовались. Один из них прибрал к рукам Володину мастерскую. Володя не скандалил, этот человек просто перестал для него существовать. «В моем присутствии прошу не называть его имени», – только и сказал он. Был очень ранимым, что никак не вязалось с его внешностью, в которой была солидность, благодущное спокойствие... Часто бывал наказан за свою доброту. Обманывали его довольно часто. Возможно, именно поэтому Володя был удивлен, когда я заплатил ему за афишу ту сумму, которая была, собственно, оговорена заранее. Признался: «Ты, наверно, первый, кто так поступил. Все идет хорошо, пока не приходит час расплачиваться. Обычно у художников никогда нет денег».

Очень любил Володя своего кота. Моя дочь Наталья однажды нарисовала кошку, и рисунок очень понравился Володе. Он его роскошно оформил. Как-то спросил его в телефонном разговоре:

– Чем занимаешься?

– Да вот сидим вдвоем...

– С кем?

– С котом!

Нужно было слышать, с какой интонацией были произнесены эти слова!

Я довольно часто фотографировал Володю, но, к сожалению, качество снимков оставляет желать лучшего. Его рисовали В.Межевчук, Г.Гармидер, Г.Палатников. Наиболее удачным, по его мнению, был портрет работы Межевчука. Стоит

отметить, что к Владимиру Емельяновичу он относился с особым уважением.

Володе Миненко можно было доверять самые сокровенные мысли, не боясь, что твои тайны станут известны всем и могут быть использованы против тебя. Редкое качество! Даже в мелочах Володя был на редкость щепетильным. Стоит ли говорить, что он всегда возвращал те книги, которые брал почитать...

После ухода Владимира Тимофеевича, наверно, не только у меня осталось ощущение пустоты, чувство вины за недосказанное в его адрес теплое слово, не оказанный знак внимания, проявленную не деликатность. Но мы его любили, и он об этом знал.

Григорий ПАЛАТНИКОВ,
*живописец, график,
заслуженный художник Украины*

Зелье творчества

Писать о Володе одновременно легко и сложно. Его жизнь делилась как бы на две части. Одна, открытая, связанная с его непосредственной ежедневной производственной деятельностью в художественной редакции издательства «Маяк», другая, подспудная, невидимая глазу, где варилось на огне вдохновенья и пытливого аналитического ума то таинственное варево, которое составляет суть творческой личности.

Володя был самоучкой, в том высоком смысле, как М.Горький, Джек Лондон или К.Паустовский. Нельзя научить делать книги, писать стихи или прозу. Образование может только сообщить сумму, так сказать, рецептов. Настоящее же творчество начинается с одиночества, когда человек входит в сферу непознанного и начинает действовать на свой страх и риск, движимый неодолимой жадной чувственного познания мира. Очень важно, чтобы при приготовлении этого творческого зелья были использованы компоненты, накопленные мировой художественной культурой. Нужно сказать, Володя невероятно жадно впитывал в себя знания – от инкунабул до конструктивизма «Баухауза» и свободной типографии 80-х. При этом, как человек, наделенный безукоризненным литературным вкусом, он понимал, что образ – визуальный образ книги – неразрывно связан с литературным текстом. Найти соответствие визуального и словесного текста было для него занимательнейшей и захватывающей задачей.

Но весь этот процесс происходил скрытно от глаз даже близко знавших его людей. Все помнят его замечательное лицо, окруженное ореолом рыжей бороды, и копну столь же рыжих волос на голове, его вечно смеющиеся глаза, быстрые и точные движения полноватого тела. Такими же быстрыми и точными были его графические решения. Он будто выплескивал несколько ложек из своего таинственного котла, который в

одиночестве в своей алхимической лаборатории кипятил многие годы.

Таким же выплеском животворной жидкости стала его проза. Встречаясь с ним не реже одного раза в неделю, то за редакторским столом, то в дружеской компании в «Восточной кухне», где любил собираться наш «книжный народ» и где за рюмкой водки и цыплятами «табака» горячо обсуждались разнообразные профессиональные вопросы, я и подумать не мог, что в «котле его творчества» есть такая удивительная проза и очень хорошие стихи.

Володя был тем типом мастера, который искал и находил синтез различных видов творчества – это характерно для XX века. Он добавлял свое удивительное зелье в котлы других творцов, и мы получали продукт пленительный, вкус его запомнится надолго.

Николай ПРОКОПЕНКО,
живописец,
заслуженный художник Украины

Скромный гений

Скажу без преамбулы: Владимир Миненко, прежде всего, Человек, влюбленный в окружающий нас мир, со всеми его невзгодами, до последнего вздоха сердца...

Володя – скромный гений. Он не только художник, а художник-психолог. Проводя через себя бесчисленное количество произведений поэтов, писателей, художников, актеров, он, как правило, как бы дополнял их своим видением, деликатно создавал свой образ, который, тем не менее, органично вплетался в образную систему создателя произведения, и книга обретала душу. Его работа всегда обогащала ее какой-то особенной романтической философией. Полиграфисты это чувствовали, поэтому книги разных жанров, оформленные Миненко, на европейских форумах всегда выделялись, занимали почетные места.

А как он «колдовал» над макетами каталогов и буклетов художников! К сожалению, мой большой каталог-альбом оказался его лебединой песней в начале нового столетия. Кто может представить, что эту книгу делал смертельно больной человек? Мастер сделал ее яркой, жизнеутверждающей, максимально четко представляя творчество художника. Дизайн альбома вызвал восхищение музейных и библиотечных сотрудников, я видел реакцию галеристов и коллекционеров не только в родной Одессе, но и во многих городах Украины и Западной Европы. Спасибо, Володя, за эту визитную карточку, которая не только достойно представляет художника Николая Прокопенко, но дает пример высокопрофессиональной этики и эстетики в создании книги.

У Володи много взято таких высот – это ли не лучший памятник самобытному таланту!

Юрий ОБТИН,
писатель

Самородок

В 1991 году я, наконец-то, собрался с духом издать свое первое детище – книгу «Белый пароход». В издательстве «Папирус», где я двадцать лет проработал директором, основным видом продукции были бланки учетно-отчетной документации. Однако в издательстве работали достаточно профессиональные редакторы и корректоры для того, чтобы подготовить рукопись к печати. Не было только художественного редактора, способного сделать оригинал-макет обложки, и я обратился за помощью к своим друзьям художникам. Кто-то из них и привел ко мне высокого, голубоглазого, молчаливого русоволосого бородача с задумчивым взглядом. Так я познакомился с Владимиром Миненко. Это знакомство в дальнейшем переросло в плодотворное сотрудничество, растянувшееся на целых пятнадцать лет.

Поначалу Владимир Тимофеевич, помимо обложек для книг, делал в «Папирусе» макеты товарных знаков, этикеток, экслибрисов и прочей бумажной продукции.

Своей художественной мастерской у него не было, и он зачастую работал в мастерской одного из своих товарищей-художников, расположенной и поныне в Малом переулке. Как-то раз побывал там с ним и я, где, волею случая, оказался участником дружеского застолья. Событие оказалось настолько неординарным, что я потом описал его в рассказе «Три товарища». Рассказ при встрече дал почитать Миненко. Сюжет ему понравился, и он вдруг, неожиданно для меня, взяв в руки карандаш, стал редактировать свеженаписанный текст, дав фору всем нашим издательским редакторам.

С этого момента Владимир Тимофеевич стал моим неизменным художественным, литературным и техническим редактором.

Он совершенствовался в своем становлении художника книги с каждой новой рукописью, попадавшей к нему в руки, при этом поражал окружающих обширными энциклопедическими знаниями, за что очень скоро в кругу издателей и полиграфистов

получил лестное прозвище «Человек-издательство». Помню, был потрясен, узнав, что у Володи нет за плечами даже законченного среднего образования!

Тем не менее, в 2001 году Миненко, совершенно заслуженно, получает муниципальную литературную премию имени Константина Паустовского за художественное оформление книг одесских писателей (среди которых, горжусь этим, есть и моя книга «Избранная одесская проза»).

В том же 2001 году во всемирной паутине Интернет американская компания «Санвей» вместе с нью-йоркской русскоязычной газетой «Новое русское слово» проводят международный литературный конкурс на лучшее произведение об Одессе, в котором приняли участие более 150 авторов из двадцати стран. По итогам этого конкурса, а он широко освещался и на страницах одесских газет, в номинации «Большая проза» лауреатом стала моя книга «Рассказы об одесских мэрах». В 2003 году на международной книжной ярмарке «Зеленая волна» в Одессе был награжден дипломом мой двухтомник «Одесский альбом», который к тому же попал в «великолепную семерку» лучших новинок Украины по резонанс-рейтингу ведущих экспертов киевского еженедельника «Книжник-ревью».

Конечно, успех этих книг по праву разделил со мной Владимир Тимофеевич, который полностью подготовил их к печати. К тому времени он работал уже в «Папирусе» штатным редактором. Благодаря его таланту, наше издательство постепенно перешло на выпуск художественной литературы, а также учебников и словарей для высших учебных заведений города. Только для Одесского медицинского университета под редакцией Миненко было подготовлено к изданию семь учебников.

Немногословный, хорошо воспитанный, Владимир Тимофеевич пользовался заслуженным уважением в коллективе, состоявшем практически из одних женщин. От него нельзя было услышать грубого слова, хотя запомнился он, прежде всего, как человек с твердым характером, умеющий отстаивать свои убеждения и принципы.

Последние годы Миненко работал дома. Мне приходилось бывать в его небольшом рабочем кабинете, сплошь заставленном книгами с дарственными надписями благодарных

авторов. На стенах висели картины одесских художников, с которыми его связывала многолетняя дружба.

Иногда во время наших рабочих разговоров в комнату заходили два огромных пушистых кота, любимцы Владимира Тимофеевича. Дружелюбно, но с большим достоинством потершись шерсткой о ноги гостя, они запрыгивали к хозяину на кресло и начинали громко мурлыкать. Он и сам чем-то напоминал мне в эти мгновения большого голубоглазого кота с рисунка Геннадия Гармидера, который Володя разместил на обложке моей книги «Одесские истории».

Таким запомнился мне этот замечательный человек, так много успевший сделать за свою жизнь для ценителей хороших книг – настоящий самородок, человек-издательство, Владимир Тимофеевич Миненко.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ,
журналист, краевед

**«Судьба – это не то, что предназначено,
это то, что ты сам выбираешь»**

Так написал Володя Миненко в небольшом тексте, последнем тексте, который мы опубликовали в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская», № 31, написал, думая о Кире Муратовой, но, мне кажется, объясняя и свою судьбу.

Сегодня можно задаваться вопросом, кем мог быть, мог стать Владимир Миненко – прозаиком, поэтом, графиком, книжным дизайнером... Володя выбрал судьбу-предназначение, он, влюбленный в коллажи, всего себя отдавал книгам своих друзей. Я бы назвал их авторскими книгами, так как его оформление было не менее интересным, чем тексты, несло образ художника, приоткрывало его личность.

Мы встречались много раз, говорили о том, что иллюстрация отживает свой век, что книга должна стать предметом искусства. И меня радовало, что эти мысли не оставались словами, что оформленные Миненко книги действительно можно было показывать на выставках.

Где мы встречались? Очень часто просто на улице, на Академика Филатова, в последнее время в мастерской Валерия Сырова. Я знал книги, написанные Г.Я.Лазаревой и В.Миненко, понимал, что в коллективном труде сложно выделить творчество каждого из соавторов. Но однажды Володя прочитал мне свои стихи – светлые, прозрачные, убеждающие, что он поэт милостью Божьей...

- Почему бы тебе не сосредоточиться именно на этом, на стихах? – спрашивал я Володю. Он смущенно улыбался, говорил, что стихи рождаются сами – это вдохновение свыше, а оформление книги – работа, профессиональная работа.

И все же как-то Володя попросил разрешения принести несколько стихотворений, чтобы опубликовать их в альманахе. Я был рад этому предложению. И все его принесенные тогда стихи увидели свет, думаю, нашли благодарных читателей.

А, впрочем, со стихами у нас и до этого была интересная история. Есть книги, биографию которых удается, к счастью,

проследить чуть ли не от издательства. Так было с томиком Бориса Пастернака, который сейчас в моей коллекции. Когда-то эту книгу со своим автографом Борис Пастернак подарил литературоведу Леониду Боровому, тот передал ее своему брату – известному одесскому историку Саулу Яковлевичу Боровому. Я увидел ее впервые в коллекции автографов Бориса Яковлевича Левыха. Шли годы. Не стало Бориса Яковлевича. Достоинно распорядилась его наследием Галина Яковлевна Лазарева, многие книги подарив библиотекам, а часть продав, чтобы поддержать вдову коллекционера. А одну, вот эту, с автографом Пастернака, подарила своему другу и соавтору Владимиру Миненко. При очередной встрече я спросил Володю, не обменяет ли он эту книгу на какой-либо другой автограф, так как некоторые авторы у меня представлены «двойниками».

Ни на секунду не задумавшись, Володя сказал: «Считай, что книга твоя. Я ведь не коллекционер автографов, а Пастернак у меня хорошо представлен». Мне лишь осталось через две-три недели подарить Миненко сборник Марины Цветаевой и получить «книгу с биографией».

Что в нем подкупало? Интеллигент и интеллектуал, мягкий, добрый, открытый человек.

А теперь о самом последнем разговоре. Он состоялся в 2007 году, в мастерской Валерия Сырова. Мы пили крепкий кофе, сваренный Валерием, и говорили о фигуративном и абстрактном искусстве. Володя задумался, а потом сказал: «А для меня нет никакой разницы. Лишь бы билось живое человеческое сердце – в холсте, в рисунке, в книге... Абстрактное, реалистическое – главное, чтоб живое».

Вот в этом, в поиске живого, свою судьбу он выбрал сам. В каждой его книге бьется живое человеческое сердце.

Татьяна ЩУРОВА,
*заслуженный работник культуры Украины,
лауреат муниципальной премии «Твои имена, Одесса»*

В содружестве с мастером

Мне повезло участвовать в издательских опытах нашей библиотеки, связанных с именем В.Т.Миненко. Хотя первое наше знакомство с ним было заочным.

В середине 1990-х годов ОГНБ активно сотрудничала с Одесской книжной фабрикой. Мы тогда еще только учились готовить материалы к изданию. Сегодня не верится, что можно было как-то обходиться без компьютера и сканера в такой кропотливой работе. Толстая пачка машинописных текстов и фотоиллюстраций для сборника «Григорий Григорьевич Маразли – меценат и коллекционер», который мы непременно хотели видеть миниатюрным сувенирным изданием, попала в руки Миненко, и он стал автором макета и занялся художественным оформлением книжки. Поражаюсь до сих пор, как оптимально точно он определил своеобразие личности Маразли и сумел подать материалы, очень разные по характеру изложения, так, что книга стала цельным научно-популярным изданием. Многочисленные рецензии на книгу обязательно отмечали ее внешнюю привлекательность, и не удивительно, что она попала в число лучших новинок издательств Украины летом 1996 года.

Через год после этого библиотека готовилась выпустить каталог коллекции старопечатных изданий. Престижная часть редчайшего фонда находится в отделе редких изданий и рукописей и оказалась подвластна раскрытию, благодаря знаниям и опыту главного библиографа этого отдела Валентины Райко. Однако совместить научное описание, иллюстративный и орнаментальный материал (воспроизведенный в натуральную величину, что облегчает работу по идентификации книг данного периода), сделать это на достойном уровне, удалось, в значительной степени, именно благодаря работе над книгой В.Миненко. Много часов провел он в музее книги библиотеки, тщательно готовя этот самый сложный материал для передачи в типографию.

Когда каталог-альбом «Старопечатные издания кирилловского шрифта XV-XVI столетий» был уже близок к завершению, я рискнула обратиться к Владимиру Тимофеевичу с просьбой посмотреть наши заготовки для следующего миниатюрного издания – «Одесский журнал “Крокодил” и его авторы». Тема привлекательная, уникальный на сегодня журнал, в котором масса талантливых рисунков и карикатур. Но художника ждала кропотливейшая работа в силу отсутствия необходимой техники в библиотеке и у него самого. К тому же я понимала, что мы не сможем должным образом заплатить за работу талантливому мастеру. Но нужно было знать интеллигентность и доброту Миненко! Он понял, насколько мы увлечены своим проектом, и согласился сотрудничать за совершенно символическую плату.

Его любовь к миниатюрным книгам и знание их особенностей помогли и на этот раз сделать издание, удостоившееся самых высоких оценок, можно сказать, во всем мире, ибо книжку в своих дорожных сумках увезли из города «одесситы всех стран».

В этом человеке всегда покоряло умение точно настроиться на волну собеседника. Он не стремился покрасоваться своими знаниями и профессиональным опытом, наоборот, ненавязчиво корректировал твои эмоциональные дилетантские предложения и неизменно находил творческое решение подачи именно этого материала. Теперь я понимаю, что Миненко во многом невольно способствовал нашему желанию и дальше заниматься изданием книг – общение с ним было поучительно и заразительно.

В последующие годы мы, к сожалению, вместе не работали, но, встречаясь, всегда тепло и по-дружески общались. Видимо, совместная удачная работа оставила в душе каждого теплый след и взаимную благодарность.

Борис НЕЧЕРДА,
*поет, лауреат Національної премії України
імені Тараса Шевченка*

Ця нелегка «вічна тема»

На протязі останніх років до редакції часто надсилає свої вірші Володимир Миненко, він є, так би мовити, нашим найактивнішим автором. Очевидно, уважний читач помітив, що твори В.Миненка друкувалися на сторінках нашої газети теж достатньо часто. І то – цілком вмотивовано.

Зараз навряд чи доцільно вдаватися до ретельного та детального аналізу попередніх творів В.Миненка – як друкованих, так і повернутих авторові. Однак з огляду на запропонований нині цикл поезій, варто зробити кілька висновків загального порядку, котрі допомогли б окреслити певні тенденції у творчості В.Миненка. Та й, зрештою, не лише самого Миненка.

Від добірки віршів до іншої, котрі надходили до редакції, виразно вбачались обнадійливі штрихи. Так, кожен твір в цілому (а не окрема вдала строфа чи рядок, як то траплялося попервах) набував рис довершеності, приваблював посиленою увагою до людини-сучасника. І, що чи не найважливіше, В.Миненко свідомо відмовився від умисної ускладненості самої структури й побудови вірша, від надміру ланцюгової асоціативності та інших атрибутів, котрі завше засвідчують авторське невміння висловлюватися чітко та ясно про будь-яке складне явище. Вірші В.Миненка з часом набули тієї прозорості й простоти, що притаманні справді творам поетичним.

Безперечно, можна твердити, що авторові вдалося перейти межу учнівства, межу, коли просто студія слова набуває принадних рис усталеної майстерності.

Але й цього, як ми переконаємося нижче, іще не самодостатньо...

Поетична пошта за минулий місяць не багата на несподіванки чи відкриття. Тим-то багатьом початківцям, вірші котрих визнані найслабшими, вирішено відповісти листовно. Про решту поговоримо нині.

Давно на часі принципова розмова про визначальний обов'язок митця будь-якого рангу: прагнути у своїх творах до

більш активної передачі життя нашого сучасника, до осмислення та відображення громадського поступу людини, до її внутрішнього вдосконалення.

І це аж ніяк не балакання знічев'я, а загальна вимога часу.

Нема підстав огульно твердити, що наші автори цураються посилюючого оспівування дійсності, – ні, про це пишуть, декларують і... вимагають надрукувати.

Публікувати здебільшого немає можливості: слабо, неправно.

З Вилково написали (на жаль, підпис нерозбірливий):

Соль исходит от наших рубах.
Волны тянутся синей резиной
Как железен в рубахе рыбак,
как упорен!
Но как уязвим он...

І далі автор, у таких же м'язистих, експресивних рядках, оповідає про важкий труд рибалки, про збиті в кров руки, про знеможену в чеканні кохану.

Все, на перший погляд, переконливо й достойне читацької прихильності, а відтак – і загальної підтримки та визнання.

А ось заключні строхи:

Наши жены не хворост жгут –
с кем они
нашу боль позорят?..
Я спустил с себя сотню шкур,
но во имя чего, позвольте?
И не надо моралей и драк, –
не из тех я, кто людям шkodит.
Ах, какой же я был дурак –
не окончил, как люди, школу!

Автор, як бачимо, почувується обійденим, оскільки свого часу на побажав закінчити школу (мабуть, середню?). Далі, коли йти за авторовими логічними вправами, то «судьба-злодейка» (узято з «откровень» того-таки вірша) насміялася; змусила молоду людину податися в рибалки...

Однак головне не в цьому. Звернімо увагу на оте «во имя чего, позвольте?»

Стикаємося, отже, з прикрим випадком, коли людина власну причетність до виробників вважає ледве чи не наслідком помилок юності. Звідси – очевидна поза вихвалання мозолями. І, як наслідок, безпідставна скарга на невдячність довколишніх (хоч би й тої-таки коханої).

Іван Черняєв (м. Львів) у вірші «Счастье», наприклад, пише, відштовхуючись від прислів'я, що щасливі народжуються в сорочці:

Может, правда, на планете нашей
где-то есть такие чудо-люди?
Счастье им подносится на блюде.
Ну, а я такого не приемлю –
счастья лотерейного (?), без пота.
Гольшом явился я на землю,
чтоб трудом рубашку заработать.

Або ще Борис Наконечний (м. Одеса), вірші «Весенний дождь»:

Бьют звонко дождевые молоточки,
Выковывают гибкие листочки
А небо, словно кузница большая,
Кует нам предпосылки урожая.
Встают побеги зелено и нежно,
Сады благоухают белоснежно.
И шепчет дождь: «заботой окружая,
Лишь человек добьется урожая».

Ідейно-тематичні обрії, річ ясна, безмежні та розмаїті, – варто лише постійно відчувати залізну відповідальність за своє поетичне слово.

Звісно, серед загалу віршів на тему труда подибуємо не лише невдалі, котрі суперечать головній настанові – активній передачі життя нашого сучасника. Найближчим часом наша газета неодмінно видрукує повнокровні, яскраві, сповнені плідного пафосу, поетичні твори кількох авторів. На нашу думку, вони сповна переважають невправність та творчі невдачі згаданих початківців. Тому ми умисне не цитуємо це краще.

...Часто першою темою для початківця є тема любові, кохання. Це почуття є відправною, так би мовити, точкою. Асфальтом, крізь який пробивається слабенкий до часу пагінець.

Тим-то й не дивно, що віршами про любов заповнені багато й багато листів наших дописувачів. Освідчення юних сердець, перші душевні гризоти й сум'яття – ось що загалом визначає невірні, проте сповнені невідомої щирості твори.

Антоніна Музикант (м. Одеса), у першому ж рядку переклавши на українську мову відоме «любви все возрасты покорны», спробувала навіть «вивести» якусь формулу кохання:

Кохати – значить чисто жити,
І чути щебет цвіркуна ;
Кохати все, що можна лиш любити:
Країну, матір, землю і поля.

І поряд – така смислова невизначеність:

Хочу весною – много снега,
Зимою – множества цветов.

А вже далі – мова про ошукану любов. Явна плутанина почуттів і (даруйте, Антоніно!) в результаті – головне порушення поетичного твору: відсутність єдино визначеної та переконливої думки.

Звісно, виразніше звучить от хоч би й такий чотиривірш (І.Потоцький, м. Одеса):

Хочу сгореть дотла –
Ты сердца не туши.
Но только б ты была
Огнем моей души.

Вогнем – і не більш, на децицію ліричний герой не згоден. І декларація «Я не только тебя обидеть, – я солгать тебе не смогу!» зостається, на жаль, лише називною. Бо, зрештою (у віршах про кохану актрису), ця невизначеність набуває псевдоромантичного забарвлення, вибуває за межі сучасності:

Будь в жизни такой, как на сцене,
Войди с головой в свою роль –
И в жизни тебе не изменит
Твой, крепко любимый, король...

На жаль, з поміж віршів на цю тему ми не спромоглися вибрати хоча б одного, вартого публікації. Мабуть, доведеться зачекати на високе слово про кохання.

На цьому можна було б і закінчити огляд поетичної пошти, коли б не одне міркування.

Визнано, що здебільшого поезію породжує високе й юне почуття любові. З часом, навчившись на власному письменницькому досвіді, автори вдаються до осмислення інших тем – оспівують людські пошуки й труд, відкривають «красиве і корисне» в проявах повсякденного життя. І, трапляється, що обдарована людина здобуває визнання митця.

Але часто молоді поети, що вже засвідчили собою появу нового свіжого голосу, повертаються до висхідної точки – до любові.

Саме таке відбувається нині у творчості Володимира Миненка, про якого йшла мова спочатку.

Отже – цикл віршів про кохання, котрий заслуговує на певне дослідження. Заслуговує хоч би з огляду на те, аби на прикладі доробку В.Миненка визначити головні здобутки та недоліки інтимної лірики початківців.

Уже сама назва циклу («Лекарство от любви») свідчить про невтолену жагу та біль ліричного героя. А ось і свідчення цьому:

Рубите мебель на дрова!
Все в мире прах и тлен...

і далі

Великая любовь умрет,
прожив короткий миг.
А не умрет, – ее убьет
один из вас двоих.
Лишь время всех перемудрит,
наставит нам носы,
пересыпая пирамид
песочные часы.

Песимізм? Розпач? Можна було б і так тлумачити душевний стан ліричного героя, коли беззастережно прийняти його за людину самовпевнену (адже саме пихата людина губиться, коли несподівано натикається на відсіч...).

А герой не такий, він усвідомлює, що при всій його життєвій діяльності «просто жизнь не удалась»:

И вот случилось – сам оставлен...
Был незначителен предлог.
В твоей судьбе я не был главным
И, как ни бился, стать не смог.

Не зміг. Ось у чому заковика, ось де корінь образи і того
всесвітнього смутку: «Рубите мебель на дрова».

Покинутий, ліричний герой ніби прозріває, вдруге хоче
переосмислити те, що сталося, й водночас боїться «страшний
день вторичного родження зустріти на холодном берегу».

Та й смуток отой звучить дещо пародійно:

...Я грущу о Вас, ясновельможна пани,
нынче этой грусти – день седьмой.
О прошедшем говорить не стоит.
За неделю, лучше чем вздыхать,
можно было б новый мир построить
И как раз сегодня отдыхать.

Такий собі божок, правда ж?..

І буквально поряд, в іншому вірші, – сповідальність:

Я тоскую по тебе и знаю,
что назад дороги нет.

В цих, лише двох, рядках більше художньої правди, ніж в
розцяцькованих багатьох віршах циклу. І вже справжньою
знахідкою слід вважати завершальне:

Солнце растворяется и тонет,
словно в молоко пролитый мед.
Я живу, как сухой на склоне –
дунет девять баллов – и сорвет.

Кохання, й усе, пов'язане з ним, – огонь всеочисний. В
ньому загартовується людина, мужнішає й чистішає. І то
неправда, що, як твердить В.Миненко, «перед любов'ю всякий
слаб».

Слабкість в іншому (йдеться про цикл віршів): В.Миненко не
спромігся вкласти хоч би одне – власне, лише йому притамане! –
слово в скарбницю «вічної теми».

Так, в подаяких віршах подибуємо влучні образи, навіть цілі
строфи, милуємося вишуканим звукописом, спостерігаємо тонкі

асоціації, але ж... даруйте, все це вже було! У того ж таки В.Миненка, коли він писав твори іншого (і, будьмо відверті) значимішого характеру.

Отже, напрошується висновок, Миненкове «повернення до любові» не вдалося, постріл виявився холостим. І це прикро.

Можуть запитати: то навіщо було стільки говорити про цикл віршів В.Миненка замість того, щоб просто дати відповідь авторові листовно?

Причини дві. Перша. Віршів про кохання (навіть значного професійного рівня) ми одержуємо надзвичайно багато. І все же не маємо змоги публікувати їх, оскільки вони здебільшого позбавлені своєрідності. Не побоїмося повтору: на ниві «вічної теми» не кожному вдається зажити слави, для цього треба мати великий таланти. Що ж до загального потоку віршів про любов, то вони – звичайнісінькі римовані оповіді, котрі скоріше личило б надсилати не в газету для загального читання, а безпосередньо коханому чи коханій.

Причина друга, найголовніша.

Цим хотілося нагадати молодим поетам, що їм є до чого докласти рук, висвітлюючи наше сьогодення, – вчитися розуміти й оспівувати духовний світ трудящої людини.

Ця нива теж не з легких! Але – вдячна.

Богдан СУШИНСКИЙ,
*писатель, лауреат премии им. А.Дюма,
премии им. Н.Трубляни,
премии им. К.Паустовского*

Творец книжного чуда

В мае 2007 года в рамках VIII Всеукраинской выставки-форума «Українська книга на Одещині» прошел вечер, посвященный одному из самых талантливых художников-оформителей книг, который назывался: «Творчий портрет: Володимир Миненко – митець книги». Думаю, совершенно естественно, что он состоялся в отделе редких изданий и рукописей Одесской государственной научной библиотеки им. М.Горького.

Этот вечер существенно отличался от многих других мероприятий – многолюдных, представительных, при участии книжников из многих городов и от многих издательств Украины. Наоборот, в нем собрались преимущественно те, кто лично знал художника Владимира Миненко, который еще совсем недавно и слишком преждевременно ушел из жизни. Пришли те, кто сотрудничал с ним как с коллегой; чьи увековеченные в книгах произведения он творчески, с особым, изысканным вкусом оформлял, дополняя чисто литературные достоинства их еще и произведениями изобразительного искусства.

Открывая это уважаемое собрание, известный украинский поэт Анатолий Глуцак, бывший многолетний директор издательства «Маяк», творчески сотрудничавший с Миненко и как руководитель, и как автор, четко и выразительно определил два основных смысловых направления этой встречи. Первое состоит в том, чтобы попытаться создать коллективный устный портрет этого талантливого художника; второй – повести вполне профессиональный разговор о неповторимой творческой манере Владимира Миненко и о традициях и состоянии книгооформления сегодня. Причем, оба эти направления оказались очень созвучными с самой идеей проведения в Одессе уже традиционной выставки-форума.

А говорить действительно было о чем: в творческом портфеле этого мастера более пятисот оформленных им книг,

каталогов выставок, буклетов – разных авторов, жанров, самой разнообразной тематики и даже разных эпох. Почти все выступающие – а это, кроме Анатолия Глуцака, директор ОГНБ им. М.Горького Ольга Ботушанская, председатель Одесской областной организации Национального союза писателей Геннадий Щипковский, писатель Юрий Овтин, вдова художника Людмила Миненко, а также его коллеги художники-графики и дизайнеры Григорий Палатников, Людмила Карпушкина, Геннадий Гармидер, Александр Карпушкин, библиограф-искусствовед Татьяна Щурова – неизменно отмечали уникальное соединение в этом человеке интеллигентности, духовности с потрясающим умением творчески проникать в сущность каждого издания, рукопись которого попадала к нему на стол.

Миненко владел удивительной способностью внимательно и терпеливо выслушивать автора и точно так же внимательно и терпеливо прислушиваться к тому, что говорят со страниц будущей книги ее герои. Так вот, на грани восприятия авторского замысла и книжной сюжетно-характерной реальности как раз и рождалось то изобразительно-графическое решение, которое оказывалось приемлемым и для автора, и для издателя и которое вскоре становилось естественным и неотъемлемым атрибутом новой книги. А ведь следует напомнить, что во времена становления Миненко как книжного оформителя и творца многих товарных знаков различных фирм и различной продукции не было компьютерного поиска и варьирования; не было ксероксов и не было практики электронных версий рукописей, благодаря которым можно было «поиграть» шрифтами, цветами, сюжетами, размерами и композиционными строениями графики. На вооружении Владимира Тимофеевича и его коллег-ровесников были только сугубо «дедовские» средства: ножницы, клей, бумага и безграничное, монашеское терпение. Но ведь посмотрите, как изобретательно и сноровисто они этими «орудиями» пользовались.

Организованная сотрудниками библиотеки выставка «Владимир Миненко – художник книги» представила, естественно, далеко не все издания, отмеченные талантом этого мастера, но эти сто книг дают достаточно полное и контрастное представление и о творческой манере, и о своеобразном ассоциативно-зрительном мышлении его, и об

умении найти именно те символы, которые больше всего и наиболее характерно раскрывают суть книги или товарного знака. И когда, в свое время, библиотека им. М.Горького решила издать несколько книг, которые бы воссоздавали дух прошлых эпох, то остановились именно на личности Владимира Миненко. В сотворчестве с ним появились представленные на выставке «Старопечатные издания кирилловского шрифта» и миниатюрные книжки «Маразли» и «Одесский журнал „Крокодил” и его авторы». Приятное впечатление производят оформленные Миненко книги А.Глуцака, Б.Нечерды, Ю.Овтина, Г.Лазаревой, библиографическое издание «Історія півдня України в книгах», серия книг молодых авторов «Дебют» и многие другие произведения.

Уже будучи неизлечимо больным, буквально в последние дни своей жизни, Владимир Миненко создал оригинал-макет и оформление интересной книги Галины Лазаревой «Владимир Высоцкий» из серии «Имена Одесской киностудии», презентация которой также происходила в рамках выставки-форума. Так сложилось, что мне выпало быть и рецензентом рукописи (оригинал-макета) этой книги, а со временем, когда она вышла в свет, то и самого издания – статья «На высоте таланта» («Одесские известия» от 14 декабря 2006 года). Так вот, Владимир Миненко оказался на высоте тех требований, которые предъявлялись к книге о талантливом актере Владимире Высоцком. Создание этого оригинал-макета, вобравшего в себя сотни фотографий, кинопроб и кадров из фильмов; оригиналы всевозможных официальных бумаг, рисунков и фрагментов рукописных сценариев, – воистину стало еще одним из вершинных творений неповторимого творца книги, каковым был и навеки останется Владимир Тимофеевич Миненко. Вот почему все присутствующие на вечере его памяти тогда одобрительно отнеслись к предложению Анатолия Глуцака выпустить книгу, куда вошла бы библиография изданий, над которыми работал Миненко, а также материалов, воссоздающих личность этого талантливого человека. Очень рад, что такая книга состоялась и уверен, что она будет своеобразным наглядным пособием для молодого поколения издателей и художников книги.

Галина ЛАЗАРЕВА,
*директор Системы детских
библиотек Одессы*

Судьбой дарованная встреча

«Уважаемой Галине Яковлевне в знак нарушения параллельности наших одесских судеб, с памятью о харьковских 60-х», – так написал мне художник книги В.Миненко в марте 1999 года одну из своих работ.

Харьковские 60-е – это период нашей работы на Харьковском тракторном заводе – гиганте советской индустрии. Тогда 24-летняя Галина – директор Дворца культуры ХТЗ и 17-летний Володя, короткое время работавший в этом дворце художником-оформителем и одновременно посещавший занятия в изостудии Дома пионеров ХТЗ, где преподавателем был бывший узник ГУЛАГа Алексей Григорьевич Мурзич, единственный, по сути, учитель Миненко. «Он учил нас зарабатывать на котлеты, а надо бы творчеству», – так оценил потом Владимир этот период своей профессиональной подготовки.

Вместе с тем, обстановка творчества на ХТЗ тогда была неповторимой: многочисленные и многожанровые коллективы художественной самодеятельности, руководимые профессиональными артистами, не могли не повлиять на формирование молодого и амбициозного художника.

Увлечение книгами К.Паустовского сманило Володю Миненко в Одессу, в которой, со временем, оказалась и Галина Печенко, по паспорту к тому времени Лазарева.

Оба мы работали в закрытых практически коллективах: он в республиканском пионерском лагере «Молодая гвардия», я – на Одесской киностудии художественных фильмов.

Превращение Володи в знакового художника книги, известного просто как Миненко, произошло не сразу. Да и я решила запечатлеть в книгах Одесскую киностудию в лицах, только ощутив неповторимость уходящих в прошлое событий.

Миненко был к началу 90-х годов уже признанным Мастером, снизошедшим до дилетантских потуг Лазаревой на поприще книгоиздания по причине глухого, на тот период, безденежья и отсутствия достойной работы. Миненко не знал

кинопроизводства, а я была неискушенной в технических и творческих процессах подготовки книги.

Сотрудничество наше продолжалось до конца его жизни. Успели сделать вместе восемь книжек, которые, смею надеяться, останутся в книжной летописи не только нашего города. Как жаль, что так и не воплотился в жизнь наш интереснейший проект – трехтомное миниатюрное издание по истории Одесского оперного театра. Остались заметки по разработке этой идеи, но они, увы, не увлекли в свое время людей, могущих материально обеспечить выход такой книги. А ведь это мог быть отличный образец полиграфического искусства!

Совместная работа началась с необычной книги «Галина Лазарева. Время. Кино. Книга», где удалось, по-моему, на основе документального материала воссоздать не только жизнь отдельного человека, но и отразить, скажем, очень важный период истории Одесской киностудии, когда я работала там главным редактором. Великолепное умение Миненко организовать предложенный материал в книгу дало поразительный результат, вдохновило на следующую работу. Так через год появилась наша вторая книжка «История Димы Лазарева, рассказанная им самим». Это была трудная, кропотливая работа, но, по словам людей из близкого окружения художника, Владимир Тимофеевич особенно выделял это наше творение как безусловную удачу.

Еще через год вышли две небольшие книжки из серии «Имена Одесской киностудии», посвященные кинодраматургу Василию Решетникову и начальнику цеха обработки пленки Людмиле Поповой.

Все эти книги имели большую благожелательную прессу и были как бы подготовкой к двум последующим, ставшим широко известными за пределами Одессы и Украины. Книги-альбомы о Кире Муратовой и Владимире Высоцком продолжили на новом художественном уровне серию «Имена Одесской киностудии». Для уникальных материалов, фотографий и документов, сохранившихся в моем архиве, Миненко нашел необычный дизайнерский формат, очень выразительную стилистику. Он к тому же стал соавтором, обнаружив недюжинные литературные способности. Книги заметили, они стали дипломантами ежегодных выставок-форумов «Украинская книга на Одессине»

(2006-2007), а книга «Владимир» – лауреатом муниципальной премии «Твои имена, Одесса» (2007).

Многочисленные рецензии на все эти книги рассыпаны в различных журналах и газетах. Думается, уместно привести фрагменты из некоторых отзывов, где дается высокая оценка работе талантливого художника, подарившего нам свою любовь к книге и высокий дар делать книги неповторимым почерком.

Ута КИЛЬТЕР:

Меня как профессионала в области современного искусства поразило в книге ее оформление. Да это же просто-напросто «арт-бук». Очень стильно и необычно, с той мерой достоверности, которую в самом непосредственном виде представить никто не решался. Это соответствие форме реальности, это выдержано в необходимой существовавшей тогда стилистике. Речь идет о насыщении книги фотографиями документов вместе с документами тех времен. В них аккумулирована эпоха (*Жизнь человеческая... // Слово. – 1999. 24 дек.*).

Чем книга необычна? Она не сочинялась, в нее включены документы из личного архива одного человека. Порой может показаться, что материалы и суховаты и скучноваты...

Верно. Но все перечисленное есть атрибуты жизни нехилого времени. Нехилого по размаху нашего духа. А главное, все собранное – это вехи личной жизни, свидетельство участия персоны в событиях эпохи...

Книга Лазаревой – книга, вобравшая ее личные реликвии. И вместе с тем она, книга, не узкосемейная, она имеет общественный резонанс. Сумма таких личностных вещей и чувствований образуют национальное достояние и философию нации (*Пантеон «Одесса» // Одесса строительная. – 2000. – 30 июня*).

А.Ю.КОРЕЙША:

Книга «Галина Лазарева. Время. Кино. Книга» достойный повод поразмышлять о роли человека в истории общества, о культуре и ее взаимоотношении с социальной системой (*Дело честного человека (размышления на полях книги) // Одесса строительная. – 2000. – 30 июня*).

Марія СУХОВЕЦЬКА:

Цю книжку варто почитати. Вона спонукає до думок. А владу до дії (*Спонукає до думок // Думська площа. – 2000. – 26 трав.*).

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ:

Мне кажется, что с этим сборником вышла жанровая путаница. Составитель... пыталась соединить несоединимое... Замечаний у меня было много. Но книга так сделана, что главным в ней остается киноремя, правда о прошлом нашей киностудии. И это свидетельство участника событий ценнее всех просчетов составителя (*Свидетельство о киновремени // Слово. – 2000. – 30 июня*).

Игорь ПОТОЦКИЙ:

Эта книга уже стала частью истории Одессы. На нее, уверен, будут ссылаться, ее будут цитировать» (*Жизнь моя – кинематограф, черно-белое кино // Одес. вестн. – 2000. 17 июня*).

Ута КИЛЬТЕР:

Сама форма подачи-презентации, организации материала, а его, судя по всему, было изрядно: отбор, редактирование, выстраивание из клочковатых и разнохарактерных заметок, изобилия писем, документальных свидетельств единого целого, – несомненная удача, завершившая труд художника и редактора книги Владимира Миненко. Возможно, что существование подобного рода специалиста в нашем городе, вообще, сделало возможным появление этой книги на свет (*Частная жизнь // Слово. – 2002. – 16 авг.*).

В.РУТКИВСКИЙ:

Остается добавить, что книгу с большим вкусом и выдумкой подготовил к выходу в свет известный одесский художник В.Миненко (*С любовью и не без морали // Веч. Одесса. – 2003. – 25 марта*).

Игорь ПОТОЦКИЙ:

Сразу отметим, что подготовку издания осуществил блестящий мастер – Владимир Миненко, дизайн которого

удивителен (*О себе, о жизни и времени // Одес. вестн. – 2002. – 6 июня*).

Василь БОРЕЦЬКИЙ:

Головний документ будь-якої епохи – приватне життя людини, неповторне і неклоноване.

І в цьому сенсі тут конче треба згадати редактора Володимира Міненка. Його скрупульозна, логічна, високохудожня манера розташування багатющого документального матеріалу, його віртуозна майстерність – понад усі похвали (*Становлення громадянина // Чорномор. новини – 2002. – 15 серп.*).

Роман БРОДАВКО:

Автори текста обладують очень цінним, на наш взгляд, качеством – чуттєвильністю ко времени, ко всем его достоинствам и недостаткам. К достоинствам, безусловно, можно отнести, например, энтузиазм, бескорыстность, увлеченность, которые, к сожалению, девальвировались в наши дни. К недостаткам – диктат, опирающийся на догмы партийной дисциплины, некомпетентность, которая прикрывалась демагогией, безнаказанную халатность. Через все это – хорошее и плохое – прошла Людмила Попова, оставаясь сама собой (*Твое назначение // Одес. вестн. – 2003. – 23 июля*).

Владимир МИНЕНКО:

Никогда не знаешь, выиграл ты или проиграл, оттого что сделал тот или другой шаг, и что стоит за словом «победа» – так неустойчиво значение слов. Знать можно лишь то, что не пытался дурачить судьбу и привела она тебя туда, куда ей было угодно, и придала значение, которое назначено. Ты лишь приложил к этому все свои силы и всю свою жизнь (*из архива художника*).

Роман БРОДАВКО:

Его составители... а также автор оформления и оригинал-макета Владимир Миненко отнесли с большим уважением к произведениям победителей конкурса, достойно представив их на страницах книги... В оформлении книги удачно использованы

графические и живописные работы ребят (*Гимн весны и романсы осени // Одес. вестн. – 2005. – 16 февр.*).

Елена МИХАЙЛОВА:

Оформление книги сделал Владимир Миненко, но украшена она еще и рисунками участников конкурса. Книжечка получилась приятной, интеллигентной, если можно так выразиться (*После конкурса – книжка // Веч. Одесса. – 2005. – 19 февр.*).

Ирина ГОЛЯЕВА:

Оформление книги – особая статья. Представьте себе кулинарное издание, «полное пантагрюэлизма, иллюминированное рисунками Гюстава Дорэ». Да, иллюстрации французского художника к роману Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» украшают нашу книгу. Это заслуга известного художника Владимира Миненко – автора художественной подготовки издания, оригинал-макета и предисловия (*Секреты кухни и полиграфии // Одес. изв. – 2005. – 19 мая*).

Ирина ЗАЙЧЕНКО:

А своим великолепным дизайном и остроумным предисловием книга обязана художнику Владимиру Миненко. Думаю, что не будет преувеличением, если скажу, что сама книга является произведением искусства: подержать ее в руках, рассмотреть иллюстрации уже доставляет удовольствие (*Пальчики оближешь // Одес. вестн. – 2005. – 26 февр.*).

Татьяна НЕПОМНЯЩАЯ:

Оригинал-макет и дизайн выполнил известный художник Владимир Миненко... Это подарочное издание. Одно удовольствие взять эту книжку в руки (*Изящный подарок // Веч. Одесса. – 2005. – 20 янв.*).

Кира МУРАТОВА:

Художнику-невидимке – Владимиру Миненко. Отдаю дань одаренности, профессионализму, изяществу, исключительности, элегантности замысла и наполнения, проявившихся в этой книжке. Икона удалась! Сама на себя залюбовалась (*автограф на экземпляре книги, янв. 2005 г.*).

Віра КАНДИНСЬКА:

Брак інформації про одну з найвизначніших постатей сучасного кінематографічного процесу... відчувався і відчувається дуже гостро.

Однак протягом останніх років ситуація поступово змінюється на краще. Одним із доказів цього можна вважати надзвичайно цікавий ілюстрований збірник «Кіра Муратова» під редакцією Володимира Міненка та автора проекту Галини Лазаревої... Видання, яке стане своєрідним подарунком до 70-річчя Кіри Георгіївни, вочевидь зацікавить не лише спеціалістів, а й широке коло шанувальників її творчості (*Кіно. Театр. – 2004. – № 6*).

Тина АРСЕНЬЕВА:

Со страниц альбома Г.Лазаревой – В.Миненко предстает именно Время. То самое, «по Бахтину»: всеразрушающее и всеобновляющее. Но и хранящее: приобщающее к Вечности, если ты ее, конечно, достоин...

Стереоскопичная, наводящая на раздумья и просто научно полезная книжница получилась... Нарядно оформленный альбом, который сам просится в руки (*Мета вечности, клеймо времени... // Веч. Одесса. – 2005. – 27 янв.*).

Ирина ГОЛЯЕВА:

Многочисленные кадры из фильмов и фотографии создают иллюзию присутствия на съемочной площадке, в зрительном зале, рядом с героиней... "Иллюстрированное издание" отмечено тонким вкусом, как в смысле подбора материала, так и его размещения (*Режиссер Одесской киностудии // Одес. изв. – 2004. – 6 нояб.*).

Алла СОКОЛОВА

(зав. отделом библиотеки ВГИКа):

Буклет о Кире Муратовой пользуется большим спросом, так как об этом замечательном режиссере мало литературы, – это во-первых; а во-вторых, книга сделана очень добротной, профессионально (*из письма, 10 авг. 2006 г., архив Лазаревой*).

Ута КИЛЬТЕР:

Кардинально изменив подход на научно-изыскательный, авторы во много раз увеличили ценность серии, расширив ее назначение, уйдя, без преувеличения, в сферу чистого киноведения. Любопытно другое: представив солидный научный аппарат вниманию публики, они сумели в подборке сохранить баланс сугубо кинематографических оценок и режиссерских реминисценций по поводу муратовских картин, участников и шире – творчества как такового, в результате чего всегда очень важный в деле искусства личностный момент получил якобы отстраненное, но оттого еще более значимое звучание. Тут сыграл определяющую роль деликатный и вполне новаторский дизайн (монтаж) каждого из разворотов и книги как единого целого.

Книга богато иллюстрирована концептуально только фотографиями рабочих моментов процесса съемки либо Киры Муратовой «как женщины, человека и творца». Но профессионально уловленная приватность делает это издание одновременно еще и фотоальбомом. ...Издание книги... является архиважным и насущным делом (Юг. – 2004. – 25 нояб.).

Геннадий СЕРЕБРЯКОВ:

Книга... является своеобразной летописью творчества крупнейшего современного кинорежиссера. Минимум сопроводительного текста – максимум фотографий, несколько статей разных лет о творчестве режиссера, среди которых и разгромная, явно заказная, опубликованная в 1972 году в газете «Радянська Україна», а также выдержки из рецензий разных авторов на фильмы Муратовой... В.Миненко является также дизайнером этого богато иллюстрированного издания (*Профессия: режиссер // Одес. вестн. – 2004. – 30 сент.*).

Галина ЛАЗАРЕВА:

Миненко никогда не видел Решетникова и не общался с ним.

Вместе с тем, тема Таланта и Личности была болезненно важной для Владимира Тимофеевича и размышления о герое повести иногда выглядели автобиографичными (*март 2008 г.*).

Но ведь было же что-то и в этом стриженном под машинку парне! – пусть ничего не предвещали его суконные рифмы, – не могло не быть! Пусть не связанные со словом в его поэтическом назначении, пусть оно будет реализовано через другое искусство, – неужели сидело еще так глубоко, неподвижно, неразлично? Или суть его таланта не могла обойтись без посредников, как музыка, записанная значками? Разве не горело на нем клеймо, по которому узнают избранных...

Быть постоянно погруженным в чужие замыслы – утомительно. Не может все сводиться к голому “профессионализму” – все равно при этом отрываешь от себя, как от куска глины, ибо больше взять неоткуда, потому, что иначе ничего не будет. Приводя в вид собственных представлений, принимаешь уже не как игру, не как лицедейство, но как образ анонимного самовыражения, досадный неполнотой и разрушительный.

А и то думаешь: куда девать все это, накопившееся внутри, не находившее самостоятельного воплощения? Сколько всего сокровенного оказалось навсегда погребенным под завалами конъюнктуры (*Галина Лазарева, Владимир Миненко. Повесть о жизни и фильмах человека и кинодраматурга Василия Решетникова. – С. 29.*)

К нему, развившему в себе способности имитатора, жонглера, канатоходца, умевшему приспособлять чувства к обстоятельствам и пользоваться собой как флейтой, – в том балагане, что творился вокруг, – бросались когда нужно было... (*там же. – С. 88–89.*)

Ута КИЛЬТЕР:

Если назначение этого текста – быть рецензией, то я обязана заявить сразу же: эта книга мне понравилась. И задачей своей, формой (подачи) и содержанием. Начиная с приближения – дизайна как такового, удачного решения компоновки лицевой обложки, до вполне европейского обычая выносить на заднюю – кто, что, почему да как. Удачный размер – недокарманный – средне маленький. Но больше всего меня порадовали своим размером номера страниц – их легко увидеть и опознать как таковые вообще... И уже с самого внешнего знакомства можно получить представление об уровне серьезности и намерений авторов издания, ибо там приведен

(воспроизведен факсимильно) документ *(Попытка реконструкции № 2. Профессия кинодраматурга // ИЛИ. – 2003. – 14 марта).*

Анжела и Лена МИЛОВИДОВЫ:

...Изящное оформление первой странички (заглавной) и эта лошадка, символизирующая человека, который постоянно идет вперед, преодолевая все трудности *(из письма, 6 марта 2003 г., архив Лазаревой).*

Галина ЛАЗАРЕВА:

«Лошадка! Не могу найти Лошадку!» – произносил Миненко вдруг посреди моих суетных размышлений. Будто и не к месту. Мы работали над повестью «Василий».

Ночами пересматривала альбомы, книги, тащила оцетинившиеся закладки фолианты. Художник и соавтор оценивающе взвешивал их в руке и через день два возвращал обратно. Усмешливый взгляд без слов отмечал: Лошадки нет.

Закладки являли Буцефалов, кентавров, пегасов, мустангов, рысаков, русских тяжеловозов, французских першеронов, вздыбившихся в ярости боя, торжественно несущих на себе героев, задумчиво застывших в бронзе, взбрыкивающих, аллеющих, косящих взглядом...

Лошадка нашлась без моей помощи, и только узрев в пробном оттиске маленького Конька, приподнявшего копытце, всей тонкой статью устремившегося к чему-то, я устыдилась, потому, что не поняла главного, что таилось в определении им высказанном: ЛОШАДКА. Не лошадь, не конь, а именно Лошадка *(март 2008 г., архив Лазаревой).*

Г.Б.УРВАЧЕВА

(зам. директора по музейной и научной работе):

Благодарим Вас за переданные для Музея книги и газетные публикации. Они приняты в отдел книжных фондов...

Присланные Вами материалы представляют для нас большой интерес.

Они будут включены в библиографию. Книга о Владимире Высоцком просто уникальна по своему содержанию. С ней будут работать и сотрудники Музея, и исследователи творчества В.Высоцкого *(из письма, 6 февр. 2007 г., архив Лазаревой).*

Володимир ВОЙТЕНКО:

...Із подякою за люб'язно подаровану Вами (чудово змайстровану!) книжку «Владимир Высоцкий»...

Є також питання-прохання: де можна придбати інші книжки із серії «Імена Одеської кіностудії», які Ви так любовно робите й випускаєте? Першу, присвячену Кірі Муратовій, ми в редакції маємо... Також є шанувальники, що вони зацікавлені придбати книжку про Высоцького, а в київських книгарнях не знайшли. Чи продаються ці книжки хоча б в Одесі? Коли Ваша ласка, дайте знати, де їх шукати?...

Бажаю Вам, собі й усім гарних одеських фільмів і книжок!
(*KINO-KOLO. – 2007. – 25 черв.*.)

Александр ГАЛЯС:

Есть такое выражение – литературный памятник. При всей его затертости, трудно подобрать лучшее определение того, что сделано... Это действительно памятник, ибо мимо этой книги уже не сможет пройти ни один из настоящих и будущих исследователей творчества Владимира Высоцкого (*Порто-франко. – 2006. – 28 дек.*).

Лилия КЛИМОВА:

Ее ценность в том... что авторы создали, по сути, своего рода одесскую летопись великого актера, певца и поэта. Издание прекрасно иллюстрировано фотографиями, рисунками, а также различными документами, которые имели отношение к съемкам фильмов (*Афиша Одессы. – 25 дек. 2006 – 14 янв. 2007*).

Сусана ЧЕРНЕНКО:

Нет сомнения, что имя Владимира Высоцкого по праву (хотя и не безраздельно) принадлежит Одесской киностудии, ее золотому фонду, вправленное теперь бронзовым барельефом в ее фасад. Отсюда пошла его зримая слава», – довідуємося з книжки «Владимир Высоцкий» про артиста, що пішов у свою «Вертикаль» просто зі сцени.

...Побудоване на документальних фактах видання містить фрагменти творчої біографії скандального барда часів його співпраці з Одеською кіностудією (*Болід, що поспішав у вертикаль // Книжник review. – 2007. – 18-21 квіт.*).

Татьяна РЫБНИКОВА:

Составители издания... сумели объединить усилия одесских музеев, киностудии, коллекционеров и библиотек и выпустить замечательную книгу, свидетельствующую, что имя Владимира Высоцкого по праву принадлежит золотому фонду Одесской киностудии (*Фаворит. – 2007. – № 4(7). – (Книжная полка)*).

Книга цікава й багата ілюстраціями, фактажем. Єдине зауваження до оформлення – забагато чорного й сірого тла, яке обтяжує й так перевантажену фрагментарною структурою книжку (*Володимир Висоцький на Одеській кіностудії // Кіно. Театр. – 2007. – № 2(70)*).

Андрей АЛФЕРОВ:

Высоцкий и Одесса – тема интереснейшая и до сих пор до конца не исследованная. А ведь наш город – ключевой в биографии великого поэта и актера... авторы не высказывают собственную точку зрения, лишь представляют на суд читателя талантливую компиляцию, включающую в себя фрагменты писем, эксклюзивные интервью, письма зрителей, критические статьи, синопсисы и копии официальных документов... И, безусловно, невероятные и уникальные фотоматериалы, в том числе, актерские фотопробы к фильмам, в которых снимался Высоцкий... Высоцкий и Одесса. Почему его так тянуло сюда?.. Ответа нет в этой книге, но она рождает массу вопросов, и за это ее авторам особый земной поклон! (*Владимир Высоцкий. Имена Одесской киностудии // Афиша Одессы. – 2007. – 12-25 февр., № 112. – С. 64*).

Увидела свет книга «Владимир Высоцкий». Рассказ кинематографистов дополняют фото- и киноматериалы, беглые наброски художников, зрительские письма и газетные заметки. Фотоматериал смонтирован по законам кинематографического искусства (*Аспекты. – 2006. – 22-28 дек.*).

Анна ЕГОРОВА:

Книга «Владимир Высоцкий» – кинематографическая сенсация уходящего года. Это чудесный литературный памятник известному поэту и удивительно талантливому человеку 70-х гг. прошлого века (*Базар. – 2006. – 19-26 дек.*).

Богдан СУШИНСКИЙ:

Авторы... блестяще справились с задачей создания сборника таких фактов, свидетельств и документов. На каждый фильм с участием Высоцкого, каждую его роль они сумели собрать такое всестороннее творческое досье, дополнить его такими впечатлениями очевидцев, выстроить такой прекрасный изобразительный ряд с использованием кадров из фильмов, кадров кинопроб и житейских фотографий, что в результате перед нами предстает само по себе прекрасное произведение мемуарной документалистики, которое займет достойное место в любом музее, на любой библиотечной полке, в личном архиве любого исследователя творчества Высоцкого, деятельности Одесской киностудии или развития украинского кино второй половины 20-го столетия (*На высоте таланта // Одес. изв. – 2006. – 14 дек.*).

Людмила ГЛИНСКАЯ:

Пожалуй, главное – это искреннее и доброе отношение авторов к своему герою, это пристальный взгляд профессионала, просвечивающий сквозь строки, которые написаны по-настоящему добрым другом (*А был он таким... // Одес. вестн. – 2006. – 9 дек.*).

Елена МАРЦЕНЮК:

Книгу, «исполненную филигранно, с тонким вкусом, чувством стиля и четким ритмом организации материала, потрясающими фотографиями, которые не просто представлены на страницах в качестве иллюстраций текста, а смонтированные по законам кинематографического искусства, живут, «дышат» и создают почти реальное ощущение непрерывавшейся жизни главного героя. А герой – Владимир Высоцкий (*Портрет Владимира Высоцкого в рамке Одесской киностудии // Юг. – 2006. – 3 авг.*).

Елена КОЛТУНОВА:

Книгу о Владимире Высоцком будут читать все: и киноманы, и поклонники его поэзии, его песен, и те, кому посчастливилось увидеть его на подмостках, и те, кто просто считает Владимира легендой ушедшей эпохи (*Одессея Владимира Высоцкого:*

путешествие по страницам виртуальной книги и реальной памяти // Порто-франко. – 2006. – Сент.-окт., № 38-39).

Снежана ПАВЛОВА:

Авторам пришлось долго и кропотливо собирать интересные истории коллег о великом певце и актере. Копилка воспоминаний и интересных фактов, а также ценных фотографий и иллюстраций... и лежит в основе уникальной книги. На ее страницах можно как бы соприкоснуться с прошлым Одесской киностудии и жизнью и творчеством актера и барда Владимира Высоцкого благодаря воспоминаниям легендарных личностей: Станислава Говорухина, Киры Муратовой, Георгия Юнгвальд-Хилькевича и многих других (*Ну, я Высоцкий! Чего ты кричишь? // Комс. правда в Украине. – 29 дек. 2006 – 4 янв. 2007).*

ЗМІСТ

Миненко Володимир Тимофійович	3
Робота з книгою	4
Серія «Імена Одеської кіностудії»	26
Серія «Дебют»	27
Робота в періодичних виданнях	29
Публікації В.Т.Миненка в журналах	32
Публікації В.Т.Миненка в газетах	33
Вірші	33
Статті	34
Література про життя і творчість	40
Статті і вірші В.Т.Миненка	43
Среди серых камней	43
Начальные записи к повести о Кире	52
Седнев	56
Олексій Шовкуненко	67
Зв'язок часів	71
Хokusай, який прожив вічність	73
Де Сегонзак	75
Фінська графіка	76
Спогади випробувача	78
Дев'ятий Тіціан	79
Доля академіка живопису	83
Пісня – сонце світу	85
Яхт-клуб	86
Смерть дерева	87
«Перед рассветом лишь, наверно...»	88
Пустой причал	88
«Гамбринус»	89
Ключ у тишины	90
«В измятой мичманке, с одной...»	91
Между весной и летом	92
«Как лист последний на рябине...»	93
Птицелов	93
Брехт и Вайль	94
Часовые у Мавзолея	97
«Он начал бы без репетиций...»	98

Статті, присвячені В.Т.Миненку	103
<i>А.Глушак</i> . Лицар книги	103
<i>А.Карпушкин</i> . Професіонал	106
<i>Г.Гармидер</i> . О Володе Миненко	108
<i>В.Сыров</i> . Памяти друга	111
<i>Г.Палатников</i> . Зелье творчества	118
<i>Н.Прокопенко</i> . Скромный гений	120
<i>Ю.Овтин</i> . Самородок	121
<i>Е.Голубовский</i> . «Судьба – это не то, что предначертано, это то, что ты сам выбираешь»	124
<i>Т.Щурова</i> . В содружестве с мастером	126
<i>Б.Нечерда</i> . Ця нелегка «вічна тема»	128
<i>Б.Сушинский</i> . Творец книжного чуда	135
<i>Г.Лазарева</i> . Судьбой дарованная встреча	138

Науково-довідкове видання

**Володимир Тимофійович
МИНЕНКО**

Збірник матеріалів про митця

Упорядники:
*Лариса Миколаївна Бур'ян,
Тетяна Василівна Щурова*

Комп'ютерний набір
Т.В.Іванова

Редакційно-видавничий відділ
Одеської державної наукової
бібліотеки імені М.Горького
65023 Одеса-23, вул. Пастера, 13

Підписано до друку . .2008
Формат паперу 60x84/16
Друк офсетний
Обл.-вид. арк.
Тираж 100 прим.
Замовлення №